Санкт-Петербургский Институт истории
Российской академии наук

П. Л. БАРК

Воспоминания последнего министра финансов Российской империи

1914–1917

Том 1

КУЧКОВО ПОЛЕ
МОСКВА
2017

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524
Б24

Утверждено к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского Института истории
Российской академии наук

Рецензенты: д. и. н. С. К. Лебедев, д. и. н. С. Г. Беляев

Научный редактор: к. и. н. С. В. Куликов

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Барк П. Л.
Б24 Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. и коммент. С. В. Куликова. — М.: Кучково поле; Мегаполис, 2017. — 496 с. — (Живая история)

ISBN 978-5-9950-0656-5
ISBN 978-5-9950-0749-4 (т. 1)

Петр Львович Барк (1869–1937) известен не только как последний министр финансов Российской империи, но и как автор замечательных воспоминаний, которые являются одними из наиболее объективных во всей эмигрантской мемуаристике, созданной представителями первой волны русской эмиграции. Уникальность мемуаров П. Л. Барка обусловливается особенностями его неординарной личности, блестящей служебной карьеры, проходившей в Министерстве финансов, и судьбы после 1917 года, ознаменованной не менее блестящей карьерой в Англии. Читая эти воспоминания, иногда подернутые дымкой легкой иронии, делающей их еще более увлекательными, читатель встретится с Николаем II, великими князьями, царскими министрами, государственными и общественными деятелями России, а также Англии, Германии, Франции, окажется в самом центре российской и международной финансовой политики периода Первой мировой войны. Мемуары П. Л. Барка издавались в парижском журнале «Возрождение» в течение 1955–1956, 1959 и 1965–1966 годов и впервые публикуются в полном объеме на родине их автора.

В 1-й том вошли воспоминания до июня 1915 года.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0656-5
ISBN 978-5-9950-0749-4 (т. 1)

© Куликов С. В., вступ. ст. и коммент., 2016
© ООО «Кучково поле», оформление, 2016

«НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ БАРК»: ФИНАНСИСТ И ПОЛИТИК

Масштаб высокопоставленного государственного деятеля определяется не только присущими ему личными качествами, но и окружающими его внешними обстоятельствами, что подтверждается судьбой П. Л. Барка, последнего министра финансов Российской империи, оставшегося в памяти современников как «непотопляемый Барк»[1]. Можно спорить о том, являлся

[1] Служебный формуляр П. Л. Барка см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 60–62. Деятельность П. Л. Барка, прежде всего, как министра финансов, рассматривается в следующих работах: *Apostol P. N., Bernatzky M. W., Michelson A. M.* Russian Public Finance during the War / With introduction by count V. N. Kokovtzov. New Haven, CT, 1928; *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; *Беляев С. Г.* П. Л. Барк: этапы карьеры // Из глубины времен. 1996. Вып. 7. С. 58–69; *Он же.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. Если авторы англоязычной коллективной монографии трактовали финансовую деятельность П. Л. Барка сравнительно нейтрально, то А. Л. Сидоров, согласно марксистско-ленинской парадигме, видел в нем инициатора заключения «кабальных финансовых соглашений» России с Англией и Францией, хотя введенные советским историком в научный оборот комплексы новых документов зачастую противоречили его точке зрения. В монографии С. Г. Беляева деятельность П. Л. Барка как министра финансов впервые в историографии получи-

ли П. Л. Барк самым лучшим министром финансов дореволюционной России, но бесспорно одно — он являлся самым лучшим министром финансов из современных ему министров финансов великих держав, чему способствовал его предыдущий жизненный путь.

Петр Львович (Людвигович) Барк родился 6 апреля 1869 г. в селе Новотроицкое Александровского уезда Екатеринославской губернии и, формально, происходил «из дворян Екатеринославской губернии». В действительности еще его дед, исповедовавший лютеранство, был «поселенцем Лифляндской губернии», в которой арендовал имение. Но уже отец П. Л. Барка — Людвиг Генрих (Генрихович) Барк (1835–1882), также лютеранин, — после окончания Дерптского университета и Лесного института служил по Министерству государственных имуществ, в Корпусе лесничих. Судя по всему, Л. Г. Барк имел родного либо двоюродного брата, который в 1915 г. управлял Беловежской удельной пущей, и Николай II знал, что это — «родственник министра, служивший здесь 20 лет лесничим, — энергичный человек, в совершенстве знающий лес и дичь»[I]. Очевидно, что Барки были русскими немцами, хотя осведомленный журналист князь М. М. Андроников в сентябре 1915 г. характеризовал Петра Львовича императрице Александре Федоровне как «представляющего из себя помесь немецкого колониста с евреем»[II]. Однако С. Н. Палеолог, один из лучших знатоков личного состава центральных и местных учреждений России начала XX в., утверждал, что П. Л. Барк происходил «из немцев»[I]. Дослужившись до министра финансов, он лишний раз подтвердил, что пребывание на этом посту русского немца или сановника с «немецкой» фамилией было старой доброй традицией Российской империи, учитывая, что в XIX — начале XX в. без малого 65 лет ее Финансовым ведомством руководили граф Е. Ф. Канкрин, П. Ф. Брок, граф М. Х. Рейтерн, С. А. Грейг, Н. Х. Бунге, граф С. Ю. Витте, Э. Д. Плеске и, наконец, П. Л. Барк.

ла объективную оценку, основанную на привлечении широкого круга как опубликованных, так и неопубликованных источников. О политической деятельности П. Л. Барка в годы Первой мировой войны см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. См. также: *Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* Министр финансов П. Л. Барк в годы Первой мировой войны (По публикациям А. Н. Яхонтова и материалам его архива) // История финансовой политики в России. Сборник статей. СПб., 2000. С. 179–191; История Министерства финансов России: в 4 т. Т. 1: 1903–1917 гг. М., 2002; *Петров Ю. А.* Глава 5. Финансовое положение до Февраля 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 379–398.

[I] Николай II — Александре Федоровне. 23 июня 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 201.

[II] *Куликов С. В.* Успокоения нечего ожидать: Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1. С. 28.

Неспокойная служба занесла Л. Г. Барка в Екатеринославскую губернию, где с 1867 г. он управлял Велико-Анадольским казенным лесничеством и обрел супругу — ею стала 16-летняя Юлия Петровна, урожденная Тимченко-Ерещенко (1849–1931), дочь местного помещика. В соответствии с тогдашними вероисповедными законами Российской империи, дети лютеранина Л. Г. Барка — Петр и его сестра Елена (1867–?), согласно вероисповеданию матери, были уже православными. После награждения Л. Г. Барка орденом Св. Владимира 4-й степени Правительствующий Сенат в 1878 г. утвердил его с женой и детьми (11-летняя дочь и 9-летний сын) в потомственном дворянстве с правом на внесение в третью часть дворянской родословной книги Екатеринославской губернии[II]. Следовательно, П. Л. Барк происходил не из потомственных дворян, а из разночинцев, чем не представлял исключения по сравнению с другими государственными деятелями Российской империи.

В 1879 г. Л. Г. Барк получил повышение по службе и переехал с семьей в Петербург, где Петр поступил в Анненшуле — гимназию при Лютеранской церкви Св. Анны, причем уже тогда он совершенно свободно говорил на немецком и французском языках, что свидетельствовало о качественности полученного им домашнего образования. Неудивительно, что в гимназии Петр обнаружил большие способности и всегда был первым учеником, этаким вундеркиндом из провинции. Однако в 1882 г. семейство Барков постигла невосполнимая утрата — скончался его отец, имевший уже чин статского советника и хо-

[I] *Палеолог С. Н.* Около власти: Очерки пережитого. М., 2004. С. 47.

[II] РГИА. Ф. 1343 (Департамент герольдии Правительствующего Сената). Оп. 17. Ч. 1. Д. 1185. Л. 3 об., 13.

рошие служебные перспективы — благодаря покровительству товарища (заместителя) министра государственных имуществ А. Н. Куломзина. Петр должен был навсегда забыть о беззаботном детстве и, для пополнения семейного бюджета, заняться репетиторством, в чем ему помогали директора Анненшуле (Ю. Г. Кирхнер — до 1884 г., затем — И. И. Кениг), подбиравшие юному репетитору учеников (см. Приложение 34). Несомненно, что многолетний опыт репетиторства научил П. Л. Барка умению общаться с разными людьми и с каждым говорить на его языке, что будущему министру финансов так пригодилось позднее.

В 1887 г. П. Л. Барк окончил Анненшуле, получив по всем предметам «очень хорошие» (т. е. отличные) отметки за исключением математики и естествознания, по которым имел просто «хорошие» отметки. Первоначально, в июле 1887 г., П. Л. Барк подал прошение о зачислении его на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета, однако уже в сентябре того же года просил о переводе на юридический факультет[I]. «Барка, — вспоминал В. Б. Лопухин, — я еще помню по университету студентом. Он был курса на два, на три старше меня. Репетиторствовал у кого-то из власть имущих. Приобрел протекцию»[II]. В. Б. Лопухин (1871–1942) учился на физико-математическом факультете и наверняка действительно знал П. Л. Барка. Согласно сведениям графа В. В. Мусина-Пушкина, П. Л. Барк учился в Киевском университете, когда «был репетитором у сына графа Алексея Павловича Игнатьева»[III]. Между тем в Киевском университете П. Л. Барк никогда

[I] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 11.

[II] *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 226.

[III] Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 132. В этой публикации приведены письма не «царских сановников», а депутата IV Государственной думы графа В. В. Мусина-Пушкина его тестю, кавказскому наместнику графу И. И. Воронцову-Дашкову. Одно из писем, написанное 18 февраля 1914 г., через 19 дней после назначения П. Л. Барка управляющим Министерством финансов, из всех опубликованных эпистолярных источников содержит наибольшее количество информации о карьере П. Л. Барка и причинах его назначения. Однако, по признанию самого В. В. Мусина-Пушкина, эта информация основана «если не всегда на достоверных, на что никто, не бывши сам свидетелем, претендовать не может, то, во всяком случае, на вероятных и правдоподобных сведениях» (Там же. С. 131). Поэтому к информации данного письма надо относиться с крайней осторожностью, чего исследователи до сих пор не делали.

не учился, хотя нельзя отрицать, что, репетиторствуя в Петербургском университете, он мог приобрести протекцию — это подтверждается и началом его служебной карьеры.

По окончании юридического факультета со степенью кандидата прав, т. е. формально, как обладатель первой ученой степени, войдя в научное сообщество, П. Л. Барк 19 мая 1892 г. поступил в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов на должность младшего помощника столоначальника с чином коллежского секретаря. Кредитная канцелярия входила в четверку наиболее элитарных учреждений Российской империи конца XIX — начала XX в. «В С.-Петербурге, — вспоминал М. В. Шахматов, — существовало убеждение, что блестящим молодым людям следует начинать свою службу в одном из следующих четырех учреждений: Министерстве иностранных дел, Кредитной канцелярии Министерства финансов, Канцелярии Совета министров или Государственной канцелярии»[I]. Кредитная канцелярия не только вбирала в себя молодых чиновников особого рода, но и обеспечивала им быструю карьеру по банковской линии. «Это было, — писал о Кредитной канцелярии А. В. Ивановский, — почетное учреждение для детей высшей буржуазии, как Государственная канцелярия — для детей высшего чиновничества. Из деятелей Кредитной канцелярии выходили директора частных банков и провинциальных отделений Государственного банка». Здесь «густо пахло торгово-промышленной психологией»[II]. К моменту поступления П. Л. Барка в Кредитную канцелярию ее директором был Э. Д. Плеске, а вице-директором — С. И. Тимашев. Именно этот тандем определит карьеру П. Л. Барка на ближайшие полтора десятка лет, хотя великосветские сплетники и по данному поводу имели свое мнение, полагая, что он «начал службу при Плеске и что-то натворил при нем, сватался,

[I] *Шахматов М. В.* Последние дни Мариинского дворца и Петрограда // Российский архив. Новая серия. 2005. Т. MMIV. С. 672.

[II] *Ивановский А. В.* Воспоминания инженера: Последняя эпоха царизма в России и заря коммунизма // СПбФА РАН. Разр. IV. Оп. 72. № 1. Л. 142.

не женился на его дочери»[I]. Между тем ко времени появления П. Л. Барка в Кредитной канцелярии старшей дочери Э. Д. Плеске (Нине) было 10 лет, а младшей (Анне) — только 2 года[II], а потому при всем своем желании П. Л. Барк свататься к ним не мог ни тогда, ни позднее. Более того, он находился на хорошем счету у Э. Д. Плеске, поскольку уже в августе 1894 г. получил повышение — должность младшего столоначальника Кредитной канцелярии.

Впрочем, С. Ю. Витте, назначенный 30 августа 1892 г., вместо И. А. Вышнеградского, управляющим Министерством финансов, называл П. Л. Барка «моим сотрудником». «Когда он был еще совсем молодым человеком, только что окончившим учебное заведение, я, — вспоминал С. Ю. Витте, — его послал за границу, в Берлин, к Мендельсону, учиться банковскому делу»[III]. Однако еще 28 августа 1892 г., за два дня до назначения С. Ю. Витте, И. А. Вышнеградский командировал П. Л. Барка в Берлин, Лондон и Амстердам «по делам службы». Впоследствии, уже при С. Ю. Витте, в 1893 и 1895–1898 гг. П. Л. Барка неоднократно командировали под тем же предлогом в Амстердам, Берлин, Лондон и Париж. Очевидно, к этому времени он в совершенстве владел не только немецким и французским, но и английским языком. В июне 1895 г. П. Л. Барк был командирован на шесть месяцев в Берлин «для изучения банковского дела»[IV]. Полугодовую стажировку он проходил в банкирском доме «Мендельсон и К°» и в Германском Имперском банке, а также в Берлинском университете, где слушал лекции профессоров политэкономии А. Вагнера и Г. фон Шмоллера (см. Приложение 34). С. Ю. Витте считал, что «эта школа пошла Барку впрок»[V]. Однако на его карьеру влиял не только высокий уровень его профессиональной квалификации, но и тандем «Плеске — Тимашев». В июне 1893 г. С. И. Тимашев был назначен товарищем (заместителем) управляющего Государственным банком, в июле 1894 г. Э. Д. Плеске — его управляющим.

[I] Из переписки царских сановников... С. 132.
[II] *Шилов Д. Н.* Государственные деятели... С. 517.
[III] Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 130.
[IV] *Шилов Д. Н.* Государственные деятели... С. 61.
[V] *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 56.

И уже в январе 1895 г. П. Л. Барк оказывается на должности секретаря при управляющем Государственным банком, т. е. при том же Э. Д. Плеске. В мае 1896 г., очевидно — в связи с коронацией Николая II, П. Л. Барк получил свою первую награду — «высочайшую благодарность».

В 1897–1905 гг. П. Л. Барк был директором Отделения заграничных операций Петербургской конторы Государственного банка. Параллельно в 1898–1911 гг. он состоял председателем правления Учетно-ссудного банка Персии[I], фактически являвшегося филиалом Государственого банка, а в 1902–1911 гг. — директором правлений Персидского страхового и транспортного общества и Энзели-Тегеранской и Тавризской железных дорог. В марте 1900 и январе 1903 г. П. Л. Барка командировали «по делам службы» в Персию, в июле 1900 г. — в Париж, для переговоров с Мирзой Али Асгар-ханом (имевшим титул Атабек-е-Азам, т. е. «Высший правитель»), первым министром персидского шаха Мозафереддина. Так П. Л. Барк приобретал опыт международного переговорщика, столь пригодившийся ему впоследствии на посту министра финансов. Не случайно, что первыми иностранными орденами, полученными П. Л. Барком, были именно персидские — Льва и Солнца 2-й (октябрь 1900 г.) и 1-й (январь 1903 г.) степени. В дополнение к уже упомянутым должностям в 1899–1905 гг. П. Л. Барк являлся также членом правления Русско-Китайского банка[II], в котором контрольный пакет акций принадлежал Государственному банку. В связи с этим в декабре 1902 г. его наградили китайским орденом Двойного Дракона 2-й степени 2-го класса. В апреле 1899 г. П. Л. Барк получил свой первый русский орден — Св. Станислава 2-й степени, а в декабре 1901 г. стал кавалером Креста французского ордена Почетного легиона. Очевидно, что Э. Д. Плеске, а именно от непосредственного начальника зависело представление чиновника к награде, продолжал ценить своего молодого сотрудника. Но самое главное — на рубеже веков, в январе 1900 г., П. Л. Барк

[I] Об этом банке и деятельности в нем П. Л. Барка см.: *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914 гг. (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975. См. также: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 15–21.
[II] См. о нем: *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 163–191.

обрел семью, женившись на Софье Леопольдовне, урожденной баронессе фон Бер (1867–1957), дочери надзирателя Петербургской таможни барона Л. Ф. фон Бера. У четы Барков было двое детей — дочь Нина (1900–1975), впоследствии вышедшая замуж за лейтенанта Гвардейского экипажа Н. Д. Семенова-Тян-Шанского (1887–1974) (внука известного ученого и государственного деятеля) и сын Георгий (Юрий) (1904–1936).

Помимо обеспечения экспансии российского финансового капитала в Персии и Китае П. Л. Барк непосредственно участвовал в подготовке и осуществлении одной из важнейших экономических реформ — биржевой реформы 1900–1902 гг., будучи членом от Государственного банка Особого совещания под председательством П. П. Цитовича по пересмотру Устава С.-Петербургской биржи. Особое совещание, заседавшее в декабре 1899 — январе 1900 г., выработало проект «Временных правил для Фондового отдела С.-Петербургской биржи», которые усилили контроль над Фондовой биржей со стороны Министерства финансов посредством передачи ее в заведование Особенной канцелярии по кредитной части. Положение Комитета министров «Об образовании на С.-Петербургской бирже Фондового отдела» Николай II утвердил 27 июня 1900 г., а в феврале 1901 г. С. Ю. Витте назначил П. Л. Барка действительным членом Фондового отдела и членом его Совета[I]. Характерно также, что в самом начале XX в. мундир П. Л. Барка стал заметно тяжелеть от орденов — в апреле 1902 г. он получает Св. Анну 2-й степени, в марте 1904 г. — Св. Владимира 4-й степени, в июне того же года — болгарский орден «За гражданские заслуги» 2-й степени. В августе 1903 г., казалось бы, снова заработал тандем «Плеске — Тимашев», поскольку в это время первый был назначен министром финансов, а второй, в сентябре 1903 г., — управляющим Государственным банком, однако вскоре Э. Д. Плеске скоропостижно скончался, и в феврале 1904 г. его преемником стал В. Н. Коковцов. Тем не менее в феврале 1905 г. П. Л. Барк получил пост управляющего Петербургской конторой Государственного банка. «Помню, — писал И. И. Тхоржевский, — сказанную при мне фразу Витте (у себя дома), кажется, по поводу назначения

[I] *Лизунов П. В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917). СПб., 2004. С. 317–324.

Барка только еще управляющим Петербургской конторой Государственного банка (место, влиятельное на бирже). Когда кто-то сказал: “Как — выдвигают Барка? Разве он так умен?” Реплика Витте была: “Деньги-то платят разве за ум? Платят за нюх только”»[I]. Это, естественно, означало, что у «сотрудника Витте» есть не только «ум», но и «нюх».

Возглавив Петербургскую контору, П. Л. Барк, согласно закону, ушел из правления Русско-Китайского банка и Совета Фондового отдела, однако в феврале 1907 г. его единогласно избрали товарищем председателя Фондового отдела, а председателем правления Учетно-ссудного банка Персии он оставался до сентября 1911 г. Пока же, в 1905 г., на фоне первой русской революции произошло событие, во многом определившее бюрократическую карьеру П. Л. Барка в 1911 и в 1914 гг., а именно — его знакомство с товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным, который вскоре становится старшим другом Петра Львовича и, в должности главноуправляющего землеустройством, его покровителем. В январе же 1906 г., благодаря С. И. Тимашеву, по-прежнему управлявшему Государственным банком, П. Л. Барк совершил новый карьерный взлет, оказавшись на посту товарища управляющего этим банком. В апреле 1906 г. П. Л. Барк ассистировал В. Н. Коковцову, который ездил в Париж для заключения «Большого международного займа», явившегося на тот момент, действительно, самым большим займом за всю мировую финансовую историю[II]. Однако планы С. И. Тимашева относительно П. Л. Барка вошли в противоречие с его собственными планами, и в июле 1906 г. он перешел с государственной службы на частную, намереваясь возглавить Волжско-Камский коммерческий банк, во многом, однако, зависевший от Государственного банка. Официально тонкой ниточкой, которая продолжала связывать П. Л. Барка с государственной службой, была занимавшаяся им с июля 1906 г. должность действительного члена Попечительного совета Приюта принца П. Г. Ольденбургского, находившегося в ведении МВД.

[I] *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. С. 56.

[II] Подробнее см.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 202.

В апреле 1907 г. П.Л.Барка официально избрали директором-распорядителем и членом правления Волжско-Камского банка[I]. Даже А.В.Ивановский, относившийся к П.Д.Барку отрицательно, признавал, что он был «недурным банковым деятелем»[II]. На самом деле П.Л.Барк являлся выдающимся банковским деятелем, что доказывается переизбранием его, в апреле 1908 г., в члены правления банка подавляющим большинством — 116-ю голосами из 121-го[III]. П.Л.Барк пользовался безусловным авторитетом не только в Волжско-Камском банке, но и в широких банковских кругах, поскольку именно его избрали председателем третейской комиссии, которая разбирала «недоразумения» между крупными коммерческими банками при исполнении соглашения, заключенного ими 27 сентября 1910 г. и установившего единые ставки по текущим счетам и срочным вкладам[IV]. В амплуа банкира П.Л.Барк наконец-таки взял реванш за свои бедные детство и юность, поскольку, став директором Волжского-Камского банка, «попал на баснословно высокий оклад»[V], «составил себе приличное состояние»[VI] и с этих пор был известен как «человек богатый»[VII]. Согласно завещанию, составленному П.Л.Барком 2 октября 1910 г., его мать и двое детей в случае смерти Петра Львовича получили бы 100 000 руб., остальное, точно не определенное, имущество отходило его жене[VIII]. Помимо денежного капитала, на посту директора Волжско-Камского банка П.Л.Барк приобрел не менее ценный капитал, заключавшийся в человеческих связях самой, для того времени, высшей марки, а именно — в придворных связях.

[I] О деятельности П.Л.Барка в этом банке см.: *Беляев С.Г.* П.Л.Барк и финансовая политика... С. 23–27.

[II] *Ивановский А.В.* Воспоминания инженера... // АСПбИИ РАН. Ф. 297 (С.Н.Валк). Оп. 1. Д. 373. Л. 255–256.

[III] *Беляев С.Г.* П.Л.Барк и финансовая политика... С. 25.

[IV] *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998. С. 143–144.

[V] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора... С. 227.

[VI] *Ивановский А.В.* Воспоминания инженера... // АСПбИИ РАН. Ф. 297 (С.Н.Валк). Оп. 1. Д. 373. Л. 255–256.

[VII] Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. М.; Л., 1924–1927. Т. 4. 1925. С. 244–245.

[VIII] *Беляев С.Г.* П.Л.Барк и финансовая политика... С. 26.

С.И.Тимашев, будучи министром торговли и промышленности, ходатайствуя о пожаловании П.Л.Барка в камергеры Высочайшего двора, напоминал министру Императорского двора и уделов барону В.Б.Фредериксу в письме от 21 апреля 1910 г., что в ведении Волжско-Камского банка «находятся многие капиталы и финансовые дела высочайших особ, Императорского двора и Главного управления уделов». Ходатайство министра торговли и промышленности было поддержано сразу двумя великими князьями — Николаем Михайловичем и Николаем Николаевичем. Как директор банка П.Л.Барк обслуживал финансовые интересы скончавшегося в 1909 г. патриарха дома Романовых — великого князя Михаила Николаевича и его детей, не только Николая, но и Александра Михайловича[I]. С семьей последнего, женатого на сестре Николая II — великой княгине Ксении Александровне, П.Л.Барк, судя по всему, в дальнейшем поддерживал тесные отношения. Не случайно, что в марте 1914 г. он получил знак 1-й степени. Комитета морских экскурсий при рескрипте Александра Михайловича за поддержку, оказанную комитету. На посту министра П.Л.Барк избрал своим ближайшим сотрудником брата В.А.Шателена, управлявшего двором этого великого князя, — С.А.Шателена, делавшего карьеру благодаря Александру Михайловичу[II]. П.Л.Барк был знаком как с представителями императорской фамилии, так и с ключевыми фигурами императорского двора — обер-гофмаршалом графом П.К.Бенкендорфом[III] и обер-гофмейстериной Е.А.Нарышкиной[IV].

Возглавляя Волжско-Камский банк, П.Л.Барк занимался не только узкобанковскими, но и общеэкономическими вопросами, в частности — пересмотром оснований биржевой реформы 1900–1902 гг. в смысле расширения доступа на Фон-

[I] *Куликов С.В.* Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В.Ананьича. СПб., 2003. С. 79.

[II] *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208 (Л.М.Клячко (Львов)). Оп. 1 Д. 46. Л. 20 об.

[III] А.К.Бенкендорф — П.К.Бенкендорфу. 21 сентября 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. М., 2014. Т. 1. С. 231.

[IV] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания: Под властью трех царей. М., 2014. С. 403.

довую биржу игрокам со стороны и разделения постов председателя Биржевого комитета и председателя Фондового отдела в целях его превращения в автономную Фондовую биржу. П. Л. Барк являлся председателем Комиссии «для обработки всяких имеющихся по сему предмету материалов и представления проекта», которая заседала в октябре 1908 г. в помещении Волжско-Камского банка. В декабре 1909 г. Совет Фондового отдела Петербургской биржи представил Министерству финансов подготовленный комиссией проект «Положений и Правил для Фондового отдела», однако министр финансов В. Н. Коковцов, по причине своего личного отношения к П. Л. Барку, оставил проект без последствий[I]. В результате, полагал А. Н. Наумов, П. Л. Барк «прошел основательную практическую школу в частных банковских, фондово-биржевых и железнодорожных учреждениях»[II]. Наоборот, В. В. Мусин-Пушкин утверждал, что, «прослужив в Государственном и в Волжско-Камском банке, Барк не знает ни страны, ни Министерства финансов, ни даже биржи»[III]. Однако пристрастность подобной оценки очевидна — именно благодаря службе в перечисленных учреждениях по степени профессиональной осведомленности мало кто из русских финансистов-практиков мог сравняться с П. Л. Барком, и это во многом обусловило крутой виток его карьеры, связанный с возвращением на государственную службу.

В августе 1911 г. П. Л. Барк был назначен товарищем министра торговли и промышленности С. И. Тимашева с производством в действительные статские советники[IV]. Таким образом, статским генералом он становится уже в 42 года! Несомненно, что этому назначению способствовал сам С. И. Тимашев, который «высоко ценил Барка как своего бывшего помощника в деле управления Государственным банком»[V]. Однако, в данном случае руку приложил и председатель Совета мини-

[I] *Лизунов П. В.* Санкт-Петербургская биржа... С. 335–338.
[II] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917: в 2 т. Нью-Йорк, 1954–1955. Т. 2. 1955. С. 366.
[III] Из переписки царских сановников... С. 132.
[IV] О деятельности П. Л. Барка на этой должности см.: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 27–31.
[V] *Ивановский А. В.* Воспоминания инженера... // АСПбИИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 373. Л. 255–256.

стров и министр внутренних дел П. А. Столыпин, увлекшийся в 1909 г. идеологией национализма и сделавший ставку на Всероссийский национальный союз (или Партию националистов). Но в цитировавшемся выше письме к В. Б. Фредериксу С. И. Тимашев писал как о само собой разумеющемся, что Волжско-Камский банк «является единственным национальным учреждением среди других банков в Санкт-Петербурге»[I]. П. А. Столыпин не мог не знать и того, что в 1910–1911 гг. П. Л. Барк сыграл главную роль в спасении от банкротства органа Партии националистов — газеты «Новое время», путем ее акционирования и преобразования в «Товарищество А. С. Суворина “Новое время”», членом правления которого стал и П. Л. Барк[II]. По сведениям С. П. Белецкого, накануне назначения П. А. Барк подготовил для премьера записку о национализации кредита, что и привело к знакомству П. А. Столыпина с П. Л. Барком и его назначению товарищем министра торговли и промышленности[III]. Более того, и здесь нельзя не согласиться с В. В. Мусиным-Пушкиным, П. А. Столыпин «взял» П. Л. Барка с дальним прицелом — чтобы «иметь его на случай ухода Коковцова»[IV].

Сам В. Н. Коковцов вспоминал, что при назначении П. Л. Барка товарищем министра «все говорили открыто, что Тимашев взял его не столько по собственному выбору, сколько потому, что на него указал покойному Столыпину Кривошеин, готовя в нем более сговорчивого, чем я, министра финансов в будущем»[V]. Последовавшая в сентябре 1911 г. смерть П. А. Столыпина и назначение председателем Совета министров В. Н. Коковцова замедлили воплощение плана А. В. Кривошеина. Пока же, в связи с назначением П. Л. Барка товарищем министра, журнал «Промышленность и торговля», орган Совета съездов представителей промышленности и торговли, подчеркивал, что «привлечение в ряды правительства представителя торгово-промышленной мысли» съездовская организация «готова признать зна-

[I] *Куликов С. В.* Придворный штат... С. 79.
[II] Подробнее об этом см.: *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 291–293, 297–299.
[III] Показания С. П. Белецкого. С. 245.
[IV] Из переписки царских сановников... С. 132.
[V] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 243.

менательным симптомом того, что ведомство, коему поручены заботы о преуспеянии торговли и промышленности, сознает важность своих задач и не прочь их отстаивать от чьих бы то ни было посягательств»[I]. Положительная реакция этого журнала объяснялась не только тем, что в 1909–1911 гг. П. Л. Барк избирался в Совет съездов представителей промышленности и торговли, но и тем, что в его лице в руководстве Министерства торговли и промышленности впервые появился не чиновник, а видный банкир.

Однако не все встретили назначение П. Л. Барка положительно. Издатель журнала «Гражданин» князь В. П. Мещерский, претендовавший на то, чтобы считаться интимным советником Николая II, являлся, показывал С. П. Белецкий, «все время политическим и личным противником П. А. Столыпина» и «зорко следил за каждым его шагом, чтобы учесть ошибки Столыпина и подчеркнуть их в глазах Государя с соответственной окраской». Узнав, что покойный премьер готовил П. Л. Барка в заместители В. Н. Коковцова, В. П. Мещерский выступил на страницах «Гражданина» за 28 ноября и 11 декабря 1911 г.[II] со статьями, содержавшими клеветнические обвинения по адресу П. Л. Барка, пребывая «в полной уверенности», что «после такого разоблачения кандидатура Барка на пост министра финансов будет отложена»[III]. Характерно, что после состоявшегося в ноябре 1909 г. назначения С. И. Тимашева министром торговли и промышленности ему доставляли беспокойство «дикие выходки "Гражданина", на столбцах которого чуть не в каждом номере "Дневника" помещались форменные издевательства на мой счет с приписыванием мне, — вспоминал он, — слов и действий, безусловно, вымышленных. Это озлобление было, впрочем, на личной почве; несколько лет перед тем князь Мещеский обращался ко мне по Государственному банку с настойчивым ходатайством, в котором я вынужден был ему отказать»[IV].

[I] *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 70. Л. Е. Шепелев почему-то усмотрел в приведенной цитате некую иронию.

[II] *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин... С. 298.

[III] Показания С. П. Белецкого. С. 245.

[IV] *Тимашев С. И.* Автобиографические записки // С. И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения. Тюмень, 2006. С. 237.

Поведение издателя «Гражданина» относительно П. Л. Барка, помимо антистолыпинской, также имело личную подплеку, но несколько иного свойства. Позднее князь М. М. Андроников сообщил председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, что перед В. П. Мещерским П. Л. Барка «вывел на чистую воду член Совета Волжско-Камского банка г. Печковский»[I], т. е. В. Н. Печковский (1846–1921). Видный железнодорожный деятель, в свои 65 лет он все еще оставался действительным статским советником, хотя, по свидетельству последнего царского министра путей сообщения Э. Б. Кригера-Войновского, «до самой революции продолжал играть внешне незаметную, но серьезную роль в МПС»[II]. Как видно, блестящая карьера П. Л. Барка, ставшего в 42 года не только статским генералом, но и, официально, вторым человеком в Министерстве торговли и промышленности, а в близкой перспективе — и министром финансов, явно не давала спать его бывшим коллегам-завистникам по Волжско-Камскому банку!

Первое обвинение касалось роли П. Л. Барка как душеприказчика назначенного члена Государственного совета и председателя Финансовой комиссии верхней палаты П. М. Романова, умершего 31 июля 1911 г. Он являлся давним старшим сослуживцем П. Л. Барка по Министерству финансов, где занимал посты вице-директора Департамента железных дорог (с 1889), директора Общей канцелярии министра финансов (с 1892) и товарища министра финансов (1897–1905), откуда и попал в Государственный совет. П. Л. Барк якобы, будучи еще директором Волжско-Камского банка «сцапал акций на 250 тысяч рублей, которые пришлось вернуть», но до того «акции эти он, — передавал суть обвинения В. В. Мусин-Пушкин, — записал на имя жены почтеннейшего Петра Михайловича Романова, с которой имел будто бы связь, и Романов, узнав об этом, отравился!»[III] «Прошлое лето, — отмечал С. Ю. Витте в 1912 г., подразумевая П. М. Романова, — он трагически умер в Царском Селе. По поводу его смерти ходят всевозможные

[I] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 27.

[II] *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера; Спроге В. Э. Записки инженера. М., 1999. С. 59.

[III] Из переписки царских сановников... С. 132.

сплетни, но насколько эти сплетни верны — я не знаю»[I]. Характерно, что С. Ю. Витте поставил под сомнение «сплетни» о кончине П. М. Романова, хотя в иных случаях граф, как правило, не церемонился с достоверностью. Да, действительно, вспоминал граф А. А. Игнатьев, П. Л. Барк, «как говорили злые языки, пользовался даже большим успехом у женщин»[II]. Однако, судя по всему, он был однолюб, так как великая княгиня Ксения Александровна, близко знавшая чету Барков десятки лет, удостоверяла, что жена Петра Львовича «его просто боготворила»[III] и они «так счастливо жили»[IV]. Совершить аморальный поступок П. Л. Барку не позволила бы и его религиозность — его зятю он запомнился как «глубоко верующий» (см. Приложение 34). Между тем П. М. Романов в 1902 г., будучи 51 года от роду, впервые в жизни женился на Александре Дмитриевне, урожденной Покотиловой, которая была моложе его на 20 лет! Несмотря на позднюю женитьбу П. М. Романова, его супруга родила ему в 1909 г. — дочь Анну и 28 марта 1911 г., за четыре месяца до смерти мужа, — сына Петра[V]. Все это дает основания для утверждения, что кончина П. М. Романова была вызвана причинами естественного порядка, и П. Л. Барк тут, конечно же, ни при чем.

Другое обвинение, адресованное В. П. Мещерским П. Л. Барку, В. В. Мусин-Пушкин сводил к тому, что, уходя из Волжско-Камского банка в Министерство торговли и промышленности, «он выписал себе жалованье не по день ухода, а за несколько месяцев вперед, по день общего собрания для выбора нового директора»[VI]. Справедливость подобного обвинения оказывается под вопросом, если учесть, что ко времени возвращения на государственную службу П. Л. Барк уже являлся весьма богатым человеком и, казалось бы, не имел повода компрометировать себя по мелочам, тем более — в преддверии блестящей карьеры. Для П. Л. Барка, которого отличал «практический склад» «житейски-мудрого ума»[I], это было бы просто нерационально. Порукой невиновности П. Л. Барка является и его личная порядочность. Не случайно современники, хорошо знавшие П. Л. Барка, отмечали его «правдивость»[II], то, что «его словам всегда можно было верить»[III] и что у него — «светлая голова»[IV].

[I] Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. С. 641.

[II] *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 121.

[III] Ксения Александровна — А. А. Оболенской. 22 января 1937 г. // Имп. Мария Федоровна, Вел. кн. Ольга Александровна, Вел. кн. Ксения Александровна. Письма (1918–1940) к княгине А. А. Оболенской. М., 2013. С. 342.

[IV] Ксения Александровна — А. А. Оболенской. 24 февраля 1937 г. // Там же. С. 347.

[V] *Кузьмин Ю. А., Шилов Д. Н.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2006. С. 697, 698.

[VI] Из переписки царских сановников... С. 132.

Самым веским опровержением обвинений В. П. Мещерского является то, что после их опубликования в «Гражданине» П. Л. Барк через банкира И. П. Мануса, который вел в «Гражданине» финансовый отдел, познакомился с издателем журнала, и с тех пор у них были «самые лучшие отношения»[V]. Более того, друг В. П. Мещерского И. И. Колышко относил П. Л. Барка к числу сановников, «вылепленных» князем, и его «фаворитов»[VI]. Однако, учитывая, что сановную карьеру П. Л. Барку обеспечили, еще до В. П. Мещерского, премьер-министр П. А. Столыпин и министры А. В. Кривошеин и С. И. Тимашев, мнение И. И. Колышко можно расценить как явное преувеличение. Тем более что, став товарищем министра торговли и промышленности, П. Л. Барк через другого банкира, Д. Л. Рубинштейна, близкого к А. И. Горемыкиной, жене назначенного члена Государственного совета И. Л. Горемыкина, да и к последнему, завязал «хорошие отношения» с семьей Горемыкиных. Это обстоятельство, несомненно, сыграло свою роль, когда в начале 1914 г. произошло одновременное назначение И. Л. Горемыкина — председателем Совета министров, а друга его семьи — руководителем Министерства финансов. Вообще, на посту товарища министра торговли и промышленности П. Л. Барк, по сведениям С. П. Белецкого, приобрел «новые знакомства и положение свое считал относительно прочным, имея везде, где нужно, своих людей»[VII]. Связи П. Л. Барка с двором и династией упрочились,

[I] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний... Т. 2. С. 367.

[II] *Кантакузина Ю.* Революционные дни: Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918. М., 2007. С. 135.

[III] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 283.

[IV] *Хэнбери-Уильямс Д.* Император Николай II каким я его знал // Государь на фронте: Воспоминания. М., 2012. С. 134.

[V] Показания С. П. Белецкого. С. 245.

[VI] *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 173, 174.

[VII] Показания С. П. Белецкого. С. 245, 246.

поскольку с декабря 1913 г. он являлся членом Совета Императорского Человеколюбивого общества, находившегося под высочайшим покровительством.

«Будучи товарищем Тимашева, — сообщал В. В. Мусин-Пушкин И. И. Воронцову-Дашкову, подразумевая П. Л. Барка, — он решительно ничем себя не показал»[I]. И снова нельзя не поразиться пристрастности корреспондента кавказского наместника. В Министерстве торговли и промышленности П. Л. Барк развил активную деятельность, курируя вопросы, связанные, прежде всего, с внешней торговлей. С февраля 1912 г. под его председательством заседали Межведомственное совещание по вопросу о соответствии статьи 5 русско-германского торгового договора 1904 г. воспрещению вывоза из России платины, с октября 1912 г. — другое Межведомственное совещание, по вопросу о затруднениях, возникших в южнорусской вывозной торговле, с мая 1913 г. — Комиссия по пересмотру торговых договоров, срок которых близился к истечению. С января 1912 г. П. Л. Барк участвовал в работе Совещания под председательством С. И. Тимашева для обсуждения проекта Положения о торгово-промышленных палатах, с сентября 1912 г. — Особого совещания под председательством товарища министра иностраных дел А. А. Нератова по пересмотру русско-китайского договора 1881 г. На посту товарища министра в поле зрения П. Л. Барка попадали и вопросы, касавшиеся акционерного и промышленного законодательства. С мая 1913 г. он являлся председателем Межведомственного совещания по пересмотру акционерного законодательства, в 1912 г. — членом межведомственных совещаний под председательством С. И. Тимашева для рассмотрения разногласий при обсуждении проекта «Правил об открытии промышленных предприятий» и для обсуждения вопроса о синдикатах и трестах[II]. Деятельность П. Л. Барка в Торгово-промышленном ведомстве Николай II оценил по достоинству, наградив его в апреле 1913 г. орденом Св. Станислава 1-й степени.

Вице-директор Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности А. В. Ивановский вспоминал, что, «в отличие от большинства наших товарищей министров, в общем, очень порядочных людей, Барк резко выделялся как величина, безусловно, отрицательная». Однако А. В. Ивановский оценивал П. Л. Барка негативно не в целом, а как представителя Торгово-промышленного ведомства в комиссиях III Государственной думы конкретно по делам Отдела торговых портов. «Когда он, — писал А. В. Ивановский о П. Л. Барке, — одно время вздумал ездить с нами по нашим делам в Государственную думу, он вел себя там так глупо, постоянно переходя от наглого тона к приниженному, и так беззастенчиво лгал, что если бы не твердо установившаяся в то время в Думе наша репутация, то провалил бы все наши законопроекты». В конце концов, «мы, — отмечал А. В. Ивановский, имея в виду себя и своих коллег по Отделу торговых портов, — коллективно попросили Тимашева не пускать Барка в Думу по нашим вопросам», и министр «просьбу нашу выполнил»[I]. Столь демократические нравы предопределяла специфика Министерства торговли и промышленности, созданного в октябре 1905 г. из подразделений Министерства финансов, а потому не имевшего устоявшейся внутренней институциональной и персональной иерархии, да и служебной этики. «Министерство, — вспоминал С. И. Тимашев, — я принял в управление совершенно неорганизованным. Бывшие отделы Министерства финансов, имевшие там подчиненное и второстепенное значение, после выделения в самостоятельное министерство получили новую широкую компетенцию, а личный состав их остался прежний. Во время сессий Государственной думы не только начальники отделов и их помощники, но даже младшие служащие привлекались в многочисленные комиссии, не оставалось работников для текущего дела»[II].

Если обратиться к выступлениям П. Л. Барк в Общем собрании нижней палаты, то там он выступал с краткими ответами на запросы, адресованные министру торговли и промышленности. Так, 8 февраля 1912 г. П. Л. Барк заявил, отвечая на запрос об образовании в России металлургического треста, что «трест этот не состоялся»[III]. Полагая, что «как крупный го-

[I] Из переписки царских сановников... С. 132.
[II] *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия... С. 201–202.

[I] *Ивановский А. В.* Воспоминания инженера... // АСПбИИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 373. Л. 255–256.
[II] *Тимашев С. И.* Автобиографические записки. С. 256–257.
[III] См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия 5. Ч. II. СПб., 1912. Стб. 1848–1849.

сударственный [деятель] он был положительно нетерпим», А. В. Ивановский писал о П. Л. Барке: «Ко всем делам он подходил с какими-то ерническими навыками, и в этом отношении он очень походил на министров французской Третьей республики, но без их высокопарно-тошнотворной благородной фразеологии. Людей подобного типа я терпеть не могу и потому с трудом выносил Барка. Не терпели его и все наши чиновники, хотя лично им он никакого зла не приносил. Всегда был вежлив и, по-своему, доброжелателен»[I]. Характерно, что негативное отношение к П. Л. Барку со стороны А. В. Ивановского и его коллег по Отделу торговых портов объяснялось не аналогичным отношением к ним со стороны товарища министра, а тем, что они олицетворяли разные типы российских чиновников начала XX в.: чиновника-специалиста (А. В. Ивановский) и чиновника-политика (П. Л. Барк). Характерно, что и помощником начальника Канцелярии Совета министров А. С. Путиловым, явно преисполненным комплекса авгура от бюрократии, Петр Львович характеризовался как «дилетант правительственной службы»[II].

Так или иначе, но в начале 1914 г. окончательно созрела ситуация, позволившая воплотиться давнему плану П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина о замене В. Н. Коковцова, на посту министра финансов, П. Л. Барком, а на посту председателя Совета министров — И. Л. Горемыкиным, с возведением В. Н. Коковцова в графы — это была уже идея А. В. Кривошеина. Впрочем, не следует излишне преувеличивать роль последнего, поскольку еще в марте 1909 г. назначенный член Государственного совета П. М. фон Кауфман-Туркестанский сообщил товарищу военного министра генералу А. А. Поливанову (с 1912 — также назначенный член Государственного совета), что «И. Л. Горемыкин проводит А. В. Кривошеина в премьеры»[III]. В конце октября 1913 г. некий «высокопоставленный собеседник» говорил корреспонденту «Русского слова», что «естественными преемниками» В. Н. Коковцова являются люди типа И. Л. Горемыкина и А. В. Кривошеина, которые «могут быть проводниками либеральных реформ, но в совершенно своеобразной постановке — реформ, вызванных потребностями времени, но даваемых под тормозом консервативной правой силы», и что сама смена премьера произойдет именно тогда, когда понадобится «энергичный правый, чувствующий силу и умение вести курс налево»[I].

[I] *Ивановский А. В.* Воспоминания инженера... // АСПбИИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 373. Л. 255–256.

[II] *Путилов А. С.* Период князя Голицына. Л. 20–21 об.

[III] *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т. 1. С. 65.

В январе 1914 г. обострился вопрос о преобразовании винной монополии, чему противился, исходя из фискальных соображений, В. Н. Коковцов, подвергшийся за это в Государственном совете резкой критике со стороны С. Ю. Витте, и А. В. Кривошеин решил, что подходящий момент настал, хотя и предпочел-таки остаться в тени — в роли фактического премьера, даже уехав 28 января на два месяца в Италию для лечения сердца[II]. Между тем 30 января 1914 г. Николай II подписал несколько важных актов — указы об увольнении В. Н. Коковцова с должностей председателя Совета министров и министра финансов, о возведении его в графское достоинство, рескрипт уходящему сановнику и указы о назначении И. Л. Горемыкина председателем Совета министров и П. Л. Барка — управляющим Министерством финансов. Петр Львович также удостоился рескрипта (см. Приложение 34): написанный А. В. Кривошеиным при участии И. Л. Горемыкина, он содержал программу финансово-экономических реформ и ознаменовал начало проведения «нового курса»[III], той самой «левой политики правыми руками», о которой упоминало «Русское слово» тремя месяцами ранее.

В головокружительном возвышении П. Л. Барка современники увидели влияние на высшую кадровую политику камарильи, полагая, будто в министры он вышел исключительно благодаря В. П. Мещерскому (С. П. Белецкий[IV] и И. И. Колышко[V])

[I] *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 165.

[II] *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 174.

[III] О «новом курсе» см.: *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм... С. 178–219; *Он же.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. С. 327–339.

[IV] Показания С. П. Белецкого. С. 245.

[V] *Колышко И. И.* Великий распад. С. 169.

либо даже И. П. Манусу (А. Н. Хвостов[I]). «Говорили, — вспоминал тогдашний товарищ министра внутренних дел, заведовавший полицией, генерал В. Ф. Джунковский, подразумевая П. Л. Барка, — что он очень близок к кружку Мещерского, но я этого проверить не мог»[II]. Очевидно, если бы близость П. Л. Барка к кружку князя была слишком большой, то и «проверять» ее не пришлось бы. Но самое главное — в письмах Николая II к В. П. Мещерскому от 3 марта, 13 апреля, 6 и 29 мая, 8 июня, 17 июля и 8 сентября 1913 г. никаких намеков на выдвижение князем кандидатуры П. Л. Барка не имеется[III]. Причастность В. П. Мещерского к возвышению П. Л. Барка выражалась, очевидно, только в том, что князь мог заранее знать о близости его назначения: во всяком случае, В. П. Мещерский до этого назначения «пил за званым обедом тост за министра финансов Барка»[IV]. Но знать о близости назначения — еще не значит являться автором назначения!

Возвышение П. Л. Барка современники приписывали также С. Ю. Витте, считая, что новый руководитель Финансового ведомства — «до некоторой степени его создание и, по-видимому, готов держаться его советов»[V]. «Витте, — вспоминал В. И. Гурко, — утверждал, что Барк выбран по его рекомендации, в чем я, однако, весьма сомневаюсь. Витте всегда стремился сохранить видимость государственного деятеля, имеющего влияние на ход государственных дел, а приписывать себе инициативу в том или другом правительственном акте, не служившем предметом его нападок, было приемом, им издавна усвоенным. Витте хорошо понимал, что в Петербурге, для того чтобы играть известную роль, нужно не столько обладать действительным влиянием, сколько казаться, что им обладаешь»[VI]. Несомненно, что виттевской тактики придерживались и В. П. Мещерский, и прочие представители камарильи.

[I] Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 88.
[II] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 283.
[III] *Vinogradoff I.* Some Russian Imperial Letters to Prince V. P. Meshchersky (1839–1914) // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 139–141.
[IV] Из переписки царских сановников... С. 132.
[V] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 412.
[VI] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2003. С. 639.

Морской министр адмирал И. К. Григорович полагал, что в министры П. Л. Барка «провели Поливанов и Гучков (последний, конечно, втайне)»[I], и, вероятно, учитывая тесные связи А. В. Кривошеина с А. И. Гучковым и прочими столпами московского старообрядческого капитала, И. К. Григорович был недалек от истины. В мае 1914 г. М. М. Андроников, доказывая В. Б. Фредериксу, что «г. Барк, один из солидных пайщиков "Нового времени", принадлежит к числу величайших лицемеров», писал: «Он одновременно дружит с князем Мещерским и пользуется широкою поддержкою "Нового времени" вместе со всеми его инспираторами, как Гучков и другие. При посредстве князя Мещерского Барк желает лишь укрепить свое положение для того, чтобы впоследствии идти заодно с "Новым временем" и Гучковым»[II]. Во всяком случае, по адресу нового руководителя Министерства финансов суворинская газета разразилась восторженным панегириком. Назначение П. Л. Барка, говорилось в редакционной статье «Накануне преобразований», «представляет событие огромной важности». «По государственному миросозерцанию своему, — с удовлетворением констатировал М. О. Меньшиков в статье «Новая эра», — Петр Львович близок к патриотической русской партии»[III].

Конечно, находясь во главе Министерства финансов, отмечал А. А. Игнатьев, П. Л. Барку «было нелегко догнать своего блестящего предшественника»[IV], тем более что сам «предшественник», В. Н. Коковцов, оказавшись в опале, распространял слухи о полной неспособности преемника, говоря В. В. Мусину-Пушкину, будто П. Л. Барк «никакого понятия ни о чем не имеет и не в силах сказать двух слов при обсуждении бюджета»[V]. Вероятно, под влиянием В. Н. Коковцова председатель Государственного совета М. Г. Акимов заявил графу И. И. Толстому 31 января 1914 г., что относится «весьма скептически» к ново-

[I] *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт; М., 2005. С. 79.
[II] М. М. Андроников — В. Б. Фредериксу. Май 1914 г. // РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства Императорского двора). Оп. 40 (194/2682). Д. 7. Л. 356–356 об.
[III] *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981. С. 276–277.
[IV] *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 2. С. 121.
[V] Из переписки царских сановников... С. 132.

му министру финансов[I]. Один из руководителей Русско-Азиатского банка М. Верстрат писал, что П. Л. Барк и И. Л. Горемыкин «не стоили Коковцова»[II]. Напротив того, сравнивая П. Л. Барка и В. Н. Коковцова, С. Ю. Витте первого «расценивал выше» второго[III]. Посол России в Англии граф А. К. Бенкендорф также ставил П. Л. Барка «многим выше Коковцова»[IV].

Выборный член Государственного совета В. И. Гурко характеризовал П. Л. Барка как «смелого финансиста»[V], а коллега В. И. Гурко по верхней палате князь А. Д. Голицын полагал, что министры типа П. Л. Барка — это «достойные и компетентные личности своей специальности»[VI]. И. И. Колышко П. Л. Барк запомнился во главе Финансового ведомства как «оборотливый»[VII]. «После первого моего делового знакомства с ним он, — подразумевая П. Л. Барка, вспоминал товарищ министра внутренних дел генерал В. Ф. Джунковский, — произвел на меня впечатление человека, безусловно, умного, мало говорящего, но умело слушающего... У меня осталось очень хорошее впечатление от встречи с ним и деловых с ним сношений. Он быстро схватывал и всегда определенно ясно отвечал»[VIII]. А. С. Путилову, который, в данном случае, невольно подтверждал расхожее мнение, что недостатки человека являются продолжением его достоинств, П. Л. Барк запомнился как «беспечный и мало вникавший в дело» и «скоропалительный»[IX]. Однако один его коллега по кабинету, управляющий МПС Э. Б. Кригер-Войновский, считал, что, как руководитель Финансового ведомства, П. Л. Барк находился «совсем на месте»[X], а другой, министр земледелия А. Н. Наумов, — что Петр Львович был «всесторонне подготовлен для заведования финансово-денежным хозяйством Российской империи»[XI]. Свои

[I] *Толстой И. И.* Дневник: в 2 т. СПб., 2010. Т. 2. С. 512.
[II] *Беляев С. Г.* Морис Верстрат и его мемуары // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в. СПб., 1996. С. 219.
[III] *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург... С. 56.
[IV] А. К. Бенкендорф — П. К. Бенкендорфу. 21 сентября 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников... Т. 1. С. 231.
[V] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого... С. 639.
[VI] *Голицын А. Д.* Воспоминания. М., 2008. С. 373.
[VII] *Колышко И. И.* Великий распад. С. 329.
[VIII] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 283.
[IX] *Путилов А. С.* Период князя Голицына. Л. 20–21 об.
[X] *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера. С. 89.
[XI] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. С. 366.

государственные способности П. Л. Барк получил возможности проявить, исполняя предначертания данного ему рескрипта.

«Рескрипт, — отмечал сын А. В. Кривошеина, — выражал волю верховной власти сменить политику экономической неподвижности политикой экономического развития и прогресса»[I]. С точкой зрения К. А. Кривошеина можно согласиться, но с одной, правда — существенной, оговоркой — «политика экономического развития и прогресса» проводилась и до рескрипта, и суть «нового курса» состояла в отказе от старых средств осуществления этой политики, воплощавшихся, прежде всего, в винной монополии. Принципы «нового курса» П. Л. Барк конкретизировал, делая первые шаги в роли управляющего Министерством финансов, о которых он отчитывался в феврале — марте 1914 г. в своих письмах к А. В. Кривошеину (см. Приложения 1–5). При вступлении в должность П. Л. Барк, отмежевываясь от политики В. Н. Коковцова, заявил 6 февраля: «Охрана бюджетного равновесия не должна препятствовать допущению хотя бы и крупных, но производительных затрат, так как эти затраты сторицей вернутся в государственную казну»[II]. «В разрешении расходов, — отмечал помощник начальника Канцелярии Совета министров А. Н. Яхонтов, — П. Л. Барк выказывал несомненную широту, особенно на нужды обороны, на культурные запросы и на производительные мероприятия в экономической области»[III]. «Он, — имея в виду П. Л. Барка, писал В. Ф. Джунковский, — менее дрожал над кредитами, с него их легче было получить, и это не было сопряжено с излишними формальностями, которые преследовал Коковцов»[IV]. Конкретизации подверглось и отношение П. Л. Барка к вопросу о национализации кредита, в связи с чем он подчеркивал: «Было бы странно и нелепо требовать от каждого, желающего кредитоваться, паспорта со справкой о православии... Национализация кредита понима-

[I] *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин... С. 175.
[II] Новое время. 1914. 7 февраля.
[III] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 331.
[IV] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 283.

ется в смысле его доступности»[I], т. е. демократизации, приобщения к нему широких масс.

Принципы рескрипта получили пространное развитие в речи П. Л. Барка по поводу бюджета на 1914 г., с которой он выступил перед депутатами IV Государственной думы 22 апреля (см. Приложение 6) и которая «в известной мере заменила» декларацию кабинета И. Л. Горемыкина[II]. По мнению министра финансов, постепенному уменьшению в доходной части бюджета значения винной монополии должны были способствовать одобрение Государственной думой законопроектов «Об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений», о подоходном налоге, о повышении наследственных пошлин, гербового сбора и некоторых других, а также строительство железных дорог за счет займов и повышение цены на вино. П. Л. Барк указывал на то, что «организация народного труда и подъем производительных сил страны» достижимы, прежде всего, «путем правильно поставленного и доступного кредита». В связи с этим на первый план им выдвигались такие финансово-экономические преобразования, как реформа Петербургской биржи, организация Сельскохозяйственного банка, планомерное строительство сети элеваторов, пересмотр Устава Государственного банка в целях усиления его самостоятельности и увеличения числа его местных отделений, распространение кредитной кооперации. Не меньшее значение имело для П. Л. Барка и «широкое развитие и улучшение путей сообщения»: преимущественно железнодорожных, которые строились бы не только казной, но и частным капиталом, а также шоссейных, гужевых и водных. Озвучивая главную идею «нового курса», П. Л. Барк заявил: «Нам необходимо дальнейшее интенсивное развитие наших промышленных сил, дабы освободиться от иностранной зависимости». Это подразумевало введение элементов экономического планирования: в марте 1914 г. Совет министров одобрил обширный пятилетний план мелиорации земель, в том числе в Туркестане, а в мае того же года правительство подготовило пятилетний план железнодорожного строительства, поражающий свой масштабностью — доста-

[I] Новое время. 1914. 21 февраля.

[II] *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм... С. 194.

точно отметить, что в нем уже присутствовали все крупные железные дороги, вошедшие в историю как «великие стройки коммунизма»[I]. Более того, «новый курс» имел в виду и возведение других «строек коммунизма», в частности — гидроэлектростанций, поскольку проекты Волховстроя и Днепрогэса к этому времени были полностью готовы, а кредиты на Днепрогэс в июне 1914 г. одобрены Государственной думой[II]. В области экономического прогресса большевики не изобрели ничего нового, но лишь использовали планы и проекты, разработанные царским правительством, однако скромно умалчивали о данном обстоятельстве!

Характеризуя «новый курс», К. А. Кривошеин писал: «Намечались первые мероприятия глубокого сдвига в сторону оживления и развития хозяйства России и открывались перспективы, поднятием уровня земледелия, восстановить равновесие между основными отраслями народного хозяйства. В поисках этого динамического равновесия "новый курс" выгодно отличался от многих планов экономического прогресса, реализованных впоследствии многими развивающимися странами Старого и Нового Света, где промышленность искусственно насаждалась за счет земледелия, со всеми вытекающими из этого социальными последствиями. Все это указывает на то, что 1914 г. мог бы быть началом нового скачка в росте народного хозяйства. "Новый курс" совпадал с началом осуществления целого ряда мероприятий и завершением целого ряда процессов, плоды которых созрели бы в ближайшие годы и автоматически сменили бы уже быстрый ритм экономического роста еще более бурным»[III]. Революция 1917 г. задержала бурное экономическое развитие России и извратила его, придав ему наименее гуманную форму — прогресса не ради человека, а против человека.

«Новый курс» имел не только финансово-экономические, но и внутриполитические аспекты, связанные, прежде всего, с постепенной парламентаризацией высшего и центрального управления, подчинением власти исполнительной власти

[I] *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин... С. 176–177, 178–179, 179–180.

[II] *Шаховской В. Н.* Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 30–33, 35.

[III] *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин... С. 179.

законодательной. Знаковым событием, в этом смысле, стало состоявшееся 12 февраля 1914 г. по представлению П. Л. Барка назначение членами Комитета финансов, высшего совещательного учреждения по делам государственного кредита, не только А. В. Кривошеина и близкого к нему министра путей сообщения С. В. Рухлова, но и председателей: Бюджетной комиссии нижней палаты — октябриста М. М. Алексеенко и Финансовой комиссии верхней палаты — правоцентриста А. П. Никольского[I]. П. Л. Барк пошел на это, «ища поддержки думских кругов»[II], открыто сделав ставку на нее 22 апреля, когда в начале своей речи в Общем собрании Думы заявил: «Трудная задача, которая предстоит не только Финансовому ведомству, но и всему правительству, может в огромной мере облегчиться поддержкою законодательных палат, а затем и общественных учреждений и организаций на местах». Заканчивая выступление, П. Л. Барк выразил убеждение, что «Министерство финансов в своей деятельности, направленной к подъему народного благосостояния, всегда найдет необходимую поддержку в законодательных учреждениях, и в этом убеждении я, — подчеркнул он, — и представил свои объяснения на вашу, надеюсь, благожелательную и, уверен, беспристрастную критику, к которой буду прислушиваться с полным вниманием» (см. Приложение 6).

Думцы тем не менее не спешили ответить П. Л. Барку взаимностью, не в последнюю очередь потому, что не считали его положение прочным. Уже 1 марта 1914 г. депутаты говорили в кулуарах Таврического дворца о возможности замены С. И. Тимашева П. Л. Барком, о котором Николай II будто бы сказал: «Меня обманули, он нам не подходит». Согласно тем же слухам, преемником П. Л. Барка должен был стать С. В. Рухлов, а его преемником — товарищ министра путей сообщения Н. Л. Щукин[III]. «Об уходе П. Л. Барка, — вспоминал С. П. Белецкий, — слухи в обществе и в наших законодательных учреждениях неоднократно всплывали, но так же быстро о нем разго-

[I] Новое время. 1914. 13 февраля.
[II] *Шаховской В. Н.* Sic transit gloria mundi. С. 163.
[III] Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 4.

вор замирал, так как П. Л. Барк хорошо знал Петроград и имел большие, издавна установившиеся с влиятельными лицами и кружками связи, умело пользовался каждым, кто был нужен ему при тех или других обстоятельствах, лично к нему относящихся, и, как опытный шахматист, каждый свой ход и удар делал после того, как взвешивал все шансы в свою пользу»[I]. Как бы в опровержение слухов 6 мая 1914 г. Николай II утвердил П. Л. Барка в должности министра и шефа Отдельного корпуса пограничной стражи.

Держаться на плаву вопреки всему П. Л. Барку давали не только его профессиональные качества, его незаменимость, но и присущая ему манера поведения, характеризуя которую помощник начальника Канцелярии Совета министров А. Н. Яхонтов писал: «всегда ровный, спокойный и систематичный, держал себя весьма сановито, говорил убедительно и уверенно»[II]. По наблюдениям С. П. Белецкого, П. Л. Барк «в отношениях со всеми был внимательно обходителен и, по натуре своей, выдержан и спокоен»[III]. Описывая поведение П. Л. Барка во время заседаний правительства, А. Н. Яхонтов отмечал: «В прениях Совета министров принимал живое участие. Когда беседа сосредоточивалась на крупных вопросах принципиального свойства, он выступал нередко с большим подъемом и настойчиво защищал ту точку зрения, которую почитал правильною. Но резкостей и обострений он избегал, предпочитая воздействовать благожелательностью и примирительными предложениями. На заявление отдельного мнения или разномыслия по журналам он соглашался с неохотою, находя неподобающим, чтобы коллегия ближайших сотрудников государя императора переносила бремя решения на высочайшую власть»[IV]. Имея, как и все царские министры (в отличие от советских и современных министров), один приемный день в неделю, когда увидеть его мог практически любой человек, П. Л. Барк и здесь не изменял свойственной ему манере поведения. «В том, как он принимал посетителей в своем министерском кабинете, — писал о П. Л. Барке А. Н. Наумов, — в его мягкой готовности вы-

[I] Показания С. П. Белецкого. С. 244–245.
[II] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 330.
[III] Показания С. П. Белецкого. С. 244–245.
[IV] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 330.

слушать, сказывалось не чиновное прошлое, а долголетняя школа частной банковской службы, приучавшей людей к приветливому обращению со своей клиентурой»[I]. Непотопляемости П. Л. Барка, по крайней мере — до октября 1915 г., когда А. Н. Наумов заменил А. В. Кривошеина, способствовало и то, что фактический премьер «всегда» поддерживал П. Л. Барка[II], который «в большинстве случаев» «шел в единении с А. В. Кривошеиным»[III]. Олицетворением их тандема стал полученный П. Л. Барком 6 мая 1915 г. знак отличия за труды по землеустройству.

Вступление России 19 июля 1914 г. в Первую мировую войну не столько прервало проведение «нового курса», сколько придало особую актуальность его внутриполитическим аспектам, утверждению «священного единения» между правительством и народным представительством. Этому должны были содействовать созыв палат на чрезвычайную однодневную сессию 26 июля 1914 г. и внесение П. Л. Барком на их одобрение четырех законопроектов: 1) об усилении средств казны предоставлением Совету министров прав сокращать отпущенные по государственным росписям кредиты, не производить расходов, разрешенных еще не вступившими в силу законами, обращать образовавшиеся сбережения на потребности военного времени, поднять высшие предельные цены на вино при его казенной продаже и увеличить некоторые акцизы, 2) о приостановлении размена государственных кредитных билетов на золотую монету, 3) о повышении на 1,2 млрд руб. суммы, на которую Государственный банк мог выпускать кредитные билеты, и 4) о предоставлении Государственному банку права учитывать краткосрочные обязательства Государственного казначейства в размере, соответствующем потребностям военного времени[IV]. Перечисленные законопроекты Государственная дума и Государственный совет одобрили 26 июля, а на следующий день — получили утверждение Николая II.

[I] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. С. 284.
[II] *Шаховской В. Н.* Sic transit gloria mundi. С. 162.
[III] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 330.
[IV] Всеподданнейший отчет о деятельности Государственного совета за сессии 1913–1914 гг. СПб., 1914. С. 2–3.

Пожалуй, из всех министров царского правительства П. Л. Барк находился во время войны в самом трудном положении. «На его долю, — писал А. Н. Наумов, — в период 1914–1917 гг. выпала тяжкая задача находить источники для покрытия неисчислимых и неудержимо разраставшихся колоссальных расходов, связанных с обороной и нуждами военного времени»[I]. Однако и в усложнившихся обстоятельствах П. Л. Барк не изменил своей манере поведения. «Нельзя было не поражаться самообладанием и выдержкою П. Л. Барка, — вспоминал об его участии в заседаниях кабинета А. Н. Яхонтов. — Трудно даже представить себе всю невероятную сложность и ответственность положения министра финансов в военной обстановке. В его руках был “нерв войны”, который надо было беспрерывно питать. Запросы и требования возрастали с каждым днем. В неуклонной прогрессии развивалась пляска уже не миллионов, а миллиардов... Не отрицая грозных затруднений и не скрывая от Совета министров тревожных перспектив, П. Л. Барк твердо держался своей линии не возбуждать ни излишнего оптимизма, ни малодушного пессимизма»[II]. С 19 июля 1914 по 1 апреля 1917 г. Государственное казначейство ассигновало на нужды войны 32 604 102 414 руб.[III] В марте 1917 г. ассигнования на военные расходы достигли 2 142 200 000 руб., в среднем — более 69 млн в день[IV]. Тем не менее даже в секретных заседаниях Совета министров, писал А. Н. Яхонтов о П. Л. Барке, «не чувствовалось в его сообщениях сколько-нибудь панической нотки. Напротив, он бодро противостоял невзгодам, храня веру в неиссякаемую мощь России, которая поможет ей перенести и не такие испытания»[V]. Финансирование военных расходов П. Л. Барк осуществлял за счет повышения старых и введения новых налогов, увеличения денежной эмиссии и заключения внутренних и внешних займов.

[I] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. С. 366.
[II] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 331.
[III] Проект обращения Временного правительства к населению в связи с выпуском «Займа свободы». Апрель 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март — октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 2. С. 373.
[IV] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 39.
[V] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 332.

Во время войны, согласно утвержденным Николаем II 9 августа 1914 г. «Правилам о порядке испрошения, разрешения и ассигнования Военному министерству денежных средств на расходы, вызываемые военными обстоятельствами», российский бюджет разделился на две части: обыкновенный (ординарный), пополнявшийся преимущественно за счет прямых и косвенных налогов, и чрезвычайный, пополнявшийся ассигнованиями из так называемого Военного фонда. Нечто подобное практиковалось и в других воевавших странах, например — в Англии[I]. Согласно всеподданнейшему докладу П. Л. Барка о росписи доходов и расходов на 1917 г. расходы по обыкновенному бюджету должны были составить 4 077 800 000 руб., между тем как только к 1 октября 1916 г. расходы по Военному фонду составили 20 млрд (см. Приложение 30). Если обратиться к обыкновенному бюджету, то Николай II, воспользовавшись наступившими обстоятельствами, высочайшим повелением от 22 августа 1914 г.[II] фактически ввел «сухой закон», подразумевавшийся рескриптом П. Л. Барку, и упразднил винную монополию.

Подразумевая введение в России «сухого закона», канцлер казначейства (министр финансов) Д. Ллойд Джордж заявил в Палате общин 4 (17) ноября 1914 г.: «Это, по моему мнению, один из величайших актов национального героизма, равного которому никогда не обнаруживала ни одна страна перед лицом серьезной опасности»[III]. Прямым результатом «сухого закона» стало увеличение денежных вкладов населения в государственные сберегательные кассы более чем в два раза: с 1685 млн руб. на 1 января 1914 г. до 3769 млн на 1 января 1917[IV]. Тем не менее в доходной части обыкновенного бюджета образовалась огромная лакуна, поскольку винная монополия давала 27,9% всех налогов (более 900 млн руб.)[V]. Вопрос

[I] Финансовые системы иностранных государств. М., 1947. С. 17.

[II] О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени. 22 августа 1914 г. // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: в 2 т. Пг., 1915–1916. Т. 1. С. 170–171.

[III] *Ллойд Джордж Д.* Речи, произнесенные во время войны. Мн., 2003. С. 34.

[IV] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 145.

[V] Финансовое положение России перед Октябрьской революцией // Красный архив. 1927. Т. 25. С. 9.

о заполнении этой лакуны через повышение старых и введение новых налогов постоянно находился в центре внимания П. Л. Барка, который привлек к его решению депутатов Государственной думы и членов Государственного совета, принимая во внимание внутриполитическую цель «нового курса» — постепенную парламентаризацию высшего и центрального управления.

В 1914–1917 гг. при Министерстве финансов под председательством П. Л. Барка функционировало Межведомственное совещание, при участии членов законодательных учреждений и торгово-промышленных организаций, для рассмотрения выработанных министерством предположений о повышении, в связи с чрезвычайными обстоятельствами военного времени, ставок существующих видов обложения и о введении некоторых новых налогов. С июля 1914 по октябрь 1916 г. по инициативе П. Л. Барка правительство, принимая во внимание мнение Межведомственного совещания, в чрезвычайно-указном порядке, согласно статье 87 Основных государственных законов, осуществило в области прямого налогообложения: введение временного налога на прирост прибыли лиц и предприятий, сбора с денежных капиталов, обеспеченных в качестве долгов, лежащих на недвижимых имуществах, и военного налога, повышение поземельного, промыслового и квартирного налогов и налога на городские недвижимости, а также сбора со специальных текущих счетов и оброчной и кибиточной податей. В области косвенного налогообложения по инициативе П. Л. Барка правительство в том же порядке установило акцизы на виноградные вина и на чай, налог на русский хлопок, перевозимый по железным дорогам, повысило акцизы на фруктово-виноградный спирт и на прессованные дрожжи, налог на пиво- и медоварение и таможенные пошлины, дважды повысило налог на табак и акцизы на сахар, на спички и на нефтяные продукты. В сфере пошлин и сборов были введены новая оценка земли для исчисления пошлин с наследств, временные налоги на увеселения и зрелища и на тотализатор, повышены страховые и судебные пошлины, гербовые и портовые сборы. В сферах почтово-телеграфных и телефонных сообщений — установлен государственный налог на телефоны и повышены почтовый и телеграфный тарифы, железнодорожных

сообщений — введен временный налог на перевозку пассажиров и грузов и повышен грузовой тариф[I]. Законопроекты, соответствующие всем перечисленным мерам, П. Л. Барк неизменно вносил в Государственную думу, которая, предпочитая бороться за власть, не рассмотрела их вплоть до Февральской революции 1917 г.

Заполнению лакуны, образовавшейся в доходной части бюджета после введения «сухого закона», призвано было и предусмотренное рескриптом 30 января 1914 г. реформирование налоговой системы в целом, в смысле перенесения центра тяжести с косвенных налогов на прямые, прежде всего — путем введения прогрессивного подоходного налога. В связи с этим в 1914–1917 гг. при Министерстве финансов под председательством П. Л. Барка заседало другое Межведомственное совещание, с участием представителей законодательных палат, торговли и промышленности и науки, — для обсуждения предположений министерства о преобразовании действующей налоговой системы. При этом совещании работали две комиссии: по прямым налогам — под председательством назначенного члена Государственного совета Н. Н. Покровского и по косвенным налогам и монополиям — под председательством товарища министра финансов А. И. Николаенко. На заседании Государственной думы 19 июля 1915 г. П. Л. Барк назвал подоходный налог «краеугольным камнем податной реформы, тем прочным фундаментом, на коем должно быть построено более совершенное здание»[II]. Закон о введении прогрессивного подоходного налога в августе 1915 г. был одобрен Думой, в феврале 1916 г. — Государственным советом и 6 апреля того же года утвержден Николаем II, с тем, чтобы вступить в силу с 1 января 1917 г. «Реформа фискальной системы, проводившаяся правительством с 1914 г., — подчеркивал С. Г. Беляев, — затронула практически все формы налогообложения. Можно сказать, что по своему охвату это была наиболее радикальная налоговая реформа за весь период существования Российской империи, тем более что проведена она была в течение трех лет. Ни-

[I] Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 60–69.

[II] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 31–32.

когда до этого русская налоговая система не изменялась так быстро и таким коренным образом, как в 1914–1916 гг. Причиной, разумеется, были чрезвычайные обстоятельства Первой мировой войны»[I]. Другой причиной стали обстоятельства персонального порядка, заключавшиеся в сознательном стремлении Николая II, провозглашенном в рескрипте 30 января 1914 г., заменить питейный доход подоходным налогом, законопроект о котором царское правительство внесло в Государственную думу еще в феврале 1907 г., и принципиальной готовности П. Л. Барка пойти на подобную замену даже в условиях военного времени.

Несмотря на отмену винной монополии, признавали министры Временного правительства, «государственный бюджет быстро оправился от сильного потрясения, и в настоящее время бюджетная брешь заполнена с избытком», поскольку в 1916 г. доходы ординарного бюджета составили 4140 млн руб., а расходы, не считая военных, — 3139 млн. Наблюдавшееся в бюджете 1916 г. превышение доходов над расходами приблизительно в 1 млрд руб. «лучше слов», невольно удостоверяли заслуги царского министра его оппоненты, говорило «о том, что в своей основе русские государственные финансы покоятся на здоровом основании»[II]. На всеподданнейшем докладе П. Л. Барка о росписи доходов и расходов на 1917 г. Николай II написал 21 октября 1916 г.: «Отрадная картина» (см. Приложение 30). Б. А. Романов, подвергший доклад П. Л. Барка строгой критике, соглашался, что «в некоторой мере» этот документ, «в самом деле, рисовал относительно "отрадную картину" государственных финансов страны». «Не надобно упускать из виду, — подчеркивал историк, — что русский бюджет со вступлением России в войну подвергся ни с чем не сравнимому испытанию: он сразу и почти начисто лишился основной своей доходной статьи — поступлений от казенной винной операции», и приведенные в докладе цифры «свидетельствовали, что финансовый аппарат совладал с последствиями отмены винной монополии и уменьшения территории страны и нашел способы остановить дальнейшее сжатие цифры доходов.

[I] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 196.

[II] Проект обращения Временного правительства к населению в связи с выпуском «Займа свободы». С. 374.

Это чисто формальное достижение было неоспоримо»[I]. Тем не менее в России даже после повышения прежних и введения новых налогов они, по сравнению с остальными европейскими странами, например Англией, давили на население намного слабее.

Когда думский финансист А. И. Шингарев, беседуя 14 (27) мая 1916 г. с тогдашним канцлером английского казначейства Р. Мак-Кенной, попытался парировать его упреки в недостаточном использовании русским правительством налогового пресса указанием на то, что в России уже введен подоходный налог, облагавший от 0,6 до 12% доходов, канцлер казначейства заявил: «Но вы приняли его только теперь, и вступит он у вас в действие через 2 ½ года после начала войны, и вы облагаетесь, максимум, в 12%, а мы с начала войны, с первого дня, удвоили наше обложение доходов, и они у нас обложены 25%, а если вы прибавите обложение военной прибыли и всех тех излишков, которые теперь получаются некоторыми, то наше обложение доходит до 48%. Мы берем в пользу государства почти половину доходов, и когда вы дойдете до такого обложения, тогда вы можете говорить, что средства у вас исчерпаны, а пока вы облагаете себя несравненно легче»[II]. В отличие от Англии, в России доля государственных расходов, покрываемых за счет налогообложения, понизилась с 59% в 1914 г. до 28,9% в 1915-м и до 22,2% — в 1916-м, почти в три раза[III]. Если пополнение обыкновенного бюджета П. Л. Барк осуществлял за счет повышения старых и введения новых налогов, то пополнение Военного фонда происходило путем увеличения денежной эмиссии и заключения внутренних и внешних займов. Во всех воевавших странах «бумажные деньги и займы стали главным средством финансирования войны»[IV], и Россия, в этом смысле, не представляла собой исключения из правил.

[I] *Романов Б. А.* Предисловие к публ.: Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 51–52.

[II] Международное финансовое положение царской России во время мировой войны (Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Госуд. думы, 20 июня 1916 г.) // Красный архив. 1934. Т. 64. С. 7.

[III] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика дореволюционной России и Советского Союза. М., 1926. С. 17.

[IV] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 221.

К 19 июля 1914 г. финансовая наличность, находившаяся в распоряжении царского правительства, составляла 512 млн руб., однако этой суммы не хватило даже на первые две недели войны, когда в ее топку попали сразу 800 млн[I]. Возникший дефицит можно было покрыть исключительно путем хотя бы временного прекращения обмена кредитных билетов на звонкую монету и усиленного выпуска бумажных денег — соответствующие законы, пропущенные через одобрение обеих палат 26 июля 1914 г., Николай II утвердил 27-го, повысив эмиссионное право Государственного банка на 1200 млн руб. После этого по представлениям П. Л. Барка правительство повышало это право 17 марта (на 1 млрд) и 22 августа (на 1 млрд) 1915 г. и 29 августа (на 2 млрд) и 27 декабря (на 1 млрд) 1916, всего — на 2200 млн[II], доведя его до 6500 млн руб.[III] Усиление эмиссионного права привело к увеличению количества кредитных билетов, находившихся в обращении: к июлю 1914 г. их было на 1633 млн руб., к марту 1917 — на 9949 млн[IV]. С июля 1914 по март 1917 г. правительство выпустило в обращение бумажных денег на 8317 млн руб. (в среднем — по 264 млн руб. в месяц), и за указанный период они покрыли почти 30% всех военных расходов[V]. Однако, благодаря политике П. Л. Барка, доля государственных расходов, покрываемых за счет выпуска бумажных денег, неизменно понижалась: с 27,4% в 1914 г. до 25,2% в 1915 и до 19,7% — в 1916-м[VI], почти в полтора раза.

В результате обесценение рубля, как непосредственное следствие инфляции, не достигло критической точки, поскольку к началу 1917 г. он сохранил 53,2% своей ценности по сравнению с июнем 1914 г. «Столь незначительное падение рубля за два года кровопролитной войны, — по наблюдениям со-

[I] Доклад А. И. Буковецкого о состоянии финансов на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов. 19 октября 1917 г. // Экономическое положение России... Ч. 2. С. 379.

[II] Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С. 6.

[III] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 134.

[IV] Проект обращения Временного правительства к населению в связи с выпуском «Займа свободы». С. 374.

[V] Представление министра финансов Временному правительству о расширении эмиссионного права Государственного банка на 2 млрд руб. 6 октября 1917 г. // Экономическое положение России... Ч. 2. С. 423.

[VI] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика... С. 17.

временного исследователя, — свидетельствует о достаточной прочности денежной системы и весьма внушительных запасах накопленных денежных капиталов». Комментируя данные о том, что в России с июля 1914 по март 1917 г. наличная денежная масса увеличилась почти в 3,4 раза, а товарные цены — в 4 раза, процитированный исследователь отметил: «Такое выгодное для рубля соотношение предполагает доверие мировой общественности к российской валюте или скрытую его поддержку правительствами стран Антанты»[I]. Это подтверждается и тем, что с июля 1914 до марта 1917 г. курс рубля понизился в Лондоне всего лишь на 32%, в Париже — еще меньше, на 25%[II]. Нельзя не согласиться с выводом, что «самодержавие (читай — П. Л. Барк. — *С. К.*) имело достаточно сил, чтобы даже во время войны удерживать денежное обращение от развала»[III]. Следовательно, вплоть до Февральской революции 1917 г. финансового кризиса в России по большому счету не было.

Для покрытия военных расходов помимо увеличения денежной эмиссии П. Л. Барк обращался и к государственному кредиту, как российскому, так и зарубежному, к внутренним и внешним займам. С июля 1914 до марта 1917 г. от всех кредитных операций царское правительство получило 26 404 млн руб., из которых российский рынок дал 19 811 млн, или 75%[IV]. За два с половиной года войны П. Л. Барк выпустил шесть внутренних займов на номинальную сумму 8 млрд руб., что принесло казне около 7500 млн чистой выручки[V]. Доля государственных расходов, покрываемых за счет внутренних займов, возросла с 11,9% в 1914 г. до 25,7% в 1915 и до 33,3% в 1916, почти в три раза, составив самый главный источник покрытия расходов[VI]. Как уже упоминалось выше, с июля 1914 до марта 1917 г. от всех кредитных операций царское правительство получило 26 404 млн руб., из которых иностранные рынки (Ан-

[I] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 142.
[II] *Дементьев Г. Д.* Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917. С. 206.
[III] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 142.
[IV] Проект обращения Временного правительства к населению в связи с выпуском «Займа свободы». С. 374.
[V] История Министерства финансов России. С. 222.
[VI] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика... С. 17.

глии, Франции, США, Японии и Италии) дали 6593 млн, или 25%[I]. Обращение к внешним займам было неизбежно, поскольку главным источником валюты до войны являлся российский экспорт, особенно — экспорт зерновых, однако он сократился с 648 млн пуд. в 1913 г. до 2,7 млн в 1916[II], в 240 раз! Неудивительно, что доля государственных расходов, покрываемых путем внешних займов, возросла весьма значительно: с 1,7% в 1914 г. до 20,2% в 1915 и до 24,8 в 1916 — в 14,6 раз[III]. Общая сумма государственного долга Российской империи, с учетом ее довоенного долга, к марту 1917 г. составила около 35 млрд руб.[IV], т. е. выросла почти в четыре раза, причем с июля 1914 по март 1917 г. царское правительство задолжало союзникам 5189 млн, или 15% от общей суммы государственного долга[V].

Однако Российская империя, по сравнению со странами Антанты, не составляла исключения: за годы войны государственный долг Англии вырос с 706 млн до 7481 млн ф. ст. (более чем в 11 раз), Франции — с 34 200 млн до 214 100 млн фр. (более чем в 6 раз), США — с 1200 млн до 25 500 млн долл. (более чем в 21 раз)[VI]. К февралю 1917 г. бремя английского долга составляли свыше 3 млрд ф. ст., из которых более 800 млн были израсходованы на нужды союзников, прежде всего — России и Франции[VII]. До войны внешний долг у Англии и Франции отсутствовал вовсе, но к 1919 г. равнялся 1365 млн ф. ст. и 36 200 млн фр. соответственно, т. е. 18,3 и 17% от общей суммы государственного долга, который в США образовался исключительно в результате внутренних займов[VIII]. За период войны государственный долг Италии повысился с 15 281 млн до более 40 млрд лир (почти в три раза), из них иностранные зай-

[I] Проект обращения Временного правительства к населению в связи с выпуском «Займа свободы». С. 374.
[II] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 146.
[III] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика... С. 17.
[IV] Проект обращения Временного правительства к населению в связи с выпуском «Займа свободы». С. 374.
[V] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 225.
[VI] *Боголепов М. И.* Государственный кредит // Большая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 18. Стб. 481.
[VII] Записка лорда А. Мильнера Николаю II. 4 (17) февраля 1917 г. // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 80.
[VIII] *Боголепов М. И.* Государственный кредит. Стб. 481.

мы составили 13 851 млн, или 34,6%[I]. Следовательно, с точки зрения состояния государственного долга Российская империя если и составляла исключение, то, несомненно, в лучшую сторону, а это также необходимо записать в актив П. Л. Барка, тем более что его борьба за валюту в 1914–1917 гг., стала, пожалуй, самой драматической главой его карьеры, да и жизни в целом.

Драматизм заключался в том, что с началом войны Россия крайне остро нуждалась в иностранных займах как таком источнике доходов, который, по сравнению с остальными их источниками, мог быть получен оперативнее, быстрее всего, причем не у Франции, традиционного кредитора царского правительства, а у Англии, чей кредит находился на более прочной основе, поскольку она, в отличие от союзников, сохранила золотое обращение. В то же время к началу 1915 г. золотые запасы Франции, России и Англии равнялись, по-нисходящей, 168, 150 и 90 млн ф. ст.[II], а потому, в связи с необходимостью поддержания британского кредита, неизбежно вставал вопрос о пополнении золотого запаса Английского банка за счет его должников.

Уже в июле 1914 г. посол России в Англии граф А. К. Бенкендорф и агент Министерства торговли и промышленности в Лондоне М. В. Рутковский выступили за высылку русского золота в целях получения первого займа, получив поддержку министра иностранных дел С. Д. Сазонова и военного министра В. А. Сухомлинова. Через А. К. Бенкендорфа английское правительство предложило гарантировать размещение в Англии краткосрочных обязательств Государственного казначейства в сумме, не превышающей 15 млн ф. ст., при условии доставки в Лондон золота, которое служило бы гарантией исправности платежей, в количестве 50% учетных обязательств. Одновременно английское правительство желало, чтобы половина суммы займа была бы предназначена для урегулирования в Англии обязательств российской торговли и промышленности по прежним и по новым закупкам. П. Л. Барк признал предложение англичан совершенно неприемлемым, тем более что по этому предложению реальный кредит составил бы не

[I] Финансовые системы иностранных государств. С. 175.

[II] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 370.

15, а 7,5 млн ф. ст., и настаивал на улучшении условий займа. Согласно новому предложению Лондона, сумма учитываемых обязательств равнялась бы 12 млн ф. ст. при условии доставления золота на 8 млн ф. ст., причем последнее осталось бы в распоряжении русского правительства для производства необходимых ему закупок и оно располагало бы в Англии суммой не в 7,5, а в 20 млн ф. ст. Кроме того, британское правительство согласилось уменьшить отчисления на нужды промышленности и торговли до 40%, реализовать обязательства из того же процента, что и для себя самого, и без комиссии и куртажа для посредника — банкирской конторы «Братья Бэринг и К°», а также, в случае необходимости, произвести дополнительные краткосрочные кредитные операции на тех же основаниях[I]. Несмотря на то что П. Л. Барк являлся сторонником сохранения золота в России, под давлением МИД, а главное — Военного ведомства и, косвенно, Ставки Верховного главнокомандующего, он был вынужден 27 сентября 1914 г. распорядиться о высылке в Англию через Архангельск золота на 8 млн ф. ст. в монетах и слитках[II]. Первое англо-русское финансовое соглашение подписали 17 (30) октября 1914 г. в Лондоне А. К. Бенкендорф и лорд Д. Ревельсток, директор банкирской конторы «Братья Бэринг и К°» (см. Приложение 9). В конце декабря 1914 г. (начале января 1915 г.) английское правительство предоставило России кредит в 20 млн ф. ст.[III] На время первоначальный валютный голод был утолен, и П. Л. Барк 1 января 1915 г. получил заслуженную награду — чин тайного советника.

Предстояло, однако, бороться за более выгодные условия внешних займов, и полем битвы стала первая финансовая конференция министров финансов трех союзных держав — Великобритании, России и Франции — Д. Ллойд Джорджа, П. Л. Барка и А. Рибо, которая происходила в Париже 20–23 января (2–5 фев-

[I] Записка П. Л. Барка в Комитет финансов «О предоставлении министру финансов права совершить кредитные операции на внутреннем и английском денежных рынках». Не позднее 5 октября 1914 г. // Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 535–537.

[II] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 381.

[III] Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства английскому правительству о предоставлении кредитов России до заключения нового русско-английского финансового соглашения. 22 июня 1917 г. // Экономическое положение России... Ч. 2. С. 546.

раля) 1915 г. В начале конференции П. Л. Барк 20 января (2 февраля) встретился с президентом Франции Р. Пуанкаре, описавшим его тогда же так: «Это толстый, улыбающийся человек, еще молодой, очень хорошо говорящий по-французски, и, видимо, большой специалист в области финансов»[I]. Познакомившийся с П. Л. Барком военный агент России во Франции полковник граф А. А. Игнатьев отмечал, что он «был приятен в обращении, ладно сложен, хорошо упитан»[II]. Хотя переговоры велись между главными союзниками по Антанте, они осложнялись казавшимися непримиримыми позициями английского канцлера казначейства и французского министра финансов: Д. Ллойд Джордж обусловил довольно жестко предоставление Англией займов России и Франции высылкой ими в Английский банк золота, против чего решительно выступил А. Рибо (см. Приложения 10, 11, 13 и 18).

Помощник агента Министерства финансов во Франции П. Н. Апостол не видел, и вполне резонно, «никаких оснований ставить под вопрос справедливость требования, чтобы Россия доставляла свое золото для операций, предпринятых британским правительством на американском рынке в интересах союзников, включая Россию»[III]. В позиции Д. Ллойд Джорджа была железная логика, выраженная позднее, в 1916 г., в Палате общин Д. Брайсом, который заявил: «Франция и Россия имеют по 200 млн фунтов золота. Зачем оно им? Они говорят: для поддержания своего кредита после войны, но в настоящее время их кредит поддерживается не ими самими, а нами, потому что платим мы. Почему же им не дать нам часть этого золота в беде? Я нахожу чудовищным такое положение, когда мы финансируем страны, две из которых накопляют золото, не оказывая нам никакой помощи при нашей крайней нужде в золоте. Я хочу, чтобы канцлер казначейства внушил этим странам необходимость сделать это»[IV]. Как отмечал С. Г. Беляев, именно «скудость английского золотого запаса, а не желание про-

[I] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. 1914–1915. Воспоминания. М.; Мн., 2002. С. 459.
[II] *Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. Т. 2. С. 121.
[III] *Apostol P. N., Bernatzky M. W., Michelson A. M.* Russian Public Finance... P. 304.
[IV] Parliamentary Debats (official report). Fifth serie. Vol. LXXXV. House of Commons. Sixth volume of session 1916. London, 1916. P. 1510–1511.

демонстрировать России ее неравноправие в Антанте, в основном заставляло Англию впоследствии столь настойчиво добиваться передачи ей “на хранение” русского золота в обеспечение русских займов на английском рынке»[I].

С другой стороны, даже при большем, чем у Англии, золотом запасе получение от нее займов за золото было, естественно, невыгодно ни России, ни Франции. В безвыходной, казалось бы, ситуации П. Л. Барк выказал себя не только выдающимся финансистом, но и переговорщиком: он предложил поистине Соломоново решение — надо согласиться с необходимостью высылки золота в Англию, но в виде не оплаты займов, а временной ссуды, возвращаемой по окончании войны, оговорив это в договоре между тремя странами. В начале 1915 г., как и на двух последующих финансовых конференциях, П. Л. Барк, отмечал П. Н. Апостол, упорно отстаивал ту точку зрения, чтобы Россия оказывала Английскому банку поддержку золотом «на следующих двух условиях: во-первых, она должна носить характер займа, подлежащего возвращению в определенный срок; во-вторых, она должна быть совершенно независима от кредитов, которые Англия предоставит России, другими словами, эти кредиты не должны определяться суммами золота, данного Россией»[II]. Такая постановка вопроса, справедливо пишет С. Г. Беляев, «была не столь выгодна для Англии», и если Д. Ллойд Джордж уступил П. Л. Барку, то объяснялось это «затруднительным положением Банка Англии, а не желанием английского правительства воспользоваться трудностями своего русского союзника, которые тогда еще не усугубились до такой степени, как летом 1915 г.»[III].

П. Л. Барку удалось добиться уступок и от А. Рибо, в смысле его согласия на выдачу России максимальной суммы займа в 625 млн фр. Комментируя это обстоятельство и подразумевая провозглашенную конференцией, по инициативе канцлера казначейства, финансовую и экономическую солидарность союзников, Р. Пуанкаре рассерженно записал 21 января (3 февраля) 1915 г.: «Та солидарность, которую придумал Ллойд-Джордж, обращается пока только против нас». А 23 ян-

[I] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 370.
[II] *Apostol P. N., Bernatzky M. W., Michelson A. M.* Russian Public Finance... P. 304.
[III] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 370, 373.

варя (5 февраля) президент отметил, что «непримиримая позиция Барка произвела очень скверное впечатление на Рибо», который в разговоре с Р. Пуанкаре «отзывался о Барке с презрительной резкостью»[I]. Очевидно, подписанное в этот день тремя министрами финансовое соглашение, давшее России 100 млн ф. ст., поделенных поровну между Англией и Францией (см. Приложения 12 и 16), было крайне выгодно России и стало победой П. Л. Барка.

Неудивительно, что кадетская «Речь» на второй же день после подписания соглашения сообщила, что банковские и финансовые круги России встретили известие о нем «с большой радостью»[II]. «Заключенное Барком финансовое соглашение, — был вынужден признать А. Л. Сидоров, — впервые дало в руки русского правительства значительные средства для производства военных заказов в Англии, США и в других странах»[III]. Сам Петр Львович итоги Парижской конференции, точнее — свою роль на ней, оценил намного скромнее, сказав А. Н. Наумову: «Конференция прошла лучше, чем я ожидал»[IV]. В этом был весь П. Л. Барк — человек дела, а не позы.

В развитие финансового соглашения от 23 января (5 февраля) 1915 г. П. Л. Барк адресовал А. Рибо два письма (ноты) — от 24 января (6 февраля) и 31 января (13 февраля) (см. Приложения 14 и 17). Письма зафиксировали условия получения Россией французской части займа, оказавшиеся весьма выгодными для нее. «Вследствие умеренного процента и отсутствия комиссии Французскому банку, — отмечал Г. Э. Фиск, — Россия получила у Франции самые благоприятные условия для своих иностранных займов»[V]. После окончания парижской конференции П. Л. Барк находился два дня в Лондоне, где 27 января (9 февраля) 1915 г. подписал контракт с банкирским домом «Братья Бэринг» (см. Приложение 15). По этому контракту, также ставшему достижением П. Л. Барка, Россия получила еще 20 млн ф. ст. Достоинства министра финансов высоко оценил

[I] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. С. 462, 464.
[II] Речь. 1915. 24 января.
[III] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 255.
[IV] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. С. 284.
[V] *Фиск Г. Э.* Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926. С. 165.

не только А. К. Бенкендорф, сообщивший брату, что П. Л. Барк «более умен, чем я ожидал»[I], но и лондонский истеблишмент, а потому посол России в Лондоне писал: «Барк произвел здесь хорошее впечатление и отлично справился. Все прекрасно удалось»[II]. Займы, полученные царским правительством во второй половине 1914 — первой половине 1915 г. от Англии и Франции, составляли 120 млн ф. ст. и 625 млн фр.[III], причем никакого золота в дальнейшем за них высылать не пришлось. Огромные заслуги П. Л. Барка в области финансового обеспечения ведения войны были бесспорны и для Николая II, который 22 марта 1915 г. наградил его орденом Св. Анны 1-й степени.

Пока П. Л. Барк путешествовал за границей, его покровитель, фактический премьер А. В. Кривошеин, размышлял о том, как сохранить и углубить возникшее в начале войны «священное единение» власти и общества, царского правительства и народного представительства. В связи с этим интересна аргументация, развернутая им 23 января 1915 г. при посещении посла Франции в России Ж. М. Палеолога, который считал, что из всех министров кабинета И. Л. Горемыкина А. В. Кривошеин — «самый либеральный»[IV]. Аргументация фактического премьера интересна, помимо прочего, еще и потому, что ее, несомненно, разделял и руководитель Финансового ведомства: А. В. Кривошеина и П. Л. Барка, по наблюдениям А. Н. Яхонтова, «связывало сходство взглядов и политических настроений»[V].

«Победа наших армий, — говорил фактический премьер Ж. М. Палеологу, — не возбуждает во мне никаких сомнений при одном условии: чтобы существовало внутреннее согласие между правительством и общественным настроением. Это согласие было в начале войны полным; к несчастью, я должен признать, что ныне оно под угрозой... Чья тут вина? Как всегда, ничья и всех. Заблуждения и отсталость царизма вас беспокоят. Вы не ошибаетесь. Но разве можно предпринять ка-

[I] А. К. Бенкендорф — П. К. Бенкендорфу. 3 февраля 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников... Т. 1. С. 212.
[II] А. К. Бенкендорф — П. К. Бенкендорфу. 9 февраля 1915 г. // Там же. С. 214.
[III] Протокол заседания в Военном министерстве под председательством военного министра. 21 декабря 1916 г. // Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 556.
[IV] *Палеолог Ж. М.* Дневник посла. М., 2003. С. 240.
[V] *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 330.

кую-нибудь имеющую значение реформу во время войны? Конечно, нет, потому что, наконец, если царизм имеет важные недостатки, он имеет также первоклассные достоинства, незаменимые заслуги: это могучая связь между всеми разнородными элементами, которые работой веков понемногу собраны вокруг старой Московии. Только царизм создает наше национальное единство... Одна из причин, которая привязывает меня сильнее всего к царизму, это та, что я считаю его способным на эволюцию. Он уже так часто эволюционировал... Учреждение Думы в 1905 году — громадное событие, которое изменило всю нашу политическую психологию. Я считаю, что более определенное ограничение императорской власти все же необходимо; я также думаю, что надо распространить контроль Думы на управление; наконец, я считаю, что надо осуществить во всех наших ведомствах широкую децентрализацию. Но я повторяю вам, господин посол, что это должно быть, как я говорил уже это на этих днях его величеству, основной задачей министров — устранить несогласие, которое обнаруживается в течение нескольких месяцев между правительством и общественным мнением. Это условие — sine qua non нашей победы...»[I]

Таким образом, А. В. Кривошеин полагал, что для примирения власти и общества министры должны сделать первый шаг, имея целью «более определенное ограничение императорской власти», а для этого «распространить контроль Думы на управление», хотя и признавал, что невозможно «предпринять какую-нибудь имеющую значение реформу во время войны». Веря в победу России уже в 1915 г. (как и все, кто не был осведомлен о грядущей нехватке вооружения и снарядов), А. В. Кривошеин, очевидно, планировал после водворения мира способствовать постепенной замене дуалистической монархии, учрежденной в России в 1906 г., парламентарной монархией, т. е. установлению парламентаризма, при котором и существует контроль народного представительства над управлением через правительство, пользующееся доверием большинства народных представителей[II]. В необходимости этого фактического премьер мог только убедиться по результатам третьей сессии IV Государственной думы, длившейся с 27 по 29 января 1915 г. С бюджетной речью тогда выступил заменявший П. Л. Барка государственный контролер П. А. Харитонов.

[I] *Палеолог Ж. М.* Дневник посла. С. 241–242.

[II] Полемизируя с Ж. М. Палеологом (но не называя его!), К. А. Кривошеин писал об отце: «Было бы ошибочно изображать его либеральным сановником, любившим помечтать вслух об установлении в России парламентского режима, где власть исполнительная подчиняется партийным группировкам» (*Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин... С. 149). Однако при парламентаризме начала XX в. исполнительная власть подчинялась не партийным группировкам, а либо доминирующей в парламенте партии (как в Англии), либо парламентскому большинству, состоящему из коалиции партий (как в Италии). См.: *Куликов С. В.* Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 102.

Вернувшись из-за границы, П. Л. Барк явился ближайшим соратником А. В. Кривошеина по воплощению его плана радикальной политической реформы, которая соответствовала взглядам руководителя Финансового ведомства. Посол Англии в России Д. У. Бьюкенен причислял П. Л. Барка к министрам, которые были «наиболее либеральными членами правительства»[I]. В письме к Л. А. Тихомирову от 12 августа 1915 г. правый депутат Думы Г. А. Шечков относил П. Л. Барка к числу «таких левых, какие могут гнуть в сторону Милюкова и Шингарева»[II], т. е. Кадетской партии, как раз и стремившейся к установлению парламентаризма. Сам П. Н. Милюков соглашался, что П. Л. Барк входил в «либеральную группу» кабинета[III]. Более того, по сведениям Н. Н. Берберовой П. Л. Барк являлся масоном[IV]. Княгиня Ю. Кантакузина, великосветская знакомая П. Л. Барка, включала его в руководимую А. В. Кривошеиным «группу наиболее талантливых политиков», полагавших, что «император должен сотрудничать с парламентом и выполнять старые обещания, которые дал десять лет назад»[V], т. е. в Манифесте 17 октября 1905 г.

[I] *Бьюкенен Д. У.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 195.

[II] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 125.

[III] *Милюков П. Н.* Воспоминания: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 187.

[IV] *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. N.Y., 1986. С. 111.

[V] *Кантакузина Ю.* Революционные дни... С. 136.

Активизации группы А. В. Кривошеина способствовало начавшееся в апреле 1915 г. «Великое отступление» русской армии, предоставившее кривошеинцам новую аргументацию в пользу замены дуализма парламентаризмом — теперь это, с их точки зрения, требовалось еще и ради предотвращения поражения России. Вехами на пути к установлению парламентаризма были образование в мае 1915 г. Особого совещания по артиллерийской части, его преобразование в Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия, которое, в свою очередь, в августе было разделено на особые совещания по обороне, по перевозкам, по топливу и по продовольствию, обновление в июне — июле состава Совета министров, поставившее его под почти полный контроль фактического премьера, и досрочный созыв 19 июля Думы, где в августе образовался Прогрессивный блок[I]. Во всех этих событиях П. Л. Барк играл не всегда ключевую, но всегда важную, хотя и не слишком заметную, роль, выступая в амплуа не публичного, а кулуарного политика, что более соответствовало его темпераменту (см. Приложения 32 и 33).

Усилия А. В. Кривошеина и П. Л. Барка по наведению мостов между властью и оппозицией оказались напрасными, поскольку Прогрессивный блок отказался признать обновленный кабинет И. Л. Горемыкина «министерством общественного доверия». Тем не менее кривошеинцы выступили перед Николаем II, учитывая мнение оппозиции, против того, чтобы он заместил собой Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, и за образование нового кабинета, приемлемого Прогрессивному блоку, причем на заседании Совета министров 28 августа от имени П. Л. Барка последнюю идею поддержал товарищ министра финансов А. И. Николаенко (см. Приложение 19). Дело в том, что в этот день П. Л. Барк выехал из Петрограда в Лондон на вторую финансовую конференцию, однако перед отъездом лично представил Николаю II прошение об отставке, которое было разорвано царем, указавшим на то, что «теперь не время министру финансов оставлять

[I] Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 43–96.

свои обязанности»[I]. А. В. Кривошеин и П. Л. Барк потерпели неудачу: 23 августа Николай II вступил в верховное главнокомандование, а 3 сентября последовал перерыв занятий народного представительства.

Как бы заканчивая свои рассуждения, начатые в январе 1915 г. при встрече с Ж. М. Палеологом, А. В. Кривошеин говорил начальнику своей канцелярии И. И. Тхоржевскому в конце октября того же года: «Наша либеральная пьеса из рук вон плохо игралась. Плохо и нами, министрами, и — еще хуже! — Думой. Всею русской жизнью!.. Бестолково, нестройно, зря, несуразно»[II]. В свою очередь, П. Л. Барк заявил 10 ноября 1915 г. депутату-октябристу И. С. Клюжеву: «Правительство шло к вам навстречу; неприятные вам министры были удалены, и все делалось для сближения с вами, но вы не захотели такого сближения. В Думе начались несвоевременные выпады — потребовали даже ответственного министерства, и дело кончилось тем, чем и должно было кончиться при таких условиях — Дума была распущена. Поверьте, что это непростительная ошибка с вашей стороны». Полностью оспаривать упреки П. Л. Барка И. С. Клюжев не стал. «Да, отчасти вы правы, — ответил он, — но при создавшихся условиях трудно было удержать равновесие»[III]. Впрочем, осенью 1915 г. внутренняя политика отошла, в глазах соратника А. В. Кривошеина, на второй план.

В Лондоне П. Л. Барка, как абсолютно незаменимого человека, давно с нетерпением ожидал А. К. Бенкендорф, который писал брату 15 июля 1915 г.: «Я, по крайней мере, жду Барка. Он должен приехать, иначе я не знаю, что случится»[IV]. В сентябре П. Л. Барк вел переговоры уже не с Д. Ллойд Джорджем, а с его преемником на посту канцлера казначейства Р. Мак-Кенной, оказавшимся менее сговорчивым, тем более что в центре дискуссии снова находился вопрос о золоте. На этот раз его актуальность объяснялась Булонским финансовым соглашением, заключенным А. Рибо и Р. Мак-Кенной 9 (22) августа 1915 г.,

[I] *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 — 15 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 159.
[II] *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург... С. 104.
[III] *Клюжева А. В.* Дневник // РГИА. Ф. 669 (И. С. Клюжев). Оп. 1. Д. 17. Л. 29.
[IV] А. К. Бенкендорф — П. К. Бенкендорфу. 15 июля 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников... Т. 1. С. 222.

согласно которому для обеспечения запланированного Лондоном займа в США в 120 млн ф. ст. союзники должны были предоставить Англии, для последующей высылки в Америку, золота на 40 млн ф. ст. каждый. П. Л. Барк добился не только получения займа в 300 млн ф. ст., не увязывая его с высылкой золота, но и согласия Р. Мак-Кенны на высылку золота не сразу и полностью, а в рассрочку и по частям (см. Приложения 22 и 25). Подписанное ими 17 (30) сентября 1915 г. англо-русское финансовое соглашение (см. Приложения 20 и 21) свидетельствовало как о переходе роли главного кредитора России от Франции к Англии, так и об очередном дипломатическом успехе П. Л. Барка.

Составленная во французском МИД записка «Результаты визита г. Барка в Лондон» информировала, что, заключив соглашение 17 (30) сентября, «русский министр финансов получил все, что хотел»[I]. «Барк, — писал А. К. Бенкендорф брату 21 сентября, — справился здесь превосходно и достиг совершенно фантастических результатов. Очень жаль, что его положение в России не очень прочно и что смотрят на него несколько свысока. Здесь оба раза, не скрою от тебя, он произвел впечатление перворазрядного финансиста, человека рассудительного, твердого, уравновешенного, без слепого упрямства... Вот мы вновь упрочены и основательно упрочены на год»[II]. В сущности, успех П. Л. Барка в Лондоне признал и А. Л. Сидоров, отмечавший, подразумевая соглашение 17 (30) сентября: «По форме договора могло казаться, что Барк даже добился некоторого смягчения первоначального категорического требования англичан о вывозе золота на 400 млн руб. Английское правительство рассрочивало вывоз золота, отказавшись от требования немедленной его поставки»[III]. В результате золото высылалось, теперь уже — через Владивосток в канадский Ванкувер, по распоряжениям П. Л. Барка от 25 ноября 1915 г. (10 млн ф. ст.) и 19 мая (10 млн ф. ст.) и 7 декабря (20 млн ф. ст.) 1916 г.[IV], т. е. по окончании действия соглашения 17 (30) сентября 1915 г.! Очевидно, Россия продолжала оставаться равноправным партнером Англии, раз могла себе позволить роскошь неисполнения в срок этого соглашения.

[I] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 374.

[II] А. К. Бенкендорф — П. К. Бенкендорфу. 21 сентября 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников... Т. 1. С. 230–231.

[III] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 272.

[IV] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 381.

Общение П. Л. Барка с А. Рибо осложняло только одно обстоятельство — стремление последнего к обеспечению займов, даваемых России Францией, если не золотом, то зерном и спиртом (см. Приложение 25). «Новые переговоры Барка с Рибо о кредитах, — отмечал А. Л. Сидоров, — протекали в спокойной обстановке. Вопрос о вывозе русского золота для подкрепления французских финансов не ставился. Рибо не проверял и не оспаривал расчетов Барка в отношении количества потребной валюты»[I]. Согласно русско-французскому финансовому соглашению, подписанному П. Л. Барком и А. Рибо 21 сентября (4 октября) 1915 г., Франция приняла на себя обязательство продолжать, как и ранее, давать России ежемесячные беспроцентные авансы по 125 млн фр. (см. Приложения 23 и 24). Оценивая это соглашение, А. А. Игнатьев иронически писал: «Единственным обязательством, принятым на себя Барком, было обещание разрешить вывоз из России хлеба и спирта. Барку, конечно, отлично было известно, что хлеба для вывоза не найдется, но не только он, а даже я знал, что от уступки французам спирта Россия не разорится»[II]. Французы, однако, не получили ни хлеба, ни спирта, и, в связи с этим, историк Л. Пети сетовал: «Франция точно выполняла свои обязательства, но Россия — нет. Пункт, по которому мы должны были получить товары в счет оплаты части наших займов, остался мертвой буквой»[III]. Следовательно, Россия сохраняла и статус равноправного партнера Франции, раз могла, будучи ее должником, диктовать ей свои условия.

Всего по сентябрьским финансовым соглашениям 1915 г. Россия получила 300 млн ф. ст. в Англии и 1500 млн фр. во Франции[IV]. Как и в январе 1915 г., в сентябре этого года П. Л. Барк опять одержал победу, что признавали с разных

[I] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 277.

[II] *Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. Т. 2. С. 124.

[III] *Petit L.* Histoire des finances exterieures de la France pendant la guerre 1914–1919. Paris, 1929. P. 61.

[IV] Протокол заседания в Военном министерстве под председательством военного министра. С. 556.

сторон. На всеподданнейшем докладе «О финансовых соглашениях, заключенных с английским и французским министрами финансов и с управляющим Английским банком» Николай II начертал 9 октября 1915 г.: «Нахожу, что переговорами Вашими Вы достигли весьма крупного результата для русского кредита» (см. Приложение 25). Оппозиционный экономист М. И. Боголепов делал вывод, что сентябрьские соглашения, в связи с почти полным прекращением российского экспорта, дававшего львиную долю валюты до войны, «выводят нашу страну из этих затруднений», финансовые потребности России «на долгое время обеспечены», а значит — обеспечена и «война до победы», при том что «Россия сохраняет за собой полную автономию»[I]. Положительные итоги сентябрьских соглашений признавал и А. Л. Сидоров, который писал: «Вновь полученные кредиты дали возможность русскому правительству уплачивать проценты по долгам, рассчитаться по размещенным заказам, делать новые заказы за границей, а также закупать оборудование, сырье и боевое снаряжение»[II].

Если осень 1915 г. ознаменовалась для П. Л. Барка новой профессиональной победой, то его положение как политика после возвращения в Россию поколебалось, поскольку в это время А. В. Кривошеин и соратники фактического премьера были заменены новыми министрами, среди которых выделялся управляющий МВД и одновременно правый депутат Думы А. Н. Хвостов. Он являлся давним противником П. Л. Барка и еще 3 августа 1915 г., выступая в нижней палате, упрекал министра финансов в том, что он «отдает предпочтение интересам банковых кругов перед интересами России», поскольку его «государственное мировоззрение», раз он — «банковский служащий» и «вырос в этих банках», «воспиталось этими банками»[III]. В ноябре — декабре 1915 г. вместо П. Л. Барка А. Н. Хвостов пытался провести в руководители Финансового ведомства своего свойственника — председателя правления Соединенного банка в Москве В. С. Татищева. С другой

[I] См.: Торгово-промышленная газета. 1915. 3 октября.
[II] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 279.
[III] Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.): в 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 336, 342.

стороны, в конце 1915 — начале 1916 г. банкиры А. И. Вышнеградский, А. И. Путилов и Е. Г. Шайкевич планировали добиться при помощи Г. Е. Распутина назначения вместо П. Л. Барка товарища председателя IV Государственной думы А. Д. Протопопова[I]. Однако происки врагов П. Л. Барка провалились, и 29 декабря 1916 г. Николай II назначил его членом Государственного совета, с сохранением за ним должности министра, что в бюрократическом мире расценивали как особую царскую милость по отношению к сановнику, удостоившемуся такого совмещения должностей. П. Л. Барк еще раз доказал свою непотопляемость, обусловленную, прежде всего, его профессиональной незаменимостью.

Профессионализм П. Л. Барка проявлялся, помимо прочего, в том, что к решению финансовых проблем он подходил, разделяя не узкофискальные, а широкие взгляды, впервые поставив на реальную почву общий вопрос о планомерном развитии российской экономики. На заседании правительства 26 декабря 1915 г. министры обсуждали представленную П. Л. Барком обширную и обстоятельную записку, вызвавшую у его коллег, по воспоминаниям преемника А. В. Кривошеина — А. Н. Наумова, «необычайно острый интерес». В записке П. Л. Барк, указав на быстрый рост во время войны государственного долга России, подчеркивал, что «для ограждения Российского государства от обременительных последствий такой высокой задолженности необходимо выработать и установить не один только финансовый план, но и общеэкономический, чтобы выявить к жизни неисчислимые естественные богатства страны»[II]. Результатом обсуждения записки П. Л. Барка (см. Приложение 26) стало создание 17 января 1916 г., при главе кабинета, Совещания министров по финансово-экономическим вопросам, а 22 марта того же года — нового высшего совещательного учреждения, Особой финансово-экономической комиссии, в которую входили не только бюрократические, но и образовывавшие в ней большинство общественные деятели, прежде всего — депутаты Государственной думы и чле-

[I] Протокол допроса Д. Л. Рубинштейна. 31 марта 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства). Оп. 1. Д. 548. Л. 52–53.
[II] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. С. 422.

ны Государственного совета[1]. Тем самым экономическое планирование получило не только принципиальное признание, но и специальную институционализацию. После Февральской революции 1917 г. комиссия была преобразована в Экономический совет, с Главным экономическим комитетом, при Временном правительстве, а после Октябрьской революции преемником комиссии стал Высший совет народного хозяйства. Так что и в данном случае большевики только заимствовали идеи, институционализированные еще царским правительством, но, в отличие от него, доводили их до абсурда, т. е. тотального планирования.

В январе 1916 г. произошла замена И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмером, поскольку Николай II решил проводить более примирительную политику по отношению к Прогрессивному блоку в Думе и Государственном совете. И. Л. Горемыкин, имея в виду сдерживание оппозиции в узких рамках во избежание думских эксцессов, накануне своей отставки предложил Совету министров обсудить вопрос об ограничении предстоящей сессии нижней палаты жесткими временны́ми сроками, созвав ее только для рассмотрения и одобрения бюджета. П. Л. Барк, в отличие от министров, которые входили в прогрессивную группу кабинета, поддержал премьера, относившегося благосклонно к министру финансов, помня, что два года назад они попали в Совет министров одновременно. Однако мнение И. Л. Горемыкина не поддержал Николай II, полагавший, что Дума должна быть созвана не на короткую, а нормальную, длительную сессию, поручив налаживание отношений между правительством и оппозицией назначенному члену Государственного совета Б. В. Штюрмеру. На первом же заседании Совета министров под его председательством, 22 января 1916 г., П. Л. Барк опять заявил особое мнение, отличное от мнения, которое разделяли по вопросу о созыве нижней палаты прогрессивная группа и присоединившийся к ней новый премьер (см. Приложение 27).

После ухода А. В. Кривошеина и И. Л. Горемыкина П. Л. Барк, как политик, отправился в свободное плавание, балансируя

[1] Подробнее о ней см.: *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. С. 64–93.

между левым и правым крыльями кабинета, но с креном, по причине своих либеральных взглядов, в сторону левого крыла и с ориентацией на Прогрессивный блок. В итоге замена И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмером не поколебала положения П. Л. Барка, и член Совета министра финансов П. П. Мигулин информировал М. М. Алексеенко 4 марта: «Барк укрепился»[I]. В поддержке Прогрессивного блока П. Л. Барк нуждался для предотвращения дальнейшей высылки русского золота в Англию. На заседании ЦК Кадетской партии 31 марта А. И. Шингарев сообщил, что П. Л. Барк «очень хотел бы, чтобы именно из думских сфер указано было англичанам, до чего Дума не хочет, чтобы русское золото так утекало в Англию; ему, как лицу связанному, этого нельзя говорить»[II]. Помочь П. Л. Барку в отстаивании финансовых интересов России пыталась Русская заграничная парламентская делегация, находившаяся в Англии с 22 апреля (5 мая) по 7 (20) мая 1916 г.

После отъезда делегации ее член А. И. Шингарев 14 (27) мая 1916 г. имел беседу с Р. Мак-Кенной, которому сказал: «Разрешите мне мой недоуменный вопрос, почему вы так настойчиво и так упорно и в соглашениях и дальше просите высылки нашего золота». В ответ канцлер казначейства заявил: «А золото мы требуем потому, что от нас его требуют. Каждую неделю я должен вывозить от 2–3 млн фунтов золота в Оттаву в Канадский банк для расчетов с Северо-Американскими Штатами... Как мы ни богаты, но тем не менее это продолжается второй год, и вы сами понимаете, что наши ресурсы весьма ограничены. Если мы не будем получать поддержки с вашей стороны, со стороны Франции и Италии, то что же получится? В настоящее время все союзные державы имеют нашу помощь. Франция у нас берет деньги, вы берете у нас деньги. Италия берет деньги, Бельгия и Сербия берут деньги. В конце концов, мы ведь одни, что же вы хотите, чтобы мы прекратили платежи золотом в Америке? Ведь тогда не только мы, но и все

[I] П. П. Мигулин — М. М. Алексеенко. 4 марта 1916 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 465.

[II] Протокол пленарного заседания ЦК 30–31 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: в 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 272.

вы начнете страдать. Получится общее финансовое расстройство, и ответственности за это я брать на себя не могу». Сообщив, далее, что он «скупил все бумаги американские, какие есть в Америке», Р. Мак-Кенна заявил: «Я плачу постоянно этими бумагами. Если бы я не платил этими бумагами, мы бы давно все наше золото отдали, но я все время покупаю процентные бумаги американские железнодорожные, промышленных предприятий, банков, которые обращаются в Англии, и этими бумагами оплачиваю наши долги в Америке. Но их становится на рынке все меньше и меньше. Как ни богаты мы этими бумагами, но за два года войны мы значительную часть вычерпали. Наконец, мы обложили специально американские бумаги, с тем, чтобы их было выгоднее нам отдавать. Мы покупаем их по высокой цене, но бывает время, когда я не могу купить на рынке бумаг: их нет, тогда нужно везти золото, и так как приток золота в данный момент очень слаб, так как все страны, которые нам его платят, до известной степени задерживают или не присылают его вовсе, тогда наступает острая необходимость оплаты золотом. На этот случай я держу обязательство ваше, французское, итальянское, чтоб иметь это золото для расплаты. Но вы еще не заплатили и половины, мы не получили по соглашению с вами и половины того, что вы обязаны дать»[I].

Действительно, из 40 млн ф. ст. золотом, которые по англо-русскому соглашению 17 (30) сентября 1915 г. Россия обязалась передать Англии, к 14 (27) мая 1916 г., когда происходила беседа между А. И. Шингаревым и Р. Мак-Кенной, в Канаду были переправлены лишь 10 млн[II]. Между тем к маю 1916 г. золотые запасы Английского банка равнялись 60 млн, Государственного банка Российской империи — 130–140 млн, Французского банка — 180 млн ф. ст.[III] Позиция Р. Мак-Кенны была столь же логичной, как и позиция П. Л. Барка, что еще более затрудняло переговоры между ними, происходившие в июне и июле 1916 г. накануне и во время и после Лондонской конференции четырех министров финансов главных стран Антанты: Англии — Р. Мак-Кенны, Италии — П. Каркано, России — П. Л. Барка и Франции — А. Рибо (см. Приложение 28). П. Л. Барк приехал в Лондон 13 (26) июня 1916 г., на следующий день к нему присоединились начальник Главного управления Генерального штаба генерал М. А. Беляев и председатель Комиссии по распределению валюты генерал А. А. Михельсон.

[I] Международное финансовое положение Царской России во время мировой войны... С. 6–8.

[II] Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства... С. 546.

[III] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 380.

В Лондоне П. Л. Барк провел предварительные переговоры с Р. Мак-Кенной и Д. Ллойд Джорджем, являвшимся теперь министром снабжения армии, а затем — военным министром. Передавая свои впечатления от общения с ними, П. Л. Барк говорил на заседании Совета министров 26 июля 1916 г.: «Два течения в Англии: одно во главе с Ллойд Джорджем — за всемерную поддержку России, ибо [признает] особое значение нашей армии в войне и [заинтересовано в] обеспеченности наступления. Другое — Мак-Кенна — на словах готов все дать, но при обращении к делу ставит массу препон»[I]. Поскольку первоначально проведение конференции было запланировано в Париже, П. Л. Барк и генералы 16 (29) июня переехали в столицу Франции. Между тем на заседании 17 июня 1916 г. Государственная дума существенно укрепила позиции П. Л. Барка как переговорщика, поскольку приняла формулу перехода к очередным делам, в которой неприкосновенный золотой запас Государственного банка «в монете, слитках и ассигновках» определялся в 1400 млн руб., причем эта сумма не подлежала бы вывозу за пределы Российской империи[II]. Замещавший П. Л. Барка товарищ министра финансов А. И. Николаенко в том же заседании заявил о согласии правительства с пожеланиями Думы.

В Париже, ведя переговоры с А. Рибо, П. Л. Барк, как бы шутя, ринулся защищать финансовые интересы России, на что с едким сарказмом не преминул отреагировать Р. Пуанкаре, который записал 22 июня (5 июля), подразумевая русского министра финансов: «Это коренастый, невысокий чело-

[I] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 349.

[II] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 5594.

век, веселый и хитрый, носится с собой и Россией»[I]. П. Л. Барк, имея в виду погашение обязательств коммерческих банков и торгово-промышленных фирм Российской империи, поднял вопрос об увеличении ежемесячного французского кредита со 125 до 150 млн фр. А. Рибо сообщил, что французское правительство готово пойти на увеличение кредита, но с тем, чтобы половина всей задолженности России, которая окажется ко времени заключения мира, подлежала оплате русскими товарами (хлебом, лесом, спиртом), заготовленными заранее. «Я, — сообщил П. Л. Барк на заседании Совета министров 12 августа 1916 г., — признал [это] неприемлемым — до сих пор по долгам [была достаточна] подпись Императорского правительства, а эти товары — дополнительная гарантия. К тому же товары равны золоту при вывозе возобновившемся, и нельзя их связывать особым назначением, без получения контрвалюты. В итоге Франция отказалась от открытия кредита на нужды торговли и промышленности и частной задолженности»[II]. А. Рибо, вспоминал он, попросил П. Л. Барка подтвердить, что «поставки зерна и леса, которые не могли состояться в течение войны, будут выполнены после открытия Дарданелл», однако «г. Барк, — жаловался француз, — отказался это сделать, ссылаясь на то, что после войны русское правительство само будет нуждаться в этих ресурсах»[III]. «Рибо, — отметил Р. Пуанкаре 23 июня (6 июля) 1916 г., — докладывает в Совете министров о своих переговорах со своим русским коллегой Барком, которого он открыто называет барышником. Однако, из уважения к России, Рибо готов пойти на некоторые уступки Барку»[IV]. Уступки состояли в том, что русско-французское финансовое соглашение 21 сентября (4 октября) 1915 г., по которому Россия получала от Франции ежемесячно по 125 млн фр., было не просто возобновлено на прежних, весьма выгодных, основаниях, но и продлено до конца войны, не ограничивая русское правительство «никакими сроками заказов и платежей, что, — подчеркивал А. А. Михельсон, — очень важно»[I]. Переговоры П. Л. Барка и А. Рибо привели к тому, признавал даже А. Л. Сидоров, что «в области чисто финансовой русское правительство в основном получило все то, чего оно добивалось»[II]. Однако, после победы над А. Рибо, П. Л. Барку предстояло в очередной раз померяться силами с Р. Мак-Кенной, который из-за парламентского кризиса не смог выехать из Лондона, и потому официальное открытие конференция последовало 1 (14) июля в столице Великобритании.

[I] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. С. 511.
[II] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 351.
[III] *Ribot A.* Lettres a un ami. Souvenirs de ma vie politique. Paris, 1924. P. 88.
[IV] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. С. 511–512.

Конференция закончилась подписанием краткого протокола, содержавшего постановление об образовании в Лондоне особой комиссии из представителей четырех союзных держав для взаимного осведомления о наиболее крупных заказах и покупках в США и прочих нейтральных странах. По окончании конференции 12 (25) и 13 (26) июля происходили переговоры П. Л. Барка и Р. Мак-Кенны при участии М. А. Беляева и А. А. Михельсона. Переговоры с канцлером казначейства грозили закончиться провалом, поскольку его требование об обеспечении русским золотом нового полугодового займа в 150 млн ф. ст. натолкнулось на жесткое сопротивление со стороны П. Л. Барка, ссылавшегося, помимо прочего, и на формулу перехода, принятую Думой 17 июня 1916 г. «Требование высылки золота из России в 40 млн ф. ст. — conditio sine qua non, — передавал А. Н. Яхонтов сообщение П. Л. Барка, сделанное им на заседании Совета министров 26 июля 1916 г. — Непреклонное требование англичан. Министр финансов Барк считает [это] недопустимым явлением. Если же согласиться, то в виде ссуды и одновременно с французами для поддержки [Банка] Англии, а не в качестве условия выдачи кредита нам, ибо последние нужны для достижения общей задачи — победы над врагом. В общем, министр финансов Барк согласился выслать 20 млн ф. ст., если: 1) будет действительная опасность Английскому банку (понижение [его золотой] наличности ниже 70 млн ф. ст., 2) в виде ссуды в обмен на обязательства

[I] Рапорт председателя Комиссии по распределению валюты А. А. Михельсона военному министру Д. С. Шуваеву о ходе финансовых переговоров в Париже и Лондоне. 9 августа 1916 г. // Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 548.
[II] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 346.

Лондонского казначейства и с %. Кроме того — тяжелая артиллерия [должна поставляться Англией] вне общего кредита»[I]. «Все остальные пункты соглашения, кроме пункта, касающегося золота, — подчеркивал А. Л. Сидоров, — были согласованы»[II]. Тем не менее П. Л. Барк решил пойти ва-банк и покинул Лондон, так и не подписав нового соглашения с англичанами, причем его демарш являлся не эмоциональным срывом или блефом, а хладнокровно рассчитанным обходным маневром.

«К несчастью, — сообщал Д. Ллойд-Джордж премьер-министру Г. Асквиту 13 (26) сентября 1916 г., — Барк и Беляев уехали, не достигнув соглашения»[III]. П. Л. Барк понимал, что Англия заинтересована в победах русской армии не менее, чем Россия, а победы эти были возможны только после получения очередного английского займа. Хотя в отсутствие П. Л. Барка Б. В. Штюрмер запланировал заменить его своим ставленником — бывшим выборным членом Государственного совета В. Н. Охотниковым, результаты июньско-июльских переговоров оказались таковы, что позиция «непотопляемого Барка» стала «сильной, как никогда»[IV]. По возвращении в Петроград на заседании Совета министров 26 июля 1916 г. он доложил об итогах заграничных переговоров, и правительство пришло к выводу, что требование Р. Мак-Кенны «неприемлемо»[V]. На следующий день вопрос о золоте обсуждался в соединенном присутствии Совета министров и Комитета финансов, и последний также поддержал П. Л. Барка[VI]. Наконец, он получил «высочайшую» поддержку — со стороны Николая II, который 6 августа написал на всеподданнейшем докладе П. Л. Барка «О переговорах министра финансов в Париже и Лондоне в июне и июле 1916 г.»: «Благодарю министра финансов за проявленные знание дела и стойкость» (см. Приложение 28).

[I] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 349–350.
[II] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 352.
[III] *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары: в 6 т. М., 1934. Т. 1–2. С. 511.
[IV] *Кантакузина Ю.* Революционные дни... С. 140–141.
[V] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 350.
[VI] Особый журнал соединенного присутствия Совета министров и Комитета финансов 27 июля 1916 г. «Об условиях нового с союзными державами финансового соглашения» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год. М., 2008. С. 357–361.

Проявленная П. Л. Барком стойкость принесла свои плоды — не прошло и трех месяцев после возвращения П. Л. Барка в Петроград, как 14 (27) октября 1916 г. в Лондоне А. К. Бенкендорф и министр иностранных дел Англии Э. Грей подписали новое англо-русское финансовое соглашение, в дополнение к соглашению 30 сентября 1915 г. (см. Приложение 29). Ежемесячные английские кредиты в 25 млн ф. ст. были предоставлены на новый срок в 6 месяцев (с 1 октября 1916 по 1 апреля 1917 г.). Со своей стороны, русское правительство обязалось отправить 20 (а не 40!) млн ф. ст. золотом, но только в случае, если золотой запас Английского банка падет ниже 85 млн ф. ст., хотя П. Л. Барк настаивал на пределе в 70 млн. Тем не менее, по большому счету, это была его очередная победа, что засвидетельствовал представитель английской армии при Ставке Верховного главнокомандующего генерал Д. Хэнбери-Вильямс. Он записал 15 октября 1916 г., что П. Л. Барк «отстаивает, прежде всего, интересы своей страны, но в делах с нами ведет себя дружелюбно и в высшей степени честно»[I]. А. С. Путиловым министр финансов характеризовался даже как человек, «не лишенный склонности парадировать перед иностранцами»[II]. Дружелюбие и честность П. Л. Барк, однако, проявлял по отношению к союзникам лишь до тех пор, пока не страдали финансовые интересы его родины. В телеграмме 9 (22) ноября 1916 г. П. Л. Барк предупредил директора Английского банка лорда У. Кенлиффа, что согласие русского правительства на передачу золота по соглашению 14 (27) октября — «это последнее усилие, на которое Россия в состоянии пойти на подобных условиях». П. Л. Барк однозначно, как власть имеющий, предупредил У. Кенлиффа, чтобы возглавляемое им учреждение «отнюдь не рассчитывало в будущем на возможные новые посылки золота со стороны России»[III]. Распоряжение об отправке 20 млн ф. ст. П. Л. Барк подписал только 25 февраля 1917 г.[IV]

Всего с октября 1914 по февраль 1917 г. царское правительство передало Великобритании золота на 68 млн ф. ст.[V],

[I] *Хэнбери-Уильямс Д.* Император Николай II... С. 134.
[II] *Путилов А. С.* Период князя Голицына. Л. 20–21 об.
[III] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 369.
[IV] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 381.
[V] Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства... С. 546.

или на 643,2 млн руб., причем 8 млн ф. ст. (74,7 млн руб.) считались проданными, а 60 млн ф. ст. (568,5 млн руб.)[I], или $^3/_8$ довоенного золотого запаса России[II], — переданными в виде временной ссуды на условии возврата Государственному банку после войны. Ссылаясь на приведенные цифры, советские историки, прежде всего — А. Л. Сидоров, отмечали, что П. Л. Барк пошел на заключение «ряда кабальных финансовых соглашений с союзниками»[III]. Для доказательства своей точки зрения А. Л. Сидоров ссылался также на мнения царских министров, например — государственного контролера П. А. Харитонова, который на заседании кабинета 19 августа 1915 г. заявил: «Значит, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники — или золото давай, или ни гроша не получишь. Дай Бог им здоровья, но так приличные люди не поступают»[IV]. Более объективной точки зрения придерживается С. Г. Беляев, который оспорил высказанные представителями высшей царской бюрократии и впоследствии распространившиеся в советской историографии «суждения о том, что вывоз золота за границу — исключительно "русское явление", якобы демонстрирующее подчиненное положение России по отношению к ее западным союзникам»[V]. Действительно, на том же заседании 19 августа 1915 г. П. Л. Барк, реагируя на ламентации П. А. Харитонова, сообщил, что «сейчас вопрос идет о платежах в Америке, а не у союзников, которые сами вывозят для этого золото»[VI], причем — по 40 млн ф. ст. каждый[VII].

В первые полтора года войны Франция вывезла в Нью-Йорк, Лондон и Мадрид золота на сумму 977 611 000 фр.[VIII] К 18 (31) января 1917 г., отмечал тот же А. Л. Сидоров, Франция поставила английскому казначейству золота на 2706 млн фр.[IX] Сама Англия

[I] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 170, 231, 369.
[II] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 50.
[III] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 24.
[IV] Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Составлено А. Н. Яхонтовым // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 88.
[V] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 373.
[VI] Тяжелые дни... С. 88.
[VII] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 231.
[VIII] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 373.
[IX] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 375.

в мае 1916 г. для расчетов с США каждую неделю вывозила в Канадский банк, находившийся в Оттаве, золота на 2–3 млн ф. ст. (20–30 млн руб.)[1]! Все это свидетельствовало, во-первых, о том, что никаких «кабальных соглашений» П. Л. Барк не заключал, поскольку во время войны Россия продолжала оставаться равноправным партнером Англии и Франции, и, во-вторых, — что в период войны роль главного кредитора России перешла от Франции к Англии, а роль главного кредитора Антанты — от Англии к США, которые, в свою очередь, напрямую зависели от союзников, поскольку получали от них заказы, способствовавшие развитию американской промышленности, а тем самым — расширению внутреннего денежного рынка, что и позволяло правительству США финансировать Антанту за счет внутренних займов.

Хотя Россия, в лице П. Л. Барка, имела на посту руководителя Финансового ведомства лучшего министра финансов из всех министров финансов тогдашних великих держав, Прогрессивный блок, начавший в ноябре 1916 г. «штурм власти», продолжал нападки на него и на других министров, прежде всего — управляющего МВД А. Д. Протопопова, назначенного с поста товарища председателя Государственной думы, но тем не менее сделавшегося главной мишенью этих нападок. Выступая, как и Николай II, против немедленного установления парламентаризма, чего требовала оппозиция, А. Д. Протопопов оказался в коллизии не только с Думой, но и с большинством министров, которые также видели в парламентаризме панацею от внутриполитического кризиса. К этому большинству принадлежал и П. Л. Барк, а потому, видя, что взгляды его и царя относительно текущего политического момента расходятся, П. Л. Барк решил подать в отставку, о чем он и заявил Николаю II во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 30 декабря 1916 г. Царь опять, как и в августе 1915 г., отказался уволить П. Л. Барка, дав ему, однако, учитывая переутомление министра, двухмесячный отпуск, из которого П. Л. Барк досрочно вышел для участия в Петроградской конференции союзников, работавшей с 19 января (1 февраля) по 7 (20) февраля 1917 г. Между тем 9 января 1917 г. в Петрограде начало

[1] Международное финансовое положение Царской России во время мировой войны... С. 6.

работать отделение National City Bank (США), что символизировало открытие для России американского денежного рынка, альтернативного английскому и французскому рынкам и более емкого, чем они, что также стало заслугой П. Л. Барка[I]. После начала конференции, уже при участии министра финансов, 24 января произошло торжественное открытие Петроградской фондовой биржи, закрытой в связи с началом войны[II]. К моменту открытия биржи курсы ценных бумаг, прежде всего — акций, значительно превышали их максимальную стоимость 1913 г., а после открытия — продолжали расти[III]. Это говорило о том, что буквально накануне Февральской революции никакого финансового кризиса не было.

П. Л. Барк являлся председателем Финансовой комиссии Петроградской конференции, а лорд Д. Ревельсток — ее единственным постоянным членом, и вся подготовительная работа комиссии была проведена в ходе переговоров между ними[IV]. В более представительном составе Финансовая комиссия собиралась только один раз — 25 января (7 февраля) 1917 г., когда П. Л. Барк выступил с речью, которая произвела «очень хорошее впечатление чрезвычайно ясным и откровенным изложением трудностей нашего финансового положения, — вспоминал министр иностранных дел Н. Н. Покровский. — Иностранцы потом говорили, что никогда не слышали такого определенного изображения наших нужд и потребностей»[V]. Речь П. Л. Барка оказалась поистине его «лебединой песней» как последнего министра финансов Российской империи. Одним из важнейших итогов Петроградской конференции стал подписанный 7 (20) февраля 1917 г. П. Л. Барком, Д. Ревельстоком и главой английской делегации лордом А. Мильнером Меморандум об англо-русских финансовых переговорах (см. Приложение 31). «Вопрос о золоте, — с некоторым удивлением констатировал А. Л. Сидоров, подразумевая Меморандум, — совершенно не фигурирует в принятых решениях». Одновременно для советского историка представлялось несомненным, что «и на этот раз английские союзники на бумаге проявили известную готовность идти навстречу пожеланиям царского правительства»[I]. Однако, учитывая, что прежние, полученные П. Л. Барком от Англии и Франции, «уступки на бумаге» неизменно превращались в «уступки на деле», можно утверждать, что и уступки, сделанные Англией России на Петроградской конференции в финансовой сфере, были более чем реальными.

[I] Подробнее о финансовых отношениях Российской империи и США во время Первой мировой войны и накануне Февральской революции см.: *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. Очерки русско-американских отношений. 1914–1917. М., 1969.

[II] *Лизунов П. В.* Санкт-Петербургская биржа... С. 476–477.

[III] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 198.

[IV] *Гурко В. И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 295, 300.

[V] *Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 206.

Подводя итоги деятельности П. Л. Барка на посту министра финансов, С. Г. Беляев справедливо отмечал, что «умение комбинировать средства поддержания относительного бюджетного равновесия (налоги, займы, денежная эмиссия) и в целом проводимая П. Л. Барком политика предотвратили финансовый крах»[II]. Однако предотвратить политический крах царского правительства П. Л. Барк уже не мог, и 1 марта, во время Февральской революции, он был арестован бывшим лакеем, которому ранее не помог избежать отправки на фронт. Узилищем для экс-министра стал Министерский павильон при Таврическом дворце, откуда его освободили уже 4 марта. Пребывая не у дел, П. Л. Барк, несомненно, с болью в сердце наблюдал, как Временное правительство, это воплощение кустарной государственности, пускало по ветру все его финансовые достижения и, принося в жертву развития революции оборону государства, точнее — само государство, вело Россию к финансовому краху. Для того чтобы лучше понять масштабы личности П. Л. Барка и значение его государственной деятельности, необходимо сравнить то, что сделал он, с тем, что сделали после него.

Прежде всего, с июля 1914 до июля 1917 г. расходы по Военному фонду выросли с 2546 до 37 841 млн руб., в 15 раз, однако с июля 1914 по декабрь 1916 г. они составили 27 188 млн руб. (72%), а только за шесть месяцев 1917 — 10 653 млн (28%), иными словами — выросли в 2,5 раза. Ежедневные военные расходы в 1916 г. составили 42 млн руб., повысившись

[I] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 437, 438.

[II] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 549.

на 16 млн руб., за шесть месяцев 1917-го — 59 млн, повысившись на 17,2 млн, больше, чем за весь предыдущий год! Это явление Г. Д. Дементьев напрямую связывал «с происшедшей революцией и с предъявлением исключительных требований демократическими массами»[I]. Что касается обыкновенного (ординарного) бюджета, то только его сверхсметные расходы с марта по октябрь 1917 г. составили 974,5 млн руб., увеличившись более чем в три раза по сравнению со всем предыдущим 1916 годом[II]. «Ни в один период российской истории, — признавал министр финансов Н. В. Некрасов на заседании Государственного совещания 12 августа 1917 г., — ни одно царское правительство не было столь расточительно, — я не касаюсь мотивов этой расточительности, — ни одно не было столь щедро в своих расходах, как правительство революционной России». Впрочем, отметив, что «новый революционный строй обходится Государственному казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй», Н. В. Некрасов назвал и причину этого — те социальные эксперименты, которыми стали заниматься дорвавшиеся до власти лидеры левых партий. В частности, заявленные ими годовые расходы на организацию продовольственных комитетов должны были составить 500 млн руб., земельных комитетов — 140 млн и т. д.[III] Какие же источники доходов использовало Временное правительство?

По сравнению с 1916 г. в 1917-м доля налоговых поступлений понизилась с 22,2 до 12,1%, приблизительно в два раза[IV], хотя в марте — октябре 1917 г. Временное правительство получило от повышения только прямых и косвенных налогов на 295 млн руб. больше, чем царское — за тот же период предыдущего года[V]. Отмеченное понижение произошло, прежде всего, потому, что

[I] Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С. 25, 26.

[II] Краткий обзор деятельности Департамента государственного казначейства. Декабрь 1918 г. // Экономическое положение России... Ч. 2. С. 384.

[III] Доклад министра финансов Н. В. Некрасова в Государственном совещании о состоянии финансов, основных принципах финансовой политики Временного правительства и деятельности Министерства финансов. 12 августа 1917 г. // Там же. С. 412, 415.

[IV] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика... С. 17.

[V] Краткий обзор деятельности Департамента государственного казначейства. Декабрь 1918 г. // Экономическое положение России... Ч. 2. С. 383–384.

в 1917 г., сравнительно с 1916-м, доля доходов от выпуска бумажных денег выросла с 19,7 до 42,9%, в два раза[I]. Временное правительство увеличивало эмиссионное право Государственного банка 4 марта — на 2 млрд руб., 15 мая — на 2 млрд и 11 июля — на 2 млрд, всего — на 6 млрд. Если царскому правительству для увеличения упомянутого права на 6,2 млрд понадобились два с половиной года войны, то Временному, для увеличения на меньшую сумму в 6 млрд, — лишь пять месяцев[II]. С марта по октябрь 1917 г. было выпущено бумажных денег почти столько же (7340 млн руб.), сколько их выпустили за все предыдущее время войны (8317 млн). После победы революции каждый месяц в обращение поступала сумма, приблизительно в четыре раза большая, чем за месяц войны до революции (1048 млн руб. против 264 млн руб.). Если с июля 1914 до марта 1917 г. бумажные деньги покрывали приблизительно 30% всех военных расходов, то с марта по сентябрь 1917-го — почти 80%[III]. Таким образом, усиленная денежная эмиссия стала для Временного правительства, в отличие от царского, главным источником покрытия расходов.

По наблюдениям Г. Д. Дементьева, количество бумажных денег резко возросло «в связи с революционным временем и с проявившимся стремлением демократических масс, пользуясь своей сплоченностью и силой, требовать улучшения своего материального положения за счет казны, владельцев частных предприятий и пр.»[IV]. Галопирующая инфляция привела к резкому обесценению рубля и обвальному падению его заграничного курса: за семь месяцев нахождения у власти Временного правительства курс рубля в Лондоне и Париже, равнявшийся, к марту 1917 г. 68 и 75% от довоенного уровня, понизился соответственно на 45 и 43% — до 23 и 32%[V] — и продолжал понижаться, свидетельствуя если не о наступлении финансового краха, то о его близости.

Компенсировать последствия инфляции могли бы внутренние займы, но в 1917 г., по сравнению с 1916-м, доля

[I] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика... С. 17.

[II] Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С. 6.

[III] Представление министра финансов Временному правительству... С. 423, 424.

[IV] Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С. 28.

[V] *Дементьев Г. Д.* Государственные доходы и расходы... С. 206.

расходов, покрываемых ими, упала с 33,3 до 13,7%[I], что свидетельствовало «о неудачной в целом политике Временного правительства в области государственных ценных бумаг»[II]. Неудачу инициированных этим правительством внутренних займов, прежде всего — «Займа Свободы», А. И. Буковецкий объяснял тем, что оно «непопулярно ни в правых, ни в левых кругах»[III]. В 1917 г., сравнительно с 1916-м, доля расходов, покрываемых внешними займами, возросла с 24,8 до 31,3%[IV]. Казалось бы, что хотя бы в этой сфере Временное правительство превзошло царское. Действительно, к ноябрю 1917 г. военные долги России союзникам составляли 7223 млн руб. (по довоенному курсу), из них 5189 млн задолжало царское правительство и 2034 млн — Временное. С июля 1914 по октябрь 1917 г. от Англии Россия получила 70,6% займов, от Франции — 18,5, от США — 6,4, от Японии 3,2 и от Италии — 1,3%[V]. Однако английское правительство не только отказалось от подписания финансового соглашения с Временным правительством на основании Меморандума 25 января (7 февраля) 1917 г., но с 1 апреля вообще прекратило предоставление ему ежемесячных кредитов[VI]. Поведение англичан объяснялось тем, что Временное правительство потеряло их доверие менее чем через месяц после своего образования.

В декларации Временного правительства от 27 марта 1917 г., содержавшей указание на то, что целью России в войне не является «насильственный захват чужих территорий»[VII], Лондон увидел готовность партнера заключить «мир без аннексий». Между тем, телеграфировал временный поверенный России в Англии К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову, «ни Англия, ни Франция, ни Италия не могут принять этого принципа и отказаться от сохранения за собой

[I] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика... С. 17.
[II] История Министерства финансов России. С. 206.
[III] Доклад А. И. Буковецкого о состоянии финансов на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов. 19 октября 1917 г. // Экономическое положение России... Ч. 2. С. 380.
[IV] *Шмелев К. Ф.* Финансовая политика... С. 17.
[V] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 225.
[VI] Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства... С. 547.
[VII] Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 444–445.

земель, уже завоеванных, или тех, которые они хотят оставить за собой по мирному договору»[I]. Из-за прекращения кредитования Англией Временного правительства вся русская наличность английской валюты к началу июля была полностью исчерпана[II]. Те 187 млн долл., которые предоставили Временному правительству США, не могли компенсировать образовавшейся бреши[III]. В результате, по линии внешних займов, с марта по октябрь 1917 г. Временное правительство получило на 1 млрд руб. меньше, чем царское правительство за тот же период 1916 г.[IV], так что и здесь новые правители России доказали свою несостоятельность. Последствием роста внутренних и внешних займов Временного правительства явился рост государственного долга: если к 1 января 1917 г. он составлял 33 581 млн руб., то к 1 июля 1917 — 43 906 млн, а к 1 января 1918 (по расчетам специалистов) должен был составить 60 млрд[V], почти в два раза больше, чем 1 января 1917! Таким образом, именно Февральская революция, а не предыдущая деятельность царского правительства, стала главной причиной полного финансового расстройства, в которое впала Россия под властью, а скорее — безвластием, Временного правительства, что публично признавали даже его деятели.

Н. В. Некрасов на заседании Государственного совещания 12 августа заявил совершенно недвусмысленно: «Граждане, сейчас чрезвычайно распространено мнение о том, что революция была тем фактором, который повлиял особенно пагубным образом на финансовое хозяйство России. И я скажу, что в этом утверждении есть доля истины. Объективный язык цифр говорит нам, что даже учитывая весь рост неблагоприятных обстоятельств, который накопился к моменту революции, учитывая все те неблагоприятные обстоятельства, которые сложились и которые произвели то, что в математике именуется возведением в степень, что все эти факторы не объясняют еще того финансово-

[I] Телеграмма К. Д. Набокова П. Н. Милюкову. 4 апреля 1917 г. // Экономическое положение России... Ч. 2. С. 475.
[II] Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства... С. 547.
[III] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 9.
[IV] *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 378.
[V] История Министерства финансов России. Т. 1. С. 206.

го бедствия, при котором мы присутствуем, если не учесть влияния революции и тех особых обстоятельств, которые были ею созданы. Деятели революции должны в этом отношении смотреть правде прямо в глаза»[I]. Однажды А. И. Шингарев, являвшийся в мае — июле 1917 г. министром финансов, обратился к П. Л. Барку с вопросом: «Что делать?» Маститый финансист ответил, что «пока будут заниматься спасением революции вместо того, чтобы спасать Россию, никакие меры не приведут к ограждению нашего рубля от падения» (см. Приложение 34).

Впрочем, Временное правительство не слишком ценило П. Л. Барка, который, как и другие назначенные члены Государственного совета, 5 мая 1917 г. был оставлен за штатом. Между тем правоту П. Л. Барка подтвердил тот же Н. В. Некрасов, открыто признавший 12 августа, намекая на разорительность начавшегося после падения монархии социального экспериментаторства, что «расходование средств, которое было до сих пор, нам не по карману». «Мне нечего говорить вам, — обращался он к участникам Государственного совещания, — что такого рода расходы Государственное казначейство выдержать не может и что им должен быть положен предел»[II]. Понимая, что революция со всеми ее утопическими экспериментами, да еще в период войны, была, особенно для России, слишком дорогим удовольствием, деятели Временного правительства, однако, предпочитали не воплощать этого понимания в дела.

Летом 1917 г. П. Л. Барк выехал с семьей в Крым, в Керчь, где его застала Октябрьская революция, окончательно поставившая крест на бюрократической карьере экс-министра — 14 декабря 1917 г. он был уволен со службы вместе с остальными назначенными членами Государственного совета. А. Н. Наумов, общавшийся с П. Л. Барком во второй половине 1918 г. в Ялте, вспоминал: «Несмотря на все ужасы пережитого, Петр Львович казался по-прежнему ровно-спокойным человеком, не терявшим, видимо, надежды на лучшее будущее и на собственные свои силы. Меж тем положение его было тогда не из легких — Барк лишился всего и сильно бедствовал»[III]. Очевидно, не от хорошей жизни с ноября 1918 по апрель 1919 г. он являлся фи-

[I] Доклад министра финансов Н. В. Некрасова... С. 412.
[II] Там же. С. 413, 415.
[III] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний... Т. 2. С. 367.

нансовым консультантом Крымского краевого правительства, возглавлявшегося С. С. Крымом. Летом 1919 г. П. Л. Барк выезжал в Париж, где просил французское правительство оказать моральную и финансовую поддержку «белым» правительствам России[I]. В 1920 г. он переживал ситуацию дежавю, поскольку в апреле этого года главой Правительства Юга России при генерале бароне П. Н. Врангеле стал А. В. Кривошеин, который пригласил П. Л. Барка в Финансово-экономическое совещание при генерале и намеревался провести давнего соратника в министры финансов[II]. Пока же, в октябре 1920 г., П. Н. Врангель командировал П. Л. Барка в Париж и Лондон для ведения переговоров о финансовой помощи, но в ноябре, в связи с приближением «красных», его семья приехала к нему в Париж, откуда Барки перебрались в Лондон.

В Англии Петр Львович сделал не менее блистательную карьеру, чем в России, благодаря не только профессиональной незаменимости, но и начавшейся еще во время его поездок за границу в 1915–1916 гг. дружбе с Монтегю Норманом (1871–1950), который как раз в 1920 г. стал управлять Английским банком. М. Норман назначил П. Л. Барка своим советником по восточноевропейским делам и в административные советы аффилиаций этого банка — Англо-Австрийского, Англо-Чехословацкого, Хорватского, Британского и Венгерского банков и Банка стран Центральной Европы. П. Л. Барк представлял также управляющего Английским банком в National City Bank и, главное, являлся директором-распорядителем Английского международного банка, располагавшегося на фешенебельной Ломбард-стрит. П. Л. Барк-эмигрант характеризовался А. Н. Наумовым, относившим его к категории «счастливых беженцев», как «человек, сумевший восстановить почти полностью условия своей былой профессиональной деятельности, материальную обеспеченность и видное положение в обществе»[III]. Подразумевая 1930-е гг., И. И. Колышко с завистью писал: «Г. Барк ныне персона грата в Англии»[IV]. Среди англичан он получил известность как «A great Anglo-Russian».

[I] *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика... С. 49–50.
[II] *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: в 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 659, 663.
[III] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний... Т. 2. С. 367–368.
[IV] *Колышко И. И.* Великий распад. С. 269.

Репутация, приобретенная П. Л. Барком в Англии, объяснялась тем, что в ней он продолжал оставаться русским, пекущимся об интересах России и тех, кто воплощал в его глазах покинутую родину. В мае 1921 г. П. Л. Барк выступил на Общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже с докладом «Привлечение иностранного капитала для хозяйственного восстановления России»[I]. В июне 1921 г. на Рейхенгалльском монархическом съезде его избрали в состав Центрального комитета Комиссии промышленного восстановления России. В январе 1922 г. П. Л. Барк вошел в Совет созданного в Париже по инициативе В. Н. Коковцова Объединения деятелей русского финансового ведомства и позднее руководил Лондонским отделением этой организации. В 1920-е гг. П. Л. Барк был близок к политическому окружению «национального вождя» эмиграции — великого князя Николая Николаевича и 2 июня 1927 г. в Шуаньи участвовал в совещании под его председательством[II]. В первой половине 1930-х гг. П. Л. Барк носил звание члена Государева совещания при императоре в изгнании Кирилле Владимировиче[III], хотя это звание имело чисто почетный характер.

В самой Англии П. Л. Барк был поверенным короля Георга V по части ведения финансовых и имущественных дел вдовствующей императрицы Марии Федоровны, являвшейся родной тетей короля, и ее дочерей — великих княгинь Ксении Александровны и Ольги Александровны[IV]. В 1929 г. за заслуги перед его родственниками, а значит — и перед ним, Георг V наградил П. Л. Барка Большим Крестом ордена Виктории и хотел дать ему титул баронета, однако для этого требовалось принять английское подданство, чего П. Л. Барк избегал до марта 1935 г., когда король и возвел его в баронеты, причем новоявленный рыцарь сохранил православную веру.

[I] *Барк П. Л.* Привлечение иностранного капитала для хозяйственного восстановления России. Париж, 1921.

[II] Заседание у Его императорского высочества великого князя Николая Николаевича. 2 июня 1927 г. Шуаньи // Российский зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М., 2006. С. 728–736.

[III] *Граф Г. К.* На службе Императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004. С. 277.

[IV] См. об этом: *Clarke W.* The Lost Fortune of the Tsars. London, 1995. P. 144,145, 203, 204, 261, 262, 264–266.

Именно в середине 1930-х гг. П. Л. Барк надиктовывал по-английски свои воспоминания[I], хотя первый подступ к ним он сделал еще в 1922 г., после прочтения тогда еще не опубликованных «Тяжелых дней» А. Н. Яхонтова[II] (см. Приложения 32 и 33).

П. Л. Барк, исполненный олимпийского спокойствия, — едва ли не самый объективный мемуарист во всей российской эмигрантской мемуаристике, в чем можно убедиться уже с первых страниц его нарратива, посвященных личности Николая II, оклеветанного бестактными сановниками и политическими противниками и непонятого как современниками, так и потомками. П. Л. Барк является мемуаристом не обычным, но историзирующим — он пытается, используя опубликованные исторические источники, не только пересмотреть собственные взгляды на деятелей и события его времени, но и инициировать этот пересмотр у своих читателей. И в этом смысле воспоминания П. Л. Барка сродни историческому исследованию: они имеют концепцию царствования Николая II, основанную на тщатель-

[I] Воспоминания тестя перевел на русский язык Н. Д. Семенов-Тян-Шанский, который опубликовал их в издававшемся в Париже журнале «Возрождение». См.: *Барк П. Л.* Глава из воспоминаний // Возрождение. 1955. № 43. С. 6–27; *Он же.* Глава из воспоминаний. Период национального выздоровления // Там же. № 48. С. 68–75; *Он же.* Мартовские дни 17-го года // Там же. 1956. № 55. С. 26–35; *Он же.* Июльские дни 1914 г. Начало Великой войны. Из воспоминаний П. Л. Барка, последнего министра финансов Российского Императорского правительства // Там же. 1959. № 91. С. 17–45; *Он же.* Воспоминания последнего министра финансов Российского императорского правительства // Там же. 1965. № 157. С. 58–64; № 158. С. 76–89; № 159. С. 78–87; № 160. С. 87–94; № 161. С. 85–94; № 162. С. 89–103; № 163. С. 85–98; № 164. С. 77–90; № 165. С. 78–93; № 166. С. 84–97; № 167. С. 83–93; № 168. С. 86–95; 1966. № 169. С. 71–88; № 170. С. 96–106; № 172. С. 84–99; № 173. С. 96–109; № 174. С. 88–99; № 175. С. 65–78; № 176. С. 82–101; № 177. С. 98–111; № 178. С. 95–108; № 179. С. 98–111; № 180. С. 69–84; 1967. № 181. С. 71–82; № 182. С. 89–102; № 183. С. 94–104; № 184. С. 68–80. В настоящем издании воспоминания П. Л. Барка воспроизводятся по редакции «Возрождения» с тем отличием, что все приводимые им русскоязычные источники и цитаты, которые Н. Д. Семенов-Тян-Шанский перевел с английского, даются после сверки с их текстами, которые П. Л. Барк переводил на английский.

[II] Тяжелые дни... С. 5–136.

ном анализе и сопоставлении документов и используемую ее автором при интерпретации им каких-либо спорных сюжетов. Петр Львович скончался 16 января 1937 г., не успев завершить свои мемуары, которые только сейчас приходят в Россию.

С. В. Куликов

Воспоминания последнего министра финансов Российской империи

1914–1917

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петр Львович Барк был, несомненно, одним из выдающихся государственных деятелей России.

Привлеченный к конструктивной государственной работе еще П. А. Столыпиным, он в 1914 г., по просьбе Государя, сменил на посту министра финансов графа Коковцова. В специальном рескрипте ему была поставлена труднейшая задача борьбы с алкоголизмом, разрушавшим народное здоровье и благосостояние. Для проведения этого в жизнь требовалось полное изменение государственной росписи. С этой задачей П. Л. справился настолько, что с объявлением войны[1] удалось прекратить продажу водки, что способствовало большому порядку, с которым прошла мобилизация.

Во время войны Петру Львовичу пришлось вести трудные переговоры с нашими союзниками.

После Февральской революции он переселился на Юг России и затем во время белой борьбы прилагал все старания, чтобы добиться от союзников активной финансовой и военной помощи.

После эвакуации П. Л. поселился в Лондоне, где английские финансовые круги привлекли его к работе по восстановлению

[1] Подразумевается Первая мировая война 1914–1918 гг.

финансов и экономики Центральной и Южной Европы. Широта его взглядов и умение разбираться в причинах финансовых затруднений иностранных государств сделали его экспертом и советником, много способствовавшим улучшению положения Австрии, Венгрии и Балканских государств. Он ушел из жизни еще сравнительно молодым (68 лет), оплакиваемый всеми, кто его знал.

Вторая мировая война помешала изданию его «Воспоминаний». Они содержат очень интересные, основанные на документах, сведения о России до и во время войны [19]14-го г. и о причинах, как отдаленных, так и близких, приведших к падению великую империю, а также описание переговоров с союзниками.

Они написаны по-французски и по-английски, так как автор не имел времени писать их собственноручно, и поэтому ему пришлось их диктовать секретарше.

Будучи уверен, что русским людям интересно ознакомиться с этими воспоминаниями, я начал перевод их на русский язык.

Печатаемая здесь глава воспоминаний П. Л. Барка посвящена памяти покойного Государя[1].

Очень надеюсь, что русские люди, прочтя ее, окажут мне содействие в издании полностью этого ценного документа.

Н. Д. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

[1] См. главу I настоящего издания.

ГЛАВА I[1]

Император Николай II обладал совершенно исключительной привлекательностью. Его простота в обращении, мягкое выражение красивых глаз, добрая улыбка очаровывали всех, кому приходилось иметь постоянное общение с ним. Говорят, что глаза есть зеркало души. Выражение глаз Государя являлось частью его привлекательности, которую трудно выразить; вся его личность светилась ими, они были необычайно добрыми, глубокими; они привлекали всех, они обезоруживали даже его врагов.

Государь был большим христианином; у него была чистая и благородная душа. Он руководился Промыслом Божиим; его мысли и действия воодушевлялись верою. Он никогда не забывал Бога, он почитал церковь. Он не был ни ханжой, ни лицемером. Он верил глубоко и смиренно. Он высоко почитал религиозное смирение, которое было выражением его простой и чистой души.

[1] В журнале «Возрождение» данная глава печаталась под названием «Глава из воспоминаний».

Он чувствовал себя в руках Божиих, и это убеждение давало ему спокойствие и ясность, даже в минуты наиболее тревожные и мучительные.

Жизнь Государя была полна забот и огорчений: ужасное несчастье Ходынки во время коронации в Москве[I], война с Японией[II], революция 1905 г., плохое состояние здоровья императрицы, неизлечимая болезнь наследника престола[III]; потом целая серия поражений во время Великой войны[IV].

Он родился 6 (18) мая, в день святого Иова, и он верил, что его судьба должна быть похожа на судьбу его небесного покровителя.

Государь был очень скромен и прост. Это выражалось в его вкусах. Никакой аффектации, никакой позы ни в поступках, ни в движениях.

Он был полной противоположностью императора Вильгельма II.

Судить о сложном характере Государя по его дневнику, который был опубликован[V], — ошибочно. Государь

[I] Имеется в виду массовая гибель людей, произошедшая ранним утром 18 мая 1896 г. на Ходынском поле около Москвы во время раздачи собравшейся там толпе подарков в честь коронации Николая II. Подарки заключались в сайке (булке) и узелке, содержавшем колбасу, пряник, сласти, эмалированную кружку и программу увеселений. На Ходынском поле было запланировано проведение днем 18 мая народного праздника, однако народ начал собираться на поле с полудня 17 мая и уже к часу ночи 18 мая толпа насчитывала около 400–500 тыс. чел. К 5 часам утра над народной массой стоял густой пар, образованный человеческими испарениями (не только естественного, но и искусственного характера — многие пили спиртное) и мешавший различать даже на близком расстоянии отдельные лица. Именно перенасыщенность атмосферы испарениями привела к тому, что люди умирали по причине асфиксии, задыхаясь от недостатка воздуха и зловония. Во время начавшихся на исходе 6 часов утра двух раздач подарков пришедшая в движение толпа затаптывала умерших или ослабевших. В результате Ходынской катастрофы пострадали 2690 чел., из них погибли 1389. См.: Документы о Ходынской катастрофе 1896 г. // Красный архив. 1936. Т. 76. С. 31–48.

[II] Подразумевается Русско-японская война 1904–1905 гг.

[III] Наследник престола великий князь Алексей Николаевич болел гемофилией, т. е. несвертываемостью крови.

[IV] Речь идет об участии России в Первой мировой войне 1914–1918 гг.

[V] В распоряжении П. Л. Барка имелись отрывки дневника Николая II, опубликованные под заглавием: «Дневники императора Николая II. 1890–

был чрезвычайно сдержан, он отмечал некоторые события, но без комментариев, лишь для того, чтобы удержать их в своей памяти. Его письма к матери[I] и к жене[II] более выразительны, но все же отличаются сдержанностью и не выясняют его натуры.

Нужно было его знать, работать с ним, наблюдать его отношения к различным событиям, чтобы оценить величие его души и бесконечную доброту.

Он обладал недюжинным умом и получил прекрасное образование. Память у него была поразительна.

Будучи наследником, он с малых лет прошел обстоятельный курс наук под руководством лучших преподавателей в России. Его профессором по политической экономии, посвятившим его и в вопросы финансовые, был Бунге, человек выдающийся, — он в продолжение пяти лет был министром финансов. Профессором истории был Замысловский, профессором международного права — Капустин. Военные науки преподавали генерал Леер и Драгомиров; Бекетов — химию. Из числа его учителей, которые оказали на него наибольшее влияние, был, несомненно, Победоносцев, профессор гражданского и политического права. Победоносцев был прокурором Святейшего Синода в царствование императоров Александра III и Николая II. Он был убежденным и крайним консерватором и благодаря сильному характеру имел большое влияние на обоих императоров[III].

1906 гг.» (Берлин, 1923), а также дневник императора с декабря 1916 по июль 1918 г., опубликованный в СССР (Красный архив. 1927. Т. 20. С. 123–152; Т. 21. С. 79–96; Т. 22. С. 71–91; 1928. Т. 27. С. 110–138).

[I] См.: Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 153–209; Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. 1932. Т. 50–51. С. 161–193.

[II] Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. Т. 3–5. М.; Пг.; Л., 1923–1927. В дальнейшем используются ссылки на последнее полное переиздание этой публикации (Переписка Николая и Александры, 1914–1917 / [сост. А. А. Сергеев]. М., 2013). Письма Николая II к Марии Федоровне и Александре Федоровне могли быть доступны П. Л. Барку и из следующего издания: Archives secretes de l'Empereur Nicolas II / traduit du russe et annote par V. Lazarevski. Paris, 1928.

[III] П. Л. Барк явно преувеличивает, впрочем — подобно многим современникам и позднейшим исследователям, консервативное влияние К. П. Победоносцева как на Александра III, так и на Николая II. Для фор-

Интересно знать обстановку, в которой наследник престола проводил свою юность. Эпоха крупнейших реформ императора Александра II, период громадного значения в истории России, уже прошла. Вся структура народной жизни была изменена либеральными законами. На разумные реформы интеллигенция ответила террором и убийством императора Александра II — самого либерального из русских государей. Тринадцатилетнее царствование императора Александра III было хотя и миролюбивым, но чрезвычайно реакционным.

В 1891 г. наследник закончил свое образование и совершил большое путешествие[I]. Выбор маршрута отмечает новую ориентацию для России. Он ясно показывает, что Россия не только европейская держава, но что ее монарх должен также ознакомиться с Азией.

Первый этап этого путешествия — Вена, где наследника принимает старый император Франц-Иосиф и где чешская молодежь делает ему овацию, как представителю славянской державы. Затем он посещает Грецию и отправляется в Египет. Оттуда он попадает в Индию, где проводит два месяца. После Индии — Ява, Сиам, Сайгон, Кантон, Ханькоу, и, наконец, Япония. В этой стране произошел тяжелый инцидент. Японский фанатик ранил наследника саблей в голову. Принц Георг Греческий, сопровождавший наследника (он проходил стаж в российском флоте в качестве морского офицера), разоружил нападающего и предупредил вторую попытку нападения, которая могла бы быть роковой. Рана была значительная. Наследник потерял много крови, но сохранил полное хладнокровие и сам успокаивал свою свиту, которая была потрясена этим событием[I].

мирования политических взглядов Николая II огромное значение имело либеральное влияние, оказанное на него, помимо Н. Х. Бунге, воспитателем К. О. Хисом. Подробнее о них см.: *Степанов В. Л.* Самодержец на распутье: Николай II между К. П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 145–168; *Куликов С. В.* Англичане у царского трона в конце XIX — начале XX в.: К. О. Хис и У. Т. Стэд // Санкт-Петербург — Великобритания. XVIII–XXI вв. СПб., 2014. С. 169–198.

[I] Путешествие Николая Александровича на Восток началось 23 октября 1890 г., когда он отбыл из Гатчины, и закончилось 4 августа 1891 г., когда он вернулся домой. Во время путешествия он посетил Австро-Венгрию, Грецию, Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Сиам, Индокитай, Китай и Японию. Описание путешествия см.: *Ухтомский Э. Э.* Путешествие государя императора Николая II на Восток: в 2 т. М., 2010.

Из Японии наследник поехал во Владивосток и там заложил постройку Великого Сибирского пути — железной дороги, которая должна была соединить Москву с Дальним Востоком[II].

Последняя часть путешествия продолжалась два месяца. Это было возвращение через Сибирь, расстояние, которое после постройки железной дороги покрывается в 8–10 дней.

В 1889 г., когда наследнику цесаревичу минул 21 год, он был назначен членом Государственного совета, и когда он вернулся из своего путешествия, то начал принимать участие в заседаниях этой высокой палаты, а также и в заседаниях Комитета министров[III].

В 1892 г. он стал председателем Комитета по постройке Сибирского пути[IV].

Николай II, будучи наследником престола, глубоко сознавал свой долг по отношению к своему Отечеству. Он был проникнут чувством ответственности и не хотел, чтобы эта ответственность перекладывалась на другие плечи; она принадлежала ему, и он от нее не уклонялся.

Он верил в свой народ, главным образом в лице крестьян, и идеализировал его. Он жил для него. Он имел всегда перед собой цель, идеал, свою мечту. Его сотруд-

[I] Имеется в виду состоявшееся 29 апреля 1891 г. в г. Отсу покушение на Николая Александровича, совершенное полицейским Тсуда Санцо, который ударил наследника саблей по голове, не нанеся при этом существенных ранений.

[II] Официальная закладка, при личном участии Николая Александровича, Уссурийской железной дороги, как конечного участка Сибирской железной дороги, произошла 19 мая 1891 г.

[III] Николай Александрович был назначен членом Государственного совета и Комитета министров одновременно — 6 мая 1889 г., причем с этого момента регулярно посещал их заседания, за исключением периода путешествия на Восток.

[IV] Александр III назначил Николая Александровича председателем Комитета Сибирской железной дороги 14 января 1893 г.

ники, его министры были только исполнителями его предначертаний, проводимых ими в жизнь; они должны были помочь ему построить новую Россию, которая была бы способна удовлетворить и сделать счастливым простого крестьянина.

Но знал ли он Россию так же глубоко, как он ее любил? Как Победоносцев, как и многие его министры, император Николай II думал, что христианский идеал находится у простых, у крестьян. Недовольство, по его мнению, существовало только в тонкой прослойке интеллигенции. Император поэтому остерегался ее, но любил крестьянина, солдата. Простой верующий, смиренный, он чувствовал влечение к другим простым и смиренным.

Сознание своего долга перед Богом и Отечеством порождало в нем сомнение в правильности того решения, которое он принял в 1906 г., когда отказался от самодержавия и учредил Государственную думу[1].

Самодержавие было наследие, которое он получил от своих предков, и ему казалось, что он обязан передать своему сыну власть в той полноте, в которой сам ее получил. Согласившись на ее умаление, он испытывал угрызение совести. Эти сомнения, конечно, отзывались и на всей его последующей политике, которая страдала подчас неопределенностью. Он уступал по временам настояниям своих более либеральных советников, которые убеждали его в необходимости считаться с общественным мнением и с пожеланиями законодательных палат. Однако среди министров были и люди прежней школы, которые придерживались взглядов Победоносцева и считали учреждение Государственной думы большой ошибкой.

Императрица, со своей стороны, была ошибочно убеждена, что Государь сохранил свою самодержавную

[1] Создание Государственной думы, как законосовещательного органа, последовало согласно Манифесту 6 августа 1905 г., по Манифесту 17 октября 1905 г. она получила законодательные полномочия, в соответствии с чем Манифест 20 февраля 1906 г. провозгласил о пересмотре прежнего «Учреждения Государственной думы», которая была открыта 27 апреля 1906 г.

власть, несмотря на Государственную думу, не переставала твердить ему, что он хозяин земли Русской, что должен повелевать и что все его подданные должны быть только послушными исполнителями его повелений[1].

Сомнения Государя проистекали совсем не от отсутствия у него воли. Государь не был слабым, как многие думали.

Громадное бремя, которое легло на его плечи, его молодость, прошедшая под влиянием императора Александра III, обладавшего железной волей, воспитание и некоторые естественные склонности содействовали выработке характера Николая II, который мог казаться слабым только тем, кто недостаточно его знал. Он умел выслушивать мнения, которые он не разделял. Он не любил пускаться в споры. Как источник в горах, который обходит препятствия и, несмотря на них, прокладывает себе дорогу в долину, так и он выслушивал противоположные мнения, не оспаривал их, но проходил мимо.

Пассивное мужество, необходимое терпение — качества специфически русские — были сильно развиты у Государя. Решения категорические и поспешные не соответствовали его натуре. Он отлично отдавал себе отчет в сложности государственных вопросов, он видел все за и все против и не принимал решения легкомысленно.

[1] П. Л. Барк не учитывает идейную эволюцию, которую претерпела Александра Федоровна, имевшая первоначально, по свидетельству состоявшего при ней с 1896 по 1912 г., а потому — хорошо ее знавшего, графа В. А. Гендрикова, «либеральные», «чисто конституционные взгляды» (Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. М.; Л., 1924–1927. Т. 1. Л., 1925. С. 396). В декабре 1894 г. чиновник МИД граф В. Н. Ламздорф знал про «либеральное влияние» молодой царицы, «весьма склонной к парламентскому режиму» (*Ламздорф В. Н.* Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 97). Только впоследствии, находясь под впечатлением от революционности I и II Государственных дум и от инициирования III Государственной думой кампании по дискредитации Г. Е. Распутина, Александра Федоровна заметно поправела, хотя вплоть до 1917 г. была противницей лишь установления парламентского режима, а не лишения нижней палаты законодательных полномочий.

Между тем, если убеждение у него сложилось и созрело, он приводил собственные планы, несмотря на оппозицию своих сотрудников. Он, несомненно, сознавал всю опасность такого шага, но мысль о том не остановила его отъезда в Ставку[1].

Мне сильно врезалось в память одно замечание, которое Государь сделал во время одного из моих докладов. Я говорил ему, что в военное время, когда министру финансов приходится изыскивать новые источники доходов для покрытия все возрастающих издержек, появляется множество непрошеных советников, предлагающих самые фантастические проекты новых доходов. Я пояснил, что мне трудно бывает отказывать в личном приеме разным видным деятелям, не имеющим никакого понятия о финансах, но с большим апломбом и такой же наивностью излагающим мне свои проекты. Я сказал Государю, что очень внимательно и терпеливо выслушиваю таких советчиков, но не говорю им своего мнения, а поступаю по-своему. Государь улыбнулся и сказал: «Вы совершенно правы, я поступаю так же».

Государь не держал себя как самодержец. Напротив, он действовал всегда чрезвычайно деликатно. Ему было всегда неприятно высказывать свое неудовольствие. Если ему приходилось это делать, то он предпочитал действовать через посредника. Если ему нужно было уволить министра, он сообщал об увольнении письменно.

Государь был всегда очень сдержанным. Можно было подумать, что ничего его не трогало, что он был флегматичным и безразличным. Но это только казалось. На самом деле многие обстоятельства задевали, возмущали и сердили его. Но он имел силу сохранять как бы маску спокойствия и безразличия. Можно было заметить только особый блеск в его взгляде, который делался далеким и, казалось, уходил в бесконечность.

[1] Подразумеваются события августа 1915 г., когда, вопреки мнению своего ближайшего родственного и делового окружения, Николай II тем не менее уехал в Ставку Верховного главнокомандующего, где заместил собой прежнего Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, назначив его кавказским наместником.

Только с опубликованием писем Николая II к императрице характер Государя открылся публике. В письме от 12 июня 1915 г. он пишет: «Да, моя родная, я начинаю ощущать свое старое сердце. Первый раз это было в августе прошлого года после Самсоновской катастрофы, и теперь опять»[1].

Только чрезвычайное самообладание позволило Государю переносить заключение в Тобольске и в Екатеринбурге с таким достоинством и спокойствием.

Сила его характера и глубокое понимание долга облегчали Государю чтение многочисленных документов и донесений, которые ему были адресованы. Он никогда не шел отдыхать, пока не ознакомится с ними и не поставит своих резолюций на всех бумагах, накопившихся за день на его столе.

Несмотря на большое самообладание, Государь не мог пересилить окончательно своей прирожденной застенчивости. Она проявлялась всегда, когда ему приходилось выступать перед большой аудиторией, и он никогда не имел той легкости обращения, которая была присуща его отцу и матери — императору Александру III и императрице Марии Федоровне. Но зато у Государя была особая личная обаятельность, она побеждала всех тех, кто его знал.

Думаю, что его застенчивость была отчасти последствием той обособленности, в которой жила царская семья.

На протяжении истории императоры России были в постоянных и близких сношениях со своими сотрудниками, и в особенности с лицами своей свиты. Они также хорошо знали офицеров гвардии. Многие лица приглашались к обеду, и после трапезы государи вели оживленные разговоры с приглашенными.

С восшествием на престол Александра III привычки Двора изменились. Император думал, что многочислен-

[1] Николай II — Александре Федоровне. 12 июня 1915 г. // Переписка Николая и Александры. С. 171. Царь имел в виду гибель 2-й армии генерала А. В. Самсонова, которая стала результатом сражения, происходившего с 13 по 17 августа 1914 г. под Танненбергом (Восточная Пруссия).

ные лица, окружающие трон, были во власти личных амбиций, которые толкали их на всякие интриги, могущие иметь нежелательное влияние на политику. Желая освободиться от этой атмосферы, император Александр III оставил столицу и поселился в Гатчине. Все же он сохранил около себя круг интимных друзей, имевших привилегию говорить непринужденно со своим Государем.

У императора Николая II никогда не было ни малейшей интимности со своим окружением, а императрица не допускала даже мысли приблизить к себе кого-либо.

Оттого император знакомился со своими министрами только после их назначения. Среда, из которой выходили они, ему была незнакома. Он избегал сближения со своими сотрудниками, министрами и государственными людьми, но был круг, который Государь любил и в котором он себя чувствовал совершенно свободно, — это была армия. Он был, прежде всего, военным. Любовь к армии и простому солдату он унаследовал от отца.

Совершеннолетие императора Николая II было провозглашено, когда ему исполнилось 16 лет, 6 (18) мая 1884 г.; он принес тогда присягу, и ему было разрешено носить форму одного казачьего полка[I]. Служил он в течение нескольких лет в пехоте, затем в кавалерии, потом во флоте, и он также командовал артиллерийской батареей[II]. Никто из российских императоров не обладал такими исключительными познаниями в военном и морском деле, как Николай II.

[I] Видимо, подразумевается, что 2 марта 1881 г. Николай Александрович был объявлен не только наследником-цесаревичем, но и атаманом всех казачьих войск.

[II] Вступив на действительную военную службу 6 мая 1884 г., Николай Александрович проходил ее в лейб-гвардии Преображенском полку, где с 12 августа 1888 г. командовал ротой Его величества. С 1 мая по 11 августа 1890 г. он командовал эскадроном лейб-гвардии Гусарского полка, затем находился в длительном плавании во время путешествия на Восток. С 29 апреля по 12 августа 1892 г. наследник служил в 1-й Его величества батарее Гвардейской конноартиллерийской бригады, наконец, 2 января 1893 г. он, в чине полковника, полученном 6 августа 1892 г., был назначен командиром 1-го батальона Преображенского полка, на должности которого Николая Александровича и застало восшествие на престол.

Ему было легко находить подходящие слова в разговоре с солдатами, и он сделал очень многое, чтобы улучшить их положение.

Он любил также полковую жизнь и офицерское товарищество. Он охотно присутствовал на полковых праздниках, и за офицерским столом он забывал обычную сдержанность. Он воодушевлялся в разговорах и входил в интересы и желания офицеров. С начала своего царствования он увеличил жалованье и пенсии офицерам. Он часто из своих личных средств приходил на помощь офицерским семьям, особенно если это касалось образования детей.

Он принимал близко к сердцу благосостояние крестьянина. Крестьянский вопрос, по его мнению, был главным. Поэтому царь поддерживал Столыпина, когда последний начал проводить свою крестьянскую реформу 1906–1910 гг., дававшую крестьянину право покупать землю и выходить из общины.

В одном из своих писем, напечатанных в V томе «Красного архива», Государь пишет по поводу путешествия Столыпина и Кривошеина, министра земледелия[I], в Сибирь: «С удовольствием узнал о благополучном возвращении Вашем из интересной поездки по Сибири. Буду ожидать письменного доклада Вашего и Кривошеина по поводу всего виденного Вами и с предположениями относительно дальнейших мер по переселению. Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устроительство переселенцев в Сибири — вот два краеугольные вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах — о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову»[II].

Государь интересовался в особенности сооружением железных дорог в Сибири, необходимых для колонизации этой области.

[I] Строго говоря, А. В. Кривошеин занимал пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, равный по статусу министерскому посту.

[II] Переписка Н. Д. Романова и П. П. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 121–122.

Как я говорил выше, Государь, будучи еще наследником престола, состоял председателем Комитета для постройки Сибирской магистрали, которая должна была соединить Москву с Владивостоком. Позже он интересовался также постройкой железной дороги, которая соединила бы Сибирь с Туркестаном и Закаспийской областью.

Когда Государь запретил продажу водки в 1914 г., он это сделал, дабы улучшить благосостояние крестьянина. Если он выказал мне доверие, назначив меня министром финансов, это было потому, что он знал, что я разделяю его личное желание, которое у него было с давних пор, — положить предел злоупотреблению алкоголем.

Я объясняю также снисходительное отношение к Распутину со стороны Государя его симпатией к крестьянам.

Много легенд сложилось вокруг имени Распутина.

После опубликования корреспонденции между Государем и государыней императрицей, стенографических отчетов о допросах министров, генералов и крупных чинов Императорского двора Чрезвычайной комиссией Временного правительства в 1917 г.[I] («Падение царского режима»[II]), а также после появления такой книги, как «Трагическая участь императора Николая II и его семьи» П. Жильяра[III] можно ясно отдать себе отчет в том, насколько оказались лживыми нелепые рассказы о роли и влияния Распутина при Дворе.

[I] Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств была учреждена указом Временного правительства 5 марта 1917 г. и работала до Октябрьской революции. Подробнее о ее деятельности см.: *Варфоломеев Ю. В.* Закон и трепет: очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Саратов, 2006.

[II] См.: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. М.; Л., 1924–1927.

[III] Серия статей воспитателя наследника-цесаревича Алексея Николаевича П. Жильяра, публиковавшихся в журнале «Illustration» в декабре 1920 и январе 1921 г. и переделанных и дополненных автором, вошла в состав отдельной книги «Трагическая судьба Николая II и его семьи» (*Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et sa famille. Paris, 1921), в русском переводе получившей название «Император Николай II и его семья» (см.: *Жильяр П.* Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.). Вена, 1921). П. Л. Барк мог пользоваться и публикацией воспоминаний П. Жильяра в альманахе «Русская летопись» (1921. Кн. 1. С. 65–137).

Распутин был простым крестьянином, который после довольно распущенной жизни в молодости, в его родной Сибири, почувствовал влечение к религии. Он отправляется в паломничество и посещает святые места в Палестине. Когда он вернулся в Россию, два представителя высшей церковной иерархии в Санкт-Петербурге, архиепископ Феофан и [епископ] Гермоген, заинтересовались им и ввели в аристократическую среду[I].

Две великие княгини-черногорки — Анастасия Николаевна, жена великого князя Николая Николаевича[II], Верховного главнокомандующего во время войны[III], и великая княгиня Милица Николаевна, жена великого князя Петра Николаевича, — стали поклонницами Распутина и рекомендовали его императрице Александре Феодоровне как апостола, который был ей послан Богом[IV]. Когда же Распутин облегчил страдания наследника цесаревича, страдавшего гемофилией, императрица уверовала в духовную силу Распутина беспредельно.

Друг императрицы А. А. Вырубова стала тоже верной последовательницей Распутина. Постепенно он так завоевал императрицу и Вырубову, что обе они стали советоваться в вопросах, особенно им дорогих. Однако отсюда было еще очень далеко до того, чтобы считать Распутина хозяином Российской империи.

В течение трех лет я был во главе русских финансов, но не видал никаких признаков влияния Распутина на

[I] Г. Е. Распутин был введен в большой свет Петербурга в 1904 г.

[II] На момент знакомства с Г. Е. Распутиным Анастасия Николаевна являлась женой герцога Г. М. Лейхтенбергского, светлейшего князя Романовского, с которым развелась 10 ноября 1906 г. Супругой Николая Николаевича она стала 29 апреля 1907 г.

[III] Т. е. Первой мировой войны 1914–1918 гг.

[IV] Знакомство Николая II и Александры Федоровны с Г. Е. Распутиным произошло в ноябре 1905 г. в имении Лейхтенбергских «Сергиево», около Петергофа, в присутствии Анастасии и Милицы.

Государя касательно дел моего министерства. Никогда Государь не передавал мне ни одной просьбы с рекомендательным письмом Распутина.

Влияние Распутина не чувствовалось в Министерстве финансов, и прибавлю к этому, что я не обращал никакого внимания на письма, подписанные «Григорий», которые я иногда получал с просьбами тех или иных заинтересованных лиц[I].

Тот, кто не знал Императорской России, будет удивлен, узнав, что ни в какой так называемой демократической стране министры не бывают так доступны для лиц, желающих их увидеть лично, как это было у нас в России. Любое лицо могло обратиться к секретарю, дав ему свое имя, чтобы быть принятым министром в его приемный день. Никакой рекомендации не требовалось. Я принимал каждую пятницу после полудня, и обычно число желавших меня видеть было от 50 до 60 человек. Нужно еще прибавить, что я не делал обхода посетителей в приемной зале, а принимал каждого в отдельности в маленькой гостиной, смежной с моим рабочим кабинетом[II].

[I] В частности, 4 июня 1915 г. Г. Е. Распутин обратился к П. Л. Барку с письмом, которое содержало просьбу, инициированную камер-юнкером Ф. И. Ярошинским, чье имение Дворянский банк отказывался оценить выше полутора миллионов рублей, «о приеме его прекрасного благоустроенного имения в залог по акцизу. Стоимость этого имения, — писал старец, явно используя чужое перо, — определяется в несколько миллионов рублей. Дело его правое и затруднения чисто формальные, устранить которые в Твоей власти, о чем и усердно прошу Тебя». П. Л. Барк, однако, занял сторону подчиненного ему Дворянского банка и отказался удовлетворить прошение Г. Е. Распутина, направив его, как и документы, касавшиеся имения Ф. И. Ярошинского, в Канцелярию по принятию прошений, приносимых на высочайшее имя, т. е. в законном порядке, причем только 1 февраля 1916 г., через полгода после получения прошения старца (*Фурсенко А. А.* Концерн К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 266).

[II] Судя по всему, во время официального приема посетителей П. Л. Барк и встретился с Г. Е. Распутиным в мае 1915 г. «Наш Друг, — сообщала об этом императрица супругу, — виделся с Барком, и они хорошо поговорили в течение двух часов» (Александра Федоровна — Николаю II. 11 мая 1915 г. // Переписка Николая и Александры. С. 162).

Со времени отбытия Государя на фронт[1] императрица оставалась в Царском Селе, и напор Распутина стал сильнее: было много просителей, которые, прежде чем обращаться ко мне, заходили к Распутину и получали от него записки, подписанные «Григорий».

Любопытно было наблюдать поведение носителей этих писем, когда они проникали ко мне. Некоторые входили очень самоуверенно, убежденные, что письмо Распутина обеспечивает им успех. Другие передавали эти письма очень застенчиво, не зная, действительно ли ценен этот документ или же он скорее компрометирующий. Я поступал всегда одинаково. Я говорил просителю, что никакое рекомендательное письмо не требуется в Министерстве финансов; что министр может только действовать согласно законам и существующим постановлениям и что всякая просьба будет рассматриваться отдельно, по ее достоинству. Затем, передавая просьбы моему секретарю, я его просил сохранить у себя письма Распутина в особой папке, а самые просьбы посылать в соответствующее отделение министерства, не упоминая о рекомендациях. Такого рода процедура не вызывала никаких для меня неприятностей, и я могу утверждать, что влияние Распутина никогда не отражалось на финансах государства.

Я также убежден, что он никогда не влиял прямо на Государя. К сожалению, клевета, лишенная всяких оснований, распространялась даже в прессе. Говорили, например, что назначения на все высокие посты не делались иначе, как по желанию императрицы, якобы всецело зависевшей от Распутина. Выражение «царство Распутина» все больше распространялось. Все это, конечно, было вымыслом.

В труде, о котором я уже упоминал, — «Падение царского режима» (стенографические отчеты, касающиеся допросов министров, сановников, генералов и высших чинов Императорского двора Чрезвычайной комиссией Временного правительства 1917 г., напечатанные совет-

[1] В августе 1915 г., в связи с принятием на себя верховного главнокомандования.

ским правительством) есть сведения относительно министров, бывших в сношениях с Распутиным. Их было трое: министр внутренних дел Алексей Хвостов, председатель Совета министров Штюрмер и министр внутренних дел Протопопов. Другие министры, которые встречали Распутина, никогда не предпринимали никаких шагов, чтобы сблизиться с ним. Что касается назначения трех упомянутых министров, я могу утверждать с полной уверенностью, что совсем не рекомендации Распутина повлияли на выбор их Государем. В воспоминаниях графа Коковцова бывший председатель Совета министров объясняет детально, что после убийства Столыпина Государь имел намерение назначить министром внутренних дел Алексея Хвостова. Граф Коковцов находил, что этот выбор неудачен. Он написал длинное письмо Государю, прося его изменить свое намерение, и Его величество уступил просьбе Коковцова[I].

Следовательно, еще в 1911 г. Государь думал уже о Хвостове как о кандидате на пост министра внутренних дел. Он находил его умным, энергичным и думал, что он досконально знаком с администрацией провинции. Совершенно естественно, что в 1915 г. Государь опять вспомнил о нем, тем более что Хвостов был за это время выбран членом Государственной думы и что Государь был очень склонен искать кандидатов в министры из членов представительных учреждений[II].

Штюрмер принадлежал к правому крылу Государственного совета, был в хороших отношениях со своим товарищем по Государственному совету Горемыкиным и был рекомендован Государю Александром Танеевым, главноуправляющим Собственной Его величества канцелярией[III].

[I] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 417–424.

[II] О назначении А. Н. Хвостова см.: *Куликов С. В.* Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 64–81; № 3. С. 33–54; № 4. С. 34–55; 2016. № 1. С. 36–57.

[III] Собственная Его императорского величества канцелярия — высшее государственное учреждение, существовавшее с 1812 по 1917 г. В разные периоды своей истории неоднократно меняла структуру и компетенцию. При Николае II выполняла функции официального секретариата монарха (ее главноуправляющий составлял указы о назначениях и отставках министров, рескрипты и другие, исходившие от императора, документы) и ведала вопросами всей гражданской службы (чинопроизводство, награждения, инспектирование). О назначении Б. В. Штюрмера см.: *Куликов С. В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // Источник. Историк. История. Сборник научных работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 387–428.

Протопопов, член Государственной думы и ее вице-председатель, был неоднократно рекомендован Государю председателем Думы Родзянко[I].

Нужно согласиться, что эти три министра не были исключительно благородного характера. Они считали, что так как императрица остается в Царском Селе и так как она думает, что она должна соблюдать интересы династии, пока Государь на фронте, то им лучше сблизиться с Распутиным, под влиянием которого она находится. Может быть, такое рассуждение было и логичным, но их попытки поднять свой престиж, культивируя дружбу с Распутиным, не оправдались. Несмотря на эту дружбу, Хвостов и Штюрмер были в составе правительства всего только несколько месяцев, а назначение Протопопова незадолго до революции вызвало сильные протесты в самых разнообразных кругах. Все члены правительства пришли к одному заключению, что Протопопов должен уйти в отставку.

Я объясню в дальнейшем, каким образом произошли перемены в составе Кабинета министров в июне 1915 г.[II]

Кандидаты были выбраны Советом министров, и Государь их утвердил, несмотря на явную антипатию императрицы в отношении некоторых из них. Так, например,

[I] О назначении А. Д. Протопопова см.: *Куликов С. В.* Камарилья и IV Государственная дума: назначение товарища председателя нижней палаты А. Д. Протопопова управляющим МВД // Таврические чтения — 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: в 2 ч. СПб., 2015. Ч. 2. С. 107–132.

[II] Имеются в виду произошедшие в июне — июле 1915 г. увольнения министра внутренних дел Н. А. Маклакова, военного министра генерала В. А. Сухомлинова, обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера и министра юстиции И. Г. Щегловитова и назначение вместо них князя Н. Б. Щербатова, генерала А. А. Поливанова, А. А. Хвостова (дяди А. Н. Хвостова) и А. Д. Самарина.

она терпеть не могла генерала Поливанова и не любила князя Щербатова. Несмотря на это, они оба были назначены министрами.

Когда император уехал на фронт, императрица начала мнить себя охранительницей династии и думала, что Провидение предназначило ей следить за тем, чтобы только люди, заслуживающие доверие, занимали бы высокие должности в государстве. Она была не знакома со средой, из которой можно было выбирать кандидатов на высокие посты, и поддавалась желаниям людей, которые ей были близки, в особенности Вырубовой. Таким образом, некоторые честолюбцы и интриганы, желавшие быстро подняться по административной лестнице, старались пройти через черный ход.

Но, как я уже говорил выше, Государь, несмотря на настаивания Государыни, очень редко действовал по ее советам.

Что же касается портфеля министра финансов, интересно отметить, что уже в декабре 1915 г. императрица писала своему мужу, что меня надо убрать и назначить на мое место графа Татищева[I].

[I] В действительности, по рекомендации А. Н. Хвостова Александра Федоровна стала выдвигать председателя правления Соединенного банка в Москве графа В. С. Татищева еще в середине ноября 1915 г. «Знаешь ли ты графа Татищева (банковского) из Москвы? — спрашивала царица мужа 13 ноября 1915 г. — Я думаю, это сын или племянник старого генерал-адъютанта... Он приходил к Ане (Вырубовой. — *С. К.*) поговорить, — видит ясно ошибки, сделанные Барком, — вероятно, относительно займа и его фатальных последствий» (Александра Федоровна — Николаю II. 13 ноября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. С. 343). Через месяц Александра Федоровна снова обращала внимание супруга на кандидатуру В. С. Татищева. «Хвостов и многие другие благонамеренные люди, — сообщала она Николаю II 19 декабря 1915 г., — находят Барка не на высоте положения... Он сам не чувствует себя очень твердо на своем посту с тех пор, как подписал это письмо с другими министрами, которые с тех пор почти все вышли в отставку, — и поэтому старается более или менее поладить с партией Гучкова... Граф Татищев, которого я принимала, — знающий человек, знает и глубоко уважает нашего Друга и в отличных отношениях с Хвостовым — даже в родстве с ним, — человек очень преданный и желающий только блага тебе и России. Его имя на устах у многих. На него указывают, как на человека, способного спасти финансовое положение и исправить ошибки, сделанные Барком» (Александра Федоровна — Николаю II. 19 декабря 1915 г. // Там же. С. 421–422).

Несмотря на это, Государь не поддавался убеждениям императрицы[I] и я оставался на своем посту до революции, хотя, с своей стороны, я два раза просил у Государя освободить меня от моих обязанностей[II].

Мои коллеги знали, что многочисленные интриги велись против меня, и советовали с настойчивостью, чтобы я попросил аудиенции у императрицы и держал бы ее в курсе дел моего министерства. Я им всегда отвечал, что я вовсе не хочу во что бы то ни стало оставаться на посту и, во всяком случае, не желаю предпринимать шаги, чтобы удержать свой портфель. Я обязан держать Государя в курсе финансового положения его империи, но не императрицу. Разумеется, если бы императрица выразила бы желание меня увидеть, я буду готов дать ей все объяснения, которые она бы хотела.

Государыня проявила такую инициативу только один раз осенью 1916 г., т. е. ровно год после того, как Государь уехал на фронт[III]. Она запросила предварительно Государя, может ли она меня вызвать, чтобы поговорить со мною о том, как организовать и дать заработок по окончании войны многочисленным демобилизованным солдатам[IV]. Во время одного из разговоров с пред-

[I] Провал кандидатуры В. С. Татищева вызвал прилив уважения к П. Л. Барку со стороны Г. Е. Распутина, который говорил в своем кругу (сообщила С. П. Мельгунову 10 декабря 1915 г. В. А. Жуковская): «Барк — самый влиятельный человек» (*Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 268).

[II] П. Л. Барк подавал в отставку в августе 1915 и в декабре 1916 г.

[III] В действительности события, которые имеет в виду П. Л. Барк, происходили не осенью, а весной 1916 г.

[IV] «Н. П. (Саблин, флигель-адъютант. — *С. К.*), — писала Александра Федоровна Николаю II 26 апреля 1916 г., — сказал мне в разговоре о предложении (вероятно, какого-нибудь банкира (И. П. Мануса. — *С. К.*), но, по-моему, оно превосходно) сделать немного попозже внутренний заем на миллиард, на постройку железных дорог, в которых мы сильно нуждаемся. Он будет покрыт почти сразу, так как банкиры и купцы, страшно разбогатевшие теперь, сразу же дадут крупные суммы — ведь они понимают выгоду. Таким образом, найдется работа для наших запасных, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство — надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они бу-

седателем Совета министров Штюрмером она высказала желание поговорить со мной[I]. На другой день я был в Царском Селе и объяснил императрице, что между министром путей сообщения и мною достигнуто соглашение о постройке большой сети железных дорог, как только война будет закончена. Россия отстала в этом от-

дут рады работать. Пленные могут все начать. В связи с этим найдется масса мест для раненых офицеров — по линии, на станциях и т. д. Согласен ли ты с этим? Мы с тобой уже думали об этом, помнишь? Могу я переговорить об этом со Штюрмером, когда увижу его в следующий раз, чтобы разработать план, как бы это можно было сделать, а он может поговорить об этом с Барком?» (Александра Федоровна — Николаю II. 26 апреля 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 581). Идея выпуска объединенного железнодорожного займа принадлежала председателю правления Петроградского учетного и ссудного банка Я. И. Утину и председателю правления Петроградского международного коммерческого банка А. И. Вышнеградскому. Они составили проект выпуска этого займа и подробно разработали его финансовую сторону. Проект был обсужден и одобрен представителями крупнейших банков Петрограда и в декабре 1915 г. передан правительству. Министерство финансов целиком приняло предложение банков, но так как реализация займа задерживалась, то намеченная в 1915 г. сумма займа была увеличена с 200 до 350 млн руб. Журнал Комитета финансов от 29 августа 1916 г., посвященный выпуску объединенного железнодорожного займа, Николай II утвердил 19 сентября 1916 г. Заем был реализован весьма успешно при участии банков из 4,5% на 81 год. Подписка на заем производилась в конце сентября 1916 г. в 14 петербургских банках, 6 московских и одном провинциальном. В займе приняли участие 12 частных железнодорожных обществ, главные из которых — Московско-Виндаво-Рыбинское (83 млн руб.), Московско-Киевско-Воронежское (40 млн руб.), Черноморское (38,6 млн руб.) и др. Подробнее см.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 163–164.

[I] «Твою мысль снова произвести большой внутренний заем, о которой ты пишешь, — отвечал император супруге 27 апреля 1916 г., — я считаю удачной — поговори, пожалуйста, об этом с Штюрмером и даже с Барком. Я уверен, что последний будет чрезвычайно польщен и тронут, и в то же время он может указать тебе, как это делается и в чем заключаются трудности, если таковые имеются. Перед отъездом я приказал министрам выработать на много лет вперед обширный план постройки новых железных дорог, так что этот новый денежный заем как раз помог бы его осуществить» (Николай II — Александре Федоровне. 27 апреля 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 584). «Ну, — информировала царица мужа 2 мая 1916 г., — Штюрмер нашел мысль о железнодорожном займе удачной и чрезвычайно своевременной, так как все ропщут по поводу железных дорог и охотно дадут деньги. Он пришлет ко мне Барка к 5 часам» (Александра Федоровна — Николаю II. 2 мая 1916 г. // Там же. С. 592).

ношении от других стран Европы. Ее сеть железных дорог очень редкая, и военные операции лишний раз показали это. Постройка крупных железнодорожных линий поможет, кроме всего, применить демобилизованных людей[I].

После этой аудиенции я не видел больше императрицы в Царском Селе[II].

Иногда, когда я приезжал для очередного доклада в Ставку Верховного главнокомандующего[III], императрица была в Могилеве. После завтрака, на котором присутствовали министры, император с императрицей обходили приглашенных и беседовали с ними. Императрица никогда не обращалась ко мне.

[I] «В 4½ часа, — записано 2 мая 1916 г. в Камер-фурьерском журнале Александры Федоровны за 1916 г., — Ее величество принимала министра юстиции Хвостова и [затем] министра финансов Барк» (Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг. СПб., 2014. С. 466). Через месяц Николай II уведомлял императрицу: «Вчера я принял Барка; он разрабатывает интересующий тебя железнодорожный заем» (Николай II — Александре Федоровне. 2 июня 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 621).

[II] В действительности П. Л. Барк был у Александры Федоровны на аудиенции в Царском Селе не один, а два раза — в октябре 1915 (о чем он не упоминает) и в мае 1916 г. (о чем упоминает). Первая аудиенция произошла после состоявшейся 4 октября 1915 г. встречи царицы с Г. Е. Распутиным, который «просил меня тебе передать, — писала Александра Федоровна супругу, — что не ладно с новыми бумажными деньгами, простой народ не может понять, — у нас довольно чеканной монеты, — и это может повлечь к недоразумениям. Я думаю, следует сказать Хвостову, чтоб он поговорил с Барком об этом» (Александра Федоровна — Николаю II. 4 октября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. С. 329). Императрица подразумевала выпуск денег в виде марок с портретами правителей из династии Романовых. В письме от 7 октября, сообщив, что принимала в этот день П. Л. Барка «на ½ часа», Александра Федоровна информировала Николая II: «Я говорила с Барком о марках. Он также их не одобряет, хочет, чтобы японцы чеканили для нас монету, а также ввести бумажные деньги, вроде итальянской лиры, которая большого формата, — вместо этих крошечных марок. С ним было интересно говорить» (Александра Федоровна — Николаю II. 7 октября 1915 г. // Там же. С. 335).

[III] Ставка Верховного главнокомандующего — высший орган руководства армией и флотом на театре военных действий, являвшийся местопребыванием Верховного главнокомандующего. С июля 1914 по август 1915 г. располагалась в Барановичах, затем, до выхода России из Первой мировой войны, — в Могилеве.

Все эти факты показывают, что рекомендации и советы императрицы и Распутина не имели большого влияния на Государя. Те из его сотрудников, которые не были знакомы с Распутиным и не старались завоевать симпатии императрицы, не теряли, во всяком случае, доверия и уважения Государя.

Если было бы верным, что все несчастья России вызваны Распутиным, то его смерть (он был убит князем Юсуповым с сообщниками в декабре 1916 г.[I]) положила бы им конец.

Но причины, приведшие к революции, имели более глубокие корни. Революционное движение сильно развилось в период либеральных реформ Александра II. Однако тогда не существовало Распутиных. Между тем самый либеральный из русских монархов был убит революционерами. Позднее, во время войны с Японией, были восстания по всей империи, и первая революция разразилась в Москве. В это время тоже не было Распутиных, а все же наша так называемая интеллигенция старалась всячески произвести переворот. Не трудно разобрать, откуда приходили легенды о влиянии Распутина. Для всех элементов оппозиции, шедших в атаку на власть, Распутин был действительно находкой.

Они могли использовать влияние Распутина на императрицу, чтобы обвинить ее в измене; ее также обвиняли в симпатиях к Германии (чего никогда не было); распространяли слухи о ее желании (тоже вымышленном) заключить сепаратный мир с Центральными державами[II]. Визиты Распутина во дворец позволяли распространять самые грязные сплетни. Например, Вырубову называли любовницей Распутина. Распространялись и еще более мерзкие истории.

Я вспоминаю мои показания в Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством в марте 1917 г., с презренным намерением

[I] Убийство Г. Е. Распутина произошло в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г.

[II] Подразумеваются державы, являвшиеся противницами России в Первой мировой войне, — Германская империя, Австро-Венгрия, Болгария и Турецкая империя.

доказать преступления Императорской семьи и государственных деятелей старого режима. Прокурор мне задавал вопросы, имевшие целью выяснить вмешательство Распутина в государственные дела. Прокурор старался получить от меня указания, которые подтвердили бы слухи, ходившие о влиянии Распутина. Когда я разгадал намерения прокурора, я просил задавать мне вопросы вполне искренно и прямо, с тем, чтобы и я мог отвечать на них с полной откровенностью.

Один из вопросов, заданных мне прокурором, касался генерала Беляева, начальника Генерального штаба при Военном министерстве[I], которого я пригласил сопровождать меня в Лондон и Париж морем в 1916 г., чтобы принять участие в конференции с союзными правительствами[II]. Вначале я не понимал, что означали затуманенные вопросы, задаваемые мне. Когда я понял намерение прокурора, я его спросил прямо: «Вы, вероятно, думаете, что генерал Беляев был мне рекомендован Распутиным и что эта рекомендация помогла генералу стать военным министром?» «Да, вы правы», — ответил прокурор. Тогда я ему разъяснил, что генерал не был мне рекомендован Распутиным, я его знал раньше и считал

[I] Главное управление Генерального штаба (Генеральный штаб) — ключевое подразделение Военного министерства, учрежденное 21 июня 1905 г. и первоначально существовавшее как самостоятельное учреждение, подчиненное Совету государственной обороны и императору. С 1909 г. входило в состав Военного министерства. Имело целью разработку общих вопросов по государственной обороне и соображений по подготовке к войне, объединение и направление оперативных работ окружных штабов, сбор и обработку военно-статистических материалов и сведений о России и иностранных государствах и т. д. Упразднено 8 мая 1918 г.

[II] Имеется в виду проходившая в июне — июле 1916 г. в Париже и Лондоне третья финансовая конференция представителей Англии, России и Франции. «4–5 июня, — показывал М. А. Беляев, подразумевая 1916 г., — я получил от военного министра Шуваева телеграмму, присланную ему генералом Алексеевым. Генерал Алексеев писал, что по высочайшему повелению совместно с министром финансов командированы за границу начальник Генерального штаба генерал Беляев и генерал Михельсон». Согласно М. А. Беляеву, телеграмма гласила: «Вследствие доклада министра финансов, высочайше повелено...» (Допрос генерала М. А. Беляева. 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... М.; Л., 1925. Т. 2. С. 196, 199).

его одним из наиболее компетентных лиц из состава Военного министерства. Кроме того, прежде чем выбрать генерала Беляева, я запросил мнение о нем министра иностранных дел Сазонова, получавшего через Беляева сведения, интересовавшие союзников и касающиеся военных вопросов; я также посоветовался с великим князем Николаем Михайловичем. Последний не принимал активного участия в военных делах, но он был очень наблюдателен и имел всегда независимые взгляды.

Интересно отметить, что когда я сделал последние показания в Следственной комиссии осенью 1917 г., я задал уже сам несколько вопросов прокурору. Он был одним из наиболее видных членов московской прокуратуры и казался мне абсолютно беспристрастным[I]. Я ему сказал: «Вы меня допрашивали, позвольте теперь и мне задать вам несколько вопросов. Следственная комиссия работает уже несколько месяцев. Какие преступления членов Императорской фамилии и бывших министров она нашла?» Прокурор поступил, как джентльмен. Он мне ответил: «Временное правительство поручило нам выяснить преступные действия членов Императорской семьи и бывших министров, но оно будет разочаровано: и мы не нашли ничего»[II].

[I] Вероятно, речь идет о прокуроре Московского окружного суда Л. П. Олышеве, который, впрочем, являлся членом Чрезвычайной следственной комиссии в апреле — мае 1917 г. Не исключено также, что здесь П. Л. Барк подразумевает другого члена комиссии — А. Ф. Романова, ранее занимавшего должность прокурора Виленской судебной палаты, однако, в связи с войной, штат этой палаты находился в Москве (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 6).

[II] Как отмечал член президиума Чрезвычайной следственной комиссии А. Ф. Романов, в силу политической ангажированности ее руководителей, «наличность в деле хотя бы намеков на улики послужила бы основанием для привлечения в качестве обвиняемых всех бывших министров и других должностных лиц, а между тем набившие всем оскомину обвинения предъявлены не были, ибо не было даже намеков на улики, деятели же Временного правительства не дошли еще до упрощенной системы расправы, усвоенной большевиками». «С таким лакейским, хамским любопытством и торжеством, — писал далее А. Ф. Романов, — жаждали некоторые члены комиссии вывести пред всенародные очи предполагаемый ими позор царской семьи. Надежды их, однако, не оправдались». Подводя итоги работы комиссии, он утверждал, что «революционным деятелям эпохи Временного правительства не удалось не только осудить деятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желание и энергию, даже и обнаружить хотя бы намеки на те тяжкие преступления, которые приписывались ей так называемым общественным мнением и обманутым народом» (Там же. С. 11, 37).

Маленькие листовки самого низкого свойства вырастали, как грибы после дождя, в первые дни революции[I]. Одна такая газетка напечатала текст шифрованной депеши, подписанной «Аликс», которая будто бы была послана за границу. Она содержала секретные сведения для Германии, переданные через нейтральную страну. Керенский, первый министр юстиции Временного правительства и после председатель Совета министров, ознакомился с этой депешей и сам просил комиссию выяснить подробно это дело. После подробной анкеты было установлено, что такая депеша никогда не была послана и что, более того, она была составлена телеграфисткой в обмен на коробку конфет, полученную ею от редактора маленькой газетки и по его указаниям. Что касается связи Вырубовой с Распутиным, то было установлено, что это всего лишь клевета[II].

Что касается министров, то комиссия нашла всего лишь одну неисправность у Хвостова, министра внутренних дел, выбранного среди членов Думы[III]. Прокурор сказал мне, что Следственная комиссия находится в очень деликатном положении в отношении Временного правительства и его революционных последователей, ожидавших раскрытия необычайных преступлений, тогда как комиссия не нашла никаких данных для обвинения представителей старого режима.

Но я отвлекся от моего сюжета, вспоминая эпизоды, доказывающие, насколько противники царской власти желали преувеличить влияние Распутина на Государя.

[I] Имеется в виду Февральская революция 1917 г.

[II] Об этом П. Л. Барк мог узнать из отчета члена Чрезвычайной следственной комиссии В. М. Руднева. См.: *Руднев В. М.* Правда о царской семье // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 54.

[III] А. Н. Хвостов обвинялся Чрезвычайной следственной комиссией в растрате, однако доказать его виновность однозначно комиссии не удалось.

Император Николай II был действительно миролюбцем. Первая конференция мира в Гааге в 1898 г. была созвана по его инициативе.

Привожу здесь обращение министра иностранных дел графа Муравьева 12 (24) августа 1898 г. к представителям России за границей:

«Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств...

В убеждении, что столь возвышенная цель соответствует существеннейшим потребностям и законным вожделениям всех держав, Императорское правительство полагает, что настоящее время весьма благоприятно для изыскания, путем международного обсуждения, наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений...

Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути.

Таким образом, по мере того, как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают предпоставленной правительствами цели. Нарушения экономического строя, вызываемые в значительной степени чрезмерностью вооружений, и постоянная опасность, которая заключается в огромном накоплении боевых средств, обращают вооруженный мир наших дней в подавляющее бремя, которое народы выносят все с бо́льшим трудом.

Очевидным поэтому представляется, что если бы такое положение продолжилось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которое стремятся избегнуть и пред ужасами которого заранее содрогается мысль человека.

Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастия — таков ныне высший долг всех государств.

Преисполненный этим чувством, Государь император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи.

С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренно стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждутся безопасность государств и преуспеяние народов»[I].

В 1904 г. император был сторонником мирного разрешения назревавшего конфликта между Россией и Японией. Идея войны была ему отвратительна. Увы, Япония потопила несколько русских военных судов в Тихом океане без предупреждения, не объявив еще войны, и столкновение стало неизбежным[II].

[I] Правительственное сообщение и циркуляр 12 (24) августа 1898 г. // Рыбаченок И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 г. в Гааге. М., 2005. С. 288–289.

[II] Под предлогом затягивания русским МИД переговоров по поводу раздела сфер влияния в Корее и Маньчжурии правительство Японии 24 января 1904 г. официально заявило о разрыве дипломатических отношений с Россией. В ночь с 26 на 27 января отряд японских миноносцев напал на Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, где находился дальневосточный наместник адмирал Е. И. Алексеев. «Вернувшись домой, — записал Николай II 26 января 1904 г., — получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем

В 1914 г. император сделал все, что от него зависело, чтобы избежать войны. Он не хотел давать приказа о мобилизации, когда все его сотрудники просили его об этом с настойчивостью. Потом, когда он согласился, то сейчас же дал приказ о приостановлении мобилизации в надежде избежать войны в последний час. Все же, несмотря на его нежелание, он был принужден объявить мобилизацию. Обстоятельства сложились против него, и от него потребовались действия, ему противные.

Во время войны[I] Государь был безупречно лоялен по отношению к союзникам, и даже эта лояльность иногда шла вразрез с военными интересами России. Такой случай был в начале войны, когда по настоянию французского правительства император дал приказ атаковать немцев в Восточной Пруссии, чтобы облегчить положение французов на Западном фронте[II]. Эта атака заставила немцев снять часть войск с французского фронта и сосредоточить их в Восточной Пруссии, что чрезвычайно помогло французам одержать победу на Марне[III]. Наступление немцев на Западном фронте было остановлено, но русские армии были принесены в жертву, и Гинденбург прославился своей победой под Танненбергом[IV].

рейде "Цесаревич", "Ретвизан" и "Палладу" и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь да будет нам в помощь!» (Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 787). Днем 27 января японская эскадра атаковала покидавшие рейд корейского порта Чемульпо крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», которые, выдержав неравный бой, были затоплены своими командами. Манифест «Об открытии военных действий против Японии» Николай II подписал 27 января 1904 г.

[I] Германия объявила войну России 19 июля 1914 г.

[II] Имеется в виду Восточно-Прусская операция, происходившая 4 августа–1 сентября 1914 г. и включавшая в себя три этапа: победу 1-й русской армии при Гумбиннене, поражение 2-й русской армии под Танненбергом и отступление 1-й армии из Восточной Пруссии к Среднему Неману.

[III] Во время Марнского сражения (на реке Марне), происходившего с 6 по 15 сентября 1914 г. (н. ст.), французская армия, отразив атаки германской армии, одержала победу над нею, остановив продвижение немцев к Парижу.

[IV] Сражение под Танненбергом происходило с 13 по 17 августа 1914 г.

Государь всегда энергично восставал против всяких попыток Центральных держав начинать переговоры о сепаратном мире с Россией. Два случая в особенности известны.

Во-первых, я вспоминаю, что во время одного моего посещения Ставки Верховного главнокомандующего граф Фредерикс, министр Двора, попросил меня прийти в его рабочий кабинет. Он мне сказал, что он получил письмо от гофмаршала Вильгельма II графа Эйленбурга, который был одним из его старых друзей. В этом письме граф Эйленбург напоминал графу Фредериксу, что они были в течение долгих лет преданными слугами своих императоров и поэтому их долг состоит в том, чтобы прекратить кровопролитие. Эйленбург писал, что настроение немецких властей, так же как и общественное мнение, расположено в пользу переговоров. Он просил графа Фредерикса во имя их дружбы воспользоваться своим влиянием на Государя, чтобы убедить его ознакомиться с немецкими предложениями. Фредерикс сказал мне, что он, как только получил это письмо, сделал доклад Государю и что Государь приказал ему не отвечать на это письмо[1].

Подобная же попытка была сделана княгиней Васильчиковой. Она долго жила в Вене и хорошо знала австрийский двор. Затем она осталась в Австрии во время войны. Власти этой страны дали ей возможность проехать в Германию и увидеть великого герцога Гессенского, брата императрицы Российской, и затем продолжать ее путешествие через нейтральные страны. Приехав в Петроград, она старалась добиться аудиенции у Государя, чтобы изложить ему свою миссию: она была уполномочена начать переговоры между Австрией и Россией. Аудиенция ей была отказана, и она получила приказа-

---

[1] Министр иностранных дел С. Д. Сазонов сообщил послу Франции Ж. М. Палеологу 14 декабря 1915 г., что упомянутое письмо министр Императорского двора граф В. Б. Фредерикс получил «три недели назад», т. е. 23 ноября, причем оно было привезено из Берлина «неизвестным эмиссаром» и послано «через одно из почтовых отделений Петрограда» (*Палеолог Ж. М.* Дневник посла. М., 2003. С. 415).

ние покинуть Петербург и удалиться в свои владения, где должна была оставаться до конца войны[I].

Императора обвиняли в колеблющейся политике в отношении Государственной думы и в том, что он своей постоянной нерешительностью умаляет свой собственный авторитет. Мне трудно согласиться с таким мнением. Насколько я могу судить, Государь не имел большого доверия к Думе и полагал, что депутаты, хотя и были выбраны народом, не были лучшими его представителями. Кроме того, ему казалось, что эти депутаты не имели достаточного опыта, чтобы ведать государственными делами. Он не хотел, чтобы административная машина переходила во время войны в такие неопытные руки. Несмотря на это, с начала войны ему казалось необходимым, чтобы его правительство работало в полном согласии с Думой. Дума была специально созвана в начале войны, дабы ознакомиться с правительственными распоряжениями[II]. Позднее во время войны ее созыв откладывался несколько раз, но никогда Государь не намеревался распускать палаты[III].

[I] В действительности М. А. Васильчикова была уполномочена вести переговоры о сепаратном мире с Россией не только Австро-Венгрии, но и Германии. Текст адресованной Николаю II записки М. А. Васильчиковой от 5 декабря 1915 г. см.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия 3: 1914–1917 гг. М.; Л., 1937. Т. 9. С. 589–593. Записку сопровождали два письма герцога Эрнста-Людвига Гессенского Николаю II и Александре Федоровне, датированные 22 ноября 1915 г. Текст первого из этих писем см.: Там же. С. 594. На заседании Совета министров 18 декабря 1915 г. министр внутренних дел А. Н. Хвостов сообщил, что, согласно полученным им высочайшим указаниям, он распорядился выслать М. А. Васильчикову в Черниговскую губернию с обязательством пребывать в имении ее сестры Милорадович. А. Н. Хвостов сообщил также, что у Васильчиковой был произведен обыск, обнаруживший в числе ее бумаг список лиц, которые, судя по сделанной на нем пометке Васильчиковой, могли быть полезны ей в России при осуществлении возложенных на нее поручений (Дневник Министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. // Красный архив. 1928. Т. 31. С. 50).

[II] В связи со вступлением России 19 июля 1914 г. в Первую мировую войну IV Государственная дума была созвана 26 июля на чрезвычайную однодневную сессию.

[III] Во время войны IV Государственная дума собиралась на 3-ю сессию — с 27 по 29 января 1915 г., 4-ю сессию — с 19 июля по 3 сентября 1915 г. и с 9 февраля по 20 июня 1916 г., на 5-ю сессию — с 1 ноября 1916 по 26 февраля 1917 г.

Несмотря на то что оппозиция росла в Думе, Государь не отчаивался в поддержании хороших отношений между палатами и правительством. Четыре министра, которые не нравились Думе, были заменены другими. Впоследствии, несмотря на полное доверие, которое Государь питал к Горемыкину, он решил его устранить только потому, что его взгляды вызывали негодование в Думе. Он был заменен Штюрмером, который получил определенные инструкции работать в полном согласии с Думой, провести бюджет через обе палаты и улучшить отношения между правительством и палатами[I]. Штюрмеру не удалось завоевать симпатий в Думе. Он был заменен Треповым, которому тоже было поручено поддерживать добрые отношения между палатами и правительством[II]. То же было поручено и последнему председателю Совета министров — князю Голицыну[III].

Хотя Государю и казалось невозможным ввести парламентский строй в России, он все же делал попытки привлечь в Кабинет министров не бюрократические элементы, а главным образом депутатов. Среди таких министров были Самарин, члены Государственного совета по выборам князь Щербатов и Наумов, члены Государственной думы Хвостов, Протопопов и Войновский-Кригер, инженер, бывший во главе железнодорожного общества[IV], — он был последним министром путей сообщения империи.

Протопопов возбуждал неудовольствие своих бывших коллег, которые сочли его изменником, так как он согласился сотрудничать с бюрократией. Они находили его не на высоте, и в этом они были правы. С другой стороны, Протопопов был вице-председателем Государственной думы, и председатель Думы Родзянко рекомендовал его несколько раз Государю как кандидата на

[I] И. Л. Горемыкин был заменен Б. В. Штюрмером 20 января 1916 г.

[II] А. Ф. Трепов заменил Б. В. Штюрмера 10 ноября 1916 г.

[III] Преемником А. Ф. Трепова князь Н. Д. Голицын стал 27 декабря 1916 г.

[IV] Э. Б. Войновский-Кригер (Кригер-Войновский) формально был назначен управляющим Министерством путей сообщения 28 декабря 1916 г. с должности товарища министра путей сообщения, на которую попал 15 апреля 1916 г. из управляющих Владикавказской железной дорогой.

министерские посты[I]. Он был одним из самых видных депутатов. Его выбрали главой депутации членов Государственного совета и Государственной думы, которая отправилась за границу летом 1916 г., чтобы установить контакт с нашими союзниками и сношения с политическими деятелями союзных стран[II]. Он был назначен министром внутренних дел по возвращении из этого путешествия[III].

Дума возобновила свою деятельность весной 1916 г.[IV], и Государь подчеркнул к ней свое особое внимание. Он отправился в Думу и присутствовал на молебне по случаю открытия сессии[V].

Следовательно, совершенно неправильно полагать, что Государь пренебрегал желаниями Думы, но требования этой палаты, добивавшейся изменений строя во время войны, не могли быть удовлетворены, и Государь совершенно определенно проявлял свою волю по этому вопросу.

Его отношения к представителям земства и городских учреждений были такими же[VI]. Когда он поехал на

[I] В июне 1916 г. М. В. Родзянко рекомендовал Николаю II назначить А. Д. Протопопова министром торговли и промышленности.

[II] Имеется в виду заграничная делегация законодательных учреждений Российской империи, которую А. Д. Протопопов возглавил по предложению М. В. Родзянко и по избранию IV Государственной думы. В апреле — июне 1916 г. делегация посетила нейтральные (Швецию и Норвегию) и союзные (Великобританию, Францию и Италию) страны.

[III] Назначение А. Д. Протопопова управляющим МВД последовало 16 сентября 1916 г.

[IV] На самом деле 4-я сессия IV Государственной думы была возобновлена 9 февраля и продолжалась до 20 июня 1916 г.

[V] О состоявшемся 9 февраля 1916 г. посещении Николаем II Таврического дворца, где заседала Государственная дума, см.: *Куликов С. В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 302–307; *Витенберг Б. М.* 9 февраля 1916 г.: Николай II в Государственной думе // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в. СПб.; Кишинев, 2001. С. 311–340.

[VI] Имеется в виду отношение Николая II к Всероссийским земскому и городскому союзам помощи больным и раненым воинам, которые возглавлялись главноуполномоченными: земского союза — князем Г. Е. Львовым, городского — М. В. Челноковым.

фронт, осенью 1915 г., он отказал в аудиенции князю Львову и Челнокову, которые хотели представить ему резолюции, выработанные на Съезде земств и городов в Москве[I]. Но в январе 1916 г. он принял Челнокова в Ставке и был с ним очень любезен[II].

По этому поводу Государь пишет своей жене: «За несколько минут до обеда я принял Челнокова наедине — он поднес мне теплый адрес от Москвы, в котором благодарит войска за хороший прием, оказанный делегации[, посланной для распределения подарков солдатам]»[III].

Насколько я мог понять Государя, в нем не было ничего самодержавно повелительного, но у него все же были старинные идеи, он считал себя главой своего на-

[I] На двух отдельных съездах Земского и Городского союзов, заседавших 7–9 сентября 1915 г. в Москве, были приняты антиправительственные резолюции, призывавшие к замене кабинета И. Л. Горемыкина «министерством общественного доверия». Довести содержание резолюций до сведения Николая II участники съездов поручили депутации, в которую от первого съезда вошли П. В. Каменский, Г. Е. Львов и С. Н. Маслов, а от второго — Н. И. Астров, П. П. Рябушинский и М. В. Челноков. Император отказался встретиться с депутацией, поручив 18 сентября управляющему МВД князю Н. Б. Щербатову передать ей, что «предоставляет Земскому союзу и Союзу городов действовать в пределах их прямого назначения помощи раненым и для нужд войны, но не вторгаться в политику, обходя правительство». Беседуя с Г. Е. Львовым и М. В. Челноковым 20 сентября, Н. Б. Щербатов уведомил лидеров оппозиции, что монарх, «высоко ценя труды и заслуги союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит, однако, возможным принять депутацию съездов по вопросам, не входящим в прямые задачи Земского и Городского союзов», поскольку считает «ненормальным вторжение в политику с обходом правительства», а потому приказал управляющему МВД встретиться с главноуполномоченными союзов, узнать пожелания съездов и доложить о них императору. Подробнее см.: *Куликов С. В.* Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений Земского и Городского союзов с царским правительством в 1915–1916 гг. // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 17–24.

[II] Николай II принял М. В. Челнокова 13 января 1916 г., когда царь отметил: «Обедало много важных людей — три начальника снабжений, князь Урусов, уполномоченный по беженцам и санитарной части Юго-Западного фронта, и Челноков — московский городской голова» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2: в 2 ч. М., 2013. Ч. 2. С. 204).

[III] Николай II — Александре Федоровне. 14 января 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 467.

рода или как бы крупным помещиком, зато никакая жертва не казалась ему крупной для блага своих подданных. Великая Российская империя казалась ему его вотчиной, частной собственностью. Министры действовали от его имени, как могли бы действовать служащие, приставленные к его персоне и обязанные выполнять его волю. Ему казалось, что Государственная дума затрудняет своими манифестациями и требованиями работу государственного аппарата так, как он ее понимал.

Иногда казалось, что Государь не делал разницы между ролью министров и служащих Императорского дома.

Когда летом 1915 г. некоторые министры подали Государю, через посредство председателя Совета министров, петицию о создании кабинета более однородного, Его величество был возмущен нашим поведением, которое казалось ему не лояльным по отношению к нашим коллегам[I]. Во время одного разговора, который он имел со мною, Государь сравнил Совет министров с полком и сказал, что дух корпорации и военная дисциплина должны царить среди министров.

Отношение Государя к России, которую он считал своей землей, фамильной вотчиной, проявляется в письмах, которыми он обменивался со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Феодоровной, во время первой революции 1905 г. Императрица Мария Феодоровна находилась тогда в Дании. Она очень тревожилась за участь своей семьи в России; находясь в большом волнении, она выказывала болезненную чувствительность ко всему, что относилось к революционному движению. В своих письмах она очень озабочена впечатлением, которое производят события в России на иностранных родственников Императорской семьи. Она опасается, что ее заграничные родные станут рассматривать революцию как некое унижение, скандал в семье; что беспорядки показывают повседневную русскую жизнь и, следовательно, домашнюю жизнь в очень неприглядном виде. Она хочет, чтобы были приняты чрезвычайные меры, дабы покончить с этим[I].

Эта манера смешивать государственные вопросы с семейными встречается также и у конституционных монархов, например, в Англии, где парламентский режим существует уже веками.

В этом отношении интересно прочесть, что пишет Андрэ Моруа в своей книге «Эдуард VII и его время»[II] относительно королевы Виктории. Она была одновременно королевой Англии, императрицей Индии и бабушкой, простой и методичной, беспокоящейся о болезнях живых, верная годовщинам мертвых — двойная роль, не казавшаяся ей более противоречивой, чем Клеопатре, царице Египта, — тройная роль женщины, монархини и богини. Она считала себя воплощением империи для своего народа и также для себя самой. Было ли это следствием поэтического красноречия Дизраэли, который приучил ее считать себя волшебницей. Когда она писала третьему лицу «королева удивлена, королева верит...», она верила в священное происхождение своей власти. Она не была удивлена, когда военный врач ей писал из Трансвааля, что коробка шоколада, присланная ею, останавливала пули буров[III]. Это очень трогательно. Ей было «досадно», когда Темза разливалась без ее разрешения, и требовала строгого расследования.

Император чувствовал себя исключительно счастливым в своей семье.

Пьер Жильяр, который был воспитателем царских детей в течение 13 лет, говорит, что Государь был иде-

[I] События, о которых пишет П. Л. Барк, происходили не летом, а в самом конце мая 1915 г. Высказанную 28 мая 1915 г. И. Л. Горемыкину коллективную просьбу П. Л. Барка, А. В. Кривошеина, С. В. Рухлова, С. Д. Сазонова и П. А. Харитонова либо уволить их в отставку, либо уволить Н. А. Маклакова, В. К. Саблера, В. А. Сухомлинова и И. Г. Щегловитова председатель Совета министров доложил Николаю II 30 мая (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. (Далее — Бумаги А. Н. Яхонтова). С. 176).

[I] Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 153–209.

[II] См.: *Maurois A.* Edward VII et son temps. Paris, 1933.

[III] Речь идет об эпизоде из истории англо-бурской войны 1899–1902 гг.

альным отцом. Он также был и образцовым мужем. Узы глубокой и искренней любви соединяли его с императрицей. Эти нежные супруги были также прекрасными родителями и интересовались прежде всего воспитанием своих детей. Прогулки с ними, чтение вслух русских классиков — было любимым времяпрепровождением Государя, и таким образом он любил отдыхать от государственных забот.

Эта потребность и любовь простой семейной жизни в скромной обстановке мешали Государю отдавать себе отчет, что ему было бы необходимо, как Государю большой империи, выходить из этого семейного уюта в некоторых случаях. Он мог бы, таким образом, создать более благоприятную атмосферу для блага России и укрепить свой престиж, как и свою династию.

Кривошеин, министр земледелия, рассказывал мне, что в начале 1915 г., когда наши войска побили австрийцев, заняли Галицию и взяли Львов и Перемышль[I], он старался убедить Государя приехать в Москву, старую столицу России, со всей своей семьей, помолиться и сделать несколько приемов в Кремле. Император обещал ему подумать, но никогда не привел этого проекта в исполнение.

Кривошеин, очень разочарованный, говорил мне, что слишком большая врожденная скромность мешала Государю стать великолепным монархом и препятствовала его славе. Он упускал, таким образом, возможность утверждать свою популярность в глазах своего народа.

Отношения Государя со своими сотрудниками и лицами, приставленными к нему по службе, отличались сдержанностью. Государь был всегда вежлив в отношении всех; я не думаю, чтобы он когда-либо был с кем-нибудь резок. Он, несомненно, испытывал искреннюю симпатию к некоторым лицам своего окружения, но я не думаю, чтобы он привязывался когда-либо глубоко к кому бы то ни было, за исключением членов своей семьи. Эта привычка еще увеличилась с годами, в особенности как следствие разочарований, которые Государь испытал в сношениях с некоторыми из своих близких сотрудников. Большая часть из них добивалась почестей и влияния, лично для себя. Они не стеснялись критиковать тех, кто им мешал, всячески преуменьшая их качества. Естественно, что зрелище этих дворцовых интриг должно было вызвать у Государя настоящее отвращение к людским слабостям.

[I] Русские войска заняли Восточную Галицию в ходе Галицийской битвы, продолжавшейся с 5 августа по 8 сентября 1914 г., г. Львов (Лемберг) — 21 августа 1914 г. Крепость Перемышль пала после многомесячной осады 9 марта 1915 г.

Я помню, один раз во время одного из моих докладов я сказал Государю, что я отдаю себе ясный отчет, что за 22 года его царствования он должен был испытать много разочарований в характерах людей, с которыми он бывал в контакте. Государь ответил мне утвердительно с грустной улыбкой, направив на меня глубокий взгляд своих чарующих глаз.

Его намеренная сдержанность, увеличивающаяся с годами, приводила к тому, что у Государя появились отчужденность и совершенное безразличие по отношению к отдельным людям. Эта особенность мешала, несмотря на его личный, очень сильный, шарм, созданию вокруг него группы преданнейших друзей, лояльных и верных.

Я был поражен этой чертой Государя летом 1914 г., когда во время одного моего доклада я сообщил ему, что один из его верных слуг, к которому Государь проявлял всегда много симпатии, скончался после недолгой болезни[I]. Я знал, что это лицо имело совершенно исключительные отношения с Государем, и я лично видел письма, которые ему были адресованы Его величеством с обращением «Мой дорогой друг» (по-русски это выражение гораздо более интимно, чем по-французски или по-английски)[II]. Государь не выказал никакого волнения

[I] Подразумевается князь В. П. Мещерский, который скончался 10 июля 1914 г.

[II] Судя по всему, П. Л. Барк имеет в виду письма Николая II к В. П. Мещерскому от 2 апреля, 14 и 26 мая, 16 августа, 20 октября и 26 ноября 1902 г. и 5 января 1903 г., два письма за декабрь 1903 и октябрь 1904 г., а также письма от 13 апреля, 6 и 29 мая, 8 июня, 17 июля и 8 сентября 1913 г., в которых император обращается к князю «любезный

и сохранил полное безразличие, узнав о смерти человека, который был ему дорог. Я замечал впоследствии неоднократно это безразличие в отношении сотрудников, которых он знал давно и в верности которых он не мог сомневаться.

Это безразличие по отношению не только к лицам, но также и к событиям может быть объяснено также другой чертой очень сложного характера Государя.

Как я уже говорил, он был очень верующим. Верил в судьбу и в предопределение. Он был убежден, что жизнь каждого из нас — так же, как события в жизни народов, — была определена Богом. Он думал, что каждый имеет свою судьбу и должен выполнить роль, предначертанную ему. В особенности монарх должен завершить задачу, предназначенную ему волею Всевышнего. Монарх не может освободиться от того, что Бог ему повелел выполнить. Такое представление о своих обязанностях сделало его фаталистом.

Он верил в неизменность судьбы, и эта вера способствовала его безразличию по отношению к людям и к событиям.

В начале войны[1], уступая просьбе своих министров, Государь не взял на себя верховного командования, но он все же часто выезжал на фронт для совещаний с Верховным главнокомандующим и чтобы посещать госпиталя, где он поддерживал своим обращением раненых и больных. Во время одного моего доклада в Царском Селе Государь, прощаясь со мной, сказал, что он меня не увидит на следующей неделе, так как он должен ехать на фронт. Я ему сказал, что он себя недостаточно бережет и что всех министров очень беспокоит то, что он подвергает себя опасностям во время своих поездок вдоль фронта. Государь посмотрел на меня с выражением упрека и ответил: «Вы действительно воображаете,

друг». В письме от 23 мая 1903 г. Николай II называет В. П. Мещерского «любезный и верный друг» (*Vinogradoff I.* Some Russian Imperial Letters to Prince V. P. Meshchersky (1839–1914) // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 130, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141).

[1] Речь идет о Первой мировой войне.

что я подвергаюсь большему риску, чем если бы я оставался здесь? Если Бог захочет, то, выходя из этой комнаты, черепица может упасть мне на голову и положить конец моей жизни».

Эта вера и эта покорность судьбе накладывали печать грусти, которая была в глубине души Государя, и это иногда проявлялось совершенно неожиданно. Я вспоминаю один эпизод, когда проявилась эта грусть. Это было в то время, когда казалось, что жизнь текла тихо и мирно, что небо было ясное, безоблачное, и когда еще ничего не предвещало трагических событий, начавшихся в 1914 г.

Весной 1914 г. Государь находился со своей семьей в Ливадии, в Крыму. 6 (19) мая, в день рождения Его величества, многие министры приглашались из Санкт-Петербурга в Ливадию: граф Фредерикс, главноуправляющий Собственной Его величества канцелярией Танеев, отец г-жи Вырубовой (которая позднее стала очень известной), министр земледелия Кривошеин и я. По прибытии в Крым я получил приказание сделать мой доклад накануне праздника Его величества, в Ливадийском дворце[1].

Я часто бывал в Крыму, но никогда раньше не видал императорской резиденции, так что я впервые попал во дворец, постройка которого была закончена после смерти императора Александра III.

Я сделал свой доклад в кабинете царя — большой комнате в первом этаже, с чудным видом на море и на горы. В то время как я говорил, вдруг лицо Государя прояснилось и глаза засветились: дверь в кабинет открылась и показался наследник цесаревич Алексей. Он остановился у входа в комнату в нерешительной позе и посмотрел на отца, потом подошел к нам и подал мне руку. Я встал при приближении наследника и смо-

[1] Согласно царскому дневнику, всеподданнейший доклад П. Л. Барка состоялся после дня рождения Николая II, 7 мая 1914 г., когда он записал: «Принял Горемыкина и затем Барка». Кроме того, 9 мая монарх отметил: «В 6 часов [вечера] у меня был Барк» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 28, 29).

трел на этого очаровательного ребенка. Когда он подал мне руку, я ее поцеловал. Наследник был немного сконфужен. Он оставался задумчивым несколько минут, потом медленно направился к двери и вышел.

Эта сцена произвела на меня сильное впечатление, и когда после моего доклада Государь пригласил меня подойти к окну, чтобы полюбоваться чудной панорамой, которая представилась моим глазам, я ему сказал: «Ваше величество, ведь это рай земной». Государь не отвечал мне сразу. Его глаза затуманились, как будто какое-то темное облако их омрачило. Затем он мне сказал с грустью: «Да, но только не для меня».

Этот неожиданный ответ меня поразил. Позже я вспоминал часто этот эпизод, и мне казалось, что царь, вероятно, думал о дне своего рождения, которое он справлял на следующий день — 6 (19) мая, день святого Иова. Он всегда был глубоко убежден, что его жизнь, так же как жизнь Иова, его покровителя, предназначена на испытание, вплоть до жертвенного конца. Злой рок как будто тяготел над ним.

Ни одно из его деяний, которые он предпринимал добросовестно и с наилучшими намерениями, не помешало его трагическому концу. Размышляя о его жизни, невольно вспоминаешь греческие трагедии, в которых герои, имевшие все добродетели, падают пораженные, преследуемые до конца неумолимой судьбой...

ГЛАВА II[I]

В течение царствования императора Николая II был период, когда судьба ему улыбалась. Раны от войны с Японией и внутренних восстаний зарубцевались. Происходил национальный подъем после этих потрясений. Россия подтянулась: ее живые силы начали себя проявлять, ее естественные богатства усиленно разрабатываться, наступала эра благосостояния. Манифест 17 (30) октября 1905 г. объявлял либеральные реформы[II], и пер-

[I] В «Возрождении» эта глава была опубликована под названием «Глава из воспоминаний. Период национального выздоровления», причем далее следовало краткое изложение ее содержания: «Празднование четырех исторических событий. — Двухсотлетие Полтавской битвы. — Прием крестьянских делегаций. — Смотр войск и обращение к войскам Государя. — Двухсотлетие завоевания Балтийских провинций. Прием Императорской семьи в Риге властями и населением. — Посещение клуба "Черноголовых". — Столетие Бородинского сражения. — Трехсотлетие царствования Дома Романовых. — Паломничество Царской семьи в колыбель Романовского дома. — Глубокое впечатление, произведенное на Государя этим паломничеством. — Его решение изменить систему винной монополии, которая разрушала крестьянское благосостояние».

[II] В Манифесте 17 октября 1905 г. Николай II предписывал Совету министров подготовить дарование населению политических свобод, наделение Государственной думы законодательными полномочия-

вый русский парламент, Государственная дума, была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 г. Начало конституционного режима было трудным. Дума была два раза распущена для изменения выборного закона[1]. Между тем нормальные отношения между правительством и палатами приблизительно установились, и много законов, имеющих важное значение для народной жизни, были изданы.

Нельзя не отметить громадный прогресс в области экономической и финансовой. Иностранцы, посещавшие Россию, поражались.

Я помню, как весной 1914 г. мой старый друг, Эдгар де Синсей, — французский инженер, который имел громадные интересы в угольной промышленности на Юге России и регулярно посещал нашу родину, зашел ко мне. Он мне заявил, что Россия развивается необычайно быстро и что ее преуспеяние стало в особенности внушительным со времени аграрной реформы Столыпина.

Министр земледелия Кривошеин тоже мне говорил, что эта реформа привлекла внимание иностранцев. Германское правительство послало в Россию многочисленную делегацию, составленную из выдающихся экспертов, чтобы сделать анкету о результатах этой реформы. Делегация представила в Берлине докладную записку, в которой, во-первых, расхваливались практические меры, принятые в России для улучшения крестьянского благосостояния, и затем она высказала опасения, что, если Россия будет продолжать развиваться так быстро, не будучи обеспокоена войной, она сделается опасным соседом для Германии. Было легко прочесть между строк предупреждение Берлина относительно

ми и расширение избирательного права. О подготовке Манифеста 17 октября см.: *Островский А. В., Сафонов М. М.* Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1981. Т. 12. С. 210–260.

[1] В силу революционности большей части их состава I и II Государственные думы были распущены 8 июля 1906 г. и 3 июня 1907 г. соответственно, причем последний роспуск сопровождался изданием нового избирательного закона, благодаря которому состав III и IV Государственных дум отличался большей лояльностью.

возможных последствий этой реформы для обновленной России.

Во время этого периода мирного развития Государь имел большое удовлетворение отпраздновать вместе со своим народом память четырех событий большого исторического значения.

Первое празднование было отмечено в 1909 г. — это двухсотлетие Полтавской битвы, 27 июля 1709 г. Петр Великий одержал решительную победу над Карлом XII. Начав войну со шведами в 1700 г., после девятилетней упорной войны, в которой победы и поражения чередовались, московский царь оказался окончательным победителем над шведской армией, под Полтавой.

Вражда еще продолжалась до 1721 г., когда был заключен Ништадтский мир, но превосходство России было уже закреплено в Полтаве в 1709 г.

Вторая дата отмечала двухсотлетие завоевания Балтийских провинций — тоже в царствование великого императора; — оно было отпраздновано в Ревеле в 1910 г.

Третий юбилей отмечал столетие Бородинского боя и праздновался в 1912 г.

В следующем 1913 г. праздновалось трехсотлетие Дома Романовых.

Двухсотлетие Полтавы праздновалось без большой помпы[1]. Государь приехал один, без своей семьи, и был встречен полками — Преображенским, Семеновским и Ингерманландским — они были в полном составе. Эти полки были сформированы Петром Великим и принимали участие в Полтавской битве. Государь возложил венок на могилу Келина, который был комендантом Полтавы, посетил кустарную выставку земства и был затем принят дворянством. После этого приема он посетил лагерь крестьянской делегации, а вечером он присутствовал на панихиде по Петру Великому и павшим в Полтавской битве воинам.

[1] Официальные торжества по случаю 200-летия Полтавской битвы происходили 26 и 27 июня в Полтаве и на поле этой битвы (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 395–396).

Посещение Государем крестьянских делегаций, приехавших из всех деревень Полтавской губернии, было событием наибольшей важности в этот день. Государь оставался более трех часов с крестьянами и расспрашивал об их делах, работе, семьях. У Государя было специальное умение говорить с простыми людьми. Выражение его глаз, полных доброты, и его очаровательная улыбка поощряли крестьян говорить о своих нуждах с полной откровенностью, без стеснения. Это посещение произвело глубокое впечатление на крестьян и на лиц свиты Государя, которые его сопровождали.

На другой день был парад войскам, ровно в тот час, когда двести лет тому назад закончилась битва. Затем был предложен завтрак военным и гражданским чинам, которые участвовали в торжестве.

Государь произнес следующие слова:

«С чувством глубокого волнения переживал я последние два дня. И вы вместе со мной, вероятно, испытали те же чувства на тех же полях Полтавы, где 200 лет тому назад решалась судьба нашего Отечества и волей Господа Бога, гением Петра и стойкостью русского народа была одержана победа, давшая России величие.

Россия только что пережила времена невзгод, но я верю, что отныне она вступит на путь развития и благоденствия и что будущим поколениям легче будет жить и служить своей Родине, а для этого нужно, чтобы все верные мои подданные помогали своему Государю.

Нужна вера в силу своего Отечества, любовь к нему и любовь к своей старине.

Я пью за то, чтобы Россия развивалась в духе единения царя с народом и в тесной связи всего населения нашей Родины со своим Государем. Пью за потомков славных героев, которые сражались там же, где сегодня порадовали меня своим блестящим видом здесь собранные войска. Пью за их здоровье, за всю армию и за великую нашу матушку Россию»[1].

[1] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 402–403.

После окончания торжеств Государь уехал в Киев, где он оставался один день. После чего он вернулся в Петергоф, где проводил свой отдых с семьей.

В 1910 г. Государь с семьей пришел в Ригу на императорской яхте «Штандарт»[1]. После приема представителями города царская семья посетила в первую очередь православный собор, потом протестантский храм и, наконец, «Клуб черноголовых». Этот клуб представляет особый интерес. Начало его восходит к тринадцатому веку, когда было основано братство Святого Георгия, которое состояло из холостых коммерсантов, покровителем которых был негр святой Мориц, римский воин, которому отрезали голову за то, что он принял христианство. Здание клуба было очень старинное, и в нем хранились артистические вещи большой исторической ценности. Находились портреты русских императоров, начиная с Петра Великого — и этот портрет был подарен клубу самим Государем.

Государь был принят членами корпорации, которые все были одеты в их традиционные костюмы со шпагами и треуголками, под звуки труб и литавр. Государь выпил до дна кубок, который был ему преподнесен президентом. Черноголовые остались совершенно очарованы простотой и любезностью их Государя.

После этого визита Государь посетил Дворянское собрание, где представители Балтийских провинций угощали чаем царскую семью.

На другой день было открытие памятника Петру Великому, — конная статуя которого была прекрасной работы.

Торжества закончились смотром войск в окрестностях Риги. После высочайшего завтрака, на который были приглашены офицеры полков, Его величество покинул Ригу и сохранил наилучшие воспоминания о своем пребывании в Балтийских провинциях. Он был

[1] Официальное празднование 200-летия присоединения к России Прибалтийских губерний имело место 3–5 июля 1910 г. в Риге и ее окрестностях (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 1. С. 486–487).

принят с большим энтузиазмом не только официальными лицами, но также и всем населением. При своем отъезде Государь получил восторженные овации толпы. Вся Рига была действительно очарована своим Государем.

Столетие Бородинской битвы напоминало трагические события 1812 г. Французская армия, покорившая многие страны, через которые она проходила, вошла в Россию и дошла до Москвы. Мечта Наполеона о победном походе до самой Индии, казалось, должна была осуществиться. На самом деле, на поле Бородина счастье ему изменило. Он должен был предпринять отступление. Великая армия очутилась перед еще до того неведомым врагом: русская зима и снег. Она растаяла и потерпела самые ужасные лишения. Россия избавилась от сильнейшего врага, и, два года спустя, император Александр I, сопутствуемый союзными армиями, победоносно вошел в Париж.

Столетие Бородина было отпраздновано с большим торжеством[I]. 26 августа торжественная панихида была отслужена в память павших в этом бою. После чего Государь принимал парад войскам: многие великие князья проходили мимо Его величества во главе своих полков. Блестящие празднества были организованы в Москве.

Четвертое событие, которое праздновали и которое я упоминал, было еще более значительно.

Триста лет прошло со дня избрания на царство первого Романова — царя Михаила Феодоровича.

Эти три века были свидетелями многих перемен. В 1613 г. политические условия были очень мрачными и тревожными; в 1913 г. они начинали входить в нормальное русло. Экономическое положение улучшалось необычайно и открывало наилучшие перспективы в будущем. Николай II, оглядываясь на прошлое и вспоминая трудности, которые преодолевали его предки, мог гордиться возрождением своего народа, успехами своего царствования и тем, что обещало будущее.

[I] Официальное празднование 200-летия Бородинской битвы происходило с 25 по 30 августа 1912 г. на Бородинском поле и в Москве (Там же. С. 686–689).

Но Государь искал более глубокого духовного удовлетворения: с этой целью он предпринял паломничество в исторические места, которые были колыбелью Дома Романовых. Со всей своей семьей он поехал в Кострому в Ипатьевский монастырь — куда в 1613 г. прибыло из Москвы специальное посольство, передавшее молодому Михаилу Феодоровичу грамоту, подписанную представителями нации, собравшимися в Москве, с просьбой согласиться принять венец царей Московских. Императорская семья проехала по железной дороге в Нижний Новгород, где она посетила Кремль; заложила первый камень для памятника русским патриотам 1613 г. — Минину и Пожарскому, — и посетила прием, устроенный Дворянским собранием[I].

18 мая Государь и его семья сели на пароход «Межень»[II], который прибыл в Кострому 19 мая[III]. Берега Волги были украшены по-праздничному. На всех домах были флаги, повсюду были устроены триумфальные арки с надписями «Боже, Царя храни».

Задолго до прибытия парохода тысячи зрителей устроились вдоль всей реки — их были целые лагеря. Как только показывался пароход, крестьяне сформировывались в крестные ходы во главе со священниками. Трезвон церковных колоколов наполнял воздух. Священники служили молебны и благословляли издали пароход. Толпа становилась на колени и крестилась. После ухода парохода крестьяне оставались еще долго, молясь за Государя, и пели национальный гимн. Многие плакали.

Город Кострома был целью паломничества. Бóльшая часть членов Императорской фамилии и все министры были уже там для встречи Государя. Рано утром Государь покинул пароход со своей семьей и был встречен городским правлением, губернатором и де-

[I] Нижний Новгород Николай II и его семья посетили 17 мая (Там же. С. 758).

[II] На пароходе «Межень» царская семья разместилась 17, а не 18 мая (Там же).

[III] В Костроме царская семья находилась 19 и 20 мая (Там же. С. 758–759).

путацией от крестьян. Поговорив с ними, царская семья отправилась в экипаже в Ипатьевский монастырь, где была встречена духовенством, другой депутацией от крестьян и потомками специального посольства 1613 г. Был отслужен молебен в главном храме монастыря, и затем царская семья прошла в дом, где обитал царь Михаил Феодорович Романов. С тех пор этот дом был переделан в музей, где помещались многие вещи, принадлежавшие первым Романовым. Другие исторические места были посещены, и затем Государь был принят в Дворянском собрании. Когда царская семья снова вошла на пароход «Межень», энтузиазм толпы достиг своего апогея. Народ повалил в реку и, идя в воде, провожал пароход длинной процессией. Люди неистово приветствовали своего царя, и колокольный звон всех церквей города смешивался с их голосами. Герцог Мекленбург-Шверинский — брат великой княгини Марии Павловны — человек пожилой и совсем не сентиментальный, который присутствовал инкогнито при этой сцене, не мог удержаться от слез и сказал своему офицеру-ординарцу: «Какое счастье быть монархом такого народа».

На другой день Государь заложил первый камень памятника трехсотлетия Дома Романовых, сделал смотр войскам и принял еще несколько различных крестьянских депутаций. Государь был очень внимателен и предупредителен к этим последним. Он дал распоряжение, чтобы им был дан обед и каждый приглашенный «из крестьян» получил разрешение забрать с собой столовый прибор на память о празднестве.

Паломничество в Кострому произвело на Государя глубокое впечатление. Он смог сосредоточиться в святых и исторических местах, откуда вышла династия. Он мог думать с благодарностью о своих предках. Он также мог вдумываться в те задачи, которые ему предстояло разрешить, и о долге, который на него был возложен Промыслом.

Как я говорил выше, Государь во время своего путешествия по Волге принимал многочисленные крестьянские депутации. Он долго беседовал с ними. Он расспрашивал и об их нуждах, об их пожеланиях, и когда он сходил на берег, он мог видеть близко условия, в которых они жили. Он видел крестьян зажиточных и довольных условиями своей жизни, но он также мог наблюдать и большую нищету, и несчастные семьи. Эта бедность была часто следствием пьянства отца семейства. Понемногу Государь пришел к твердому убеждению, что необходимо во что бы то ни стало приступить к коренной реформе нашей финансовой системы, которая была построена на винной монополии[1] — последнее давало одну треть дохода в нашем государственном бюджете.

Министры финансов, конечно, старались увеличивать доходность, т. е. увеличивать употребление алкоголя. Наибольшие потребители его были как раз крестьяне, пьянство которых имело гибельные последствия, о которых мы знали. Таким образом, создавался порочный круг: Министерство финансов поощряло пьянство и этим наносило ущерб благосостоянию народа, который должен был бы быть базой бюджетного равновесия и процветания нашей Родины. Проблема алкоголя тревожила Государя уже давно. Ему казалось безнравственным, что государство увеличивает свои ресурсы, эксплуатируя порок, так как наибольшая статья доходов была построена на народном пьянстве.

Государь неоднократно выражал своим министрам финансов свое желание крупной реформы в этой области. Увы, война с Японией и внутренние беспорядки,

[1] Имеется в виду так называемая винная монополия, которая закрепляла за государством очистку спирта и розничную и оптовую торговлю крепкими спиртными напитками и находилась в ведении Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов и местных органов Главного управления. По инициативе С. Ю. Витте и с одобрения Александра III согласно Закону 6 июня 1894 г. вводилась с 1 января 1895 г. в Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской губерниях и к началу XX в. охватывала 75 губерний. К этому времени винная монополия оказалась одной из главных статей доходного бюджета Российской империи.

произошедшие после войны, нарушили равновесие наших финансов, и нужны были годы экономного ведения хозяйства, чтобы навести в этом отношении порядок.

В этом отношении министр финансов Коковцов, получивший титул графа после его отставки[I], заслуживал всякой похвалы. За исключением небольшого перерыва в несколько месяцев, он сохранял портфель министра финансов с 1904 г.[II] В течение этого периода он сумел поддержать золотой баланс, который был установлен его предшественником графом Витте в 1897 г.[III], хотя количество золота в Государственном банке очень уменьшилось из-за расходов на войну, а также из-за революционных беспорядков. Он сумел увеличить доходы, и, благодаря упорству Коковцова, расходы оставались нормальными. Он, наконец, добился равновесия в бюджете и создал понемногу даже излишек.

Улучшение политического положения тоже способствовало стабилизации финансового положения; несмотря на то что домогательства крайних либералов не были удовлетворены, председатель Совета министров Столыпин, который обладал редким политическим чутьем, добился сравнительно добродушных отношений между палатами и кабинетом. Государственная

[I] Титулом графа Николай II наградил В. Н. Коковцова 30 января 1914 г., при его отставке с должностей председателя Совета министров и министра финансов.

[II] В. Н. Коковцов занимал пост министра финансов с 5 февраля 1904 по 24 октября 1905 г. и с 26 апреля 1906 по 30 января 1914 г.

[III] Подразумевается введение в России золотого денежного обращения, последовавшее согласно Указу 29 августа 1897 г., причем эта реформа стала результатом деятельности не только С. Ю. Витте, но и его предшественников на посту министра финансов, прежде всего — Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского. В результате реформы золотое содержание рубля было уменьшено на одну треть, а кредитный рубль приравнен к 66 ⅔ коп. золота. Отныне Государственный банк являлся эмиссионным учреждением, имея право выпускать не обеспеченные золотом кредитные билеты не более чем на сумму в 300 000 000 руб. Все кредитные билеты, выпускавшиеся в обращение сверх этой суммы, подлежали обеспечению золотом рубль за рубль, а потому Государственный банк жестко обязывался постоянно поддерживать на должном уровне золотой запас Российской империи.

дума, созданная в 1906 г. и два раза распущенная, существовала семь лет, она была в своем раннем детстве и, конечно, имела очень мало политического опыта. Принцип беспрерывности и традиции, которые существовали в Англии и во Франции, создавались в течение долгого периода законодательных работ. Наши палаты должны были еще пережить много детских болезней. Все же Россия была на хорошем пути. Солидные базы конституционного режима заменили старое самодержавие. Мы могли задуматься о словах знаменитого министра финансов Людовика XVI — Тюрго, — который говорил своему монарху: «Сделайте мне хорошую политику, и я вам сделаю хорошие финансы».

В конце 1913 г. Государь решил окончательно приступить к реформам наших финансов и не пользоваться доходами от алкоголя как главной базой бюджета. Общественное мнение тоже сильно способствовало этому решению. В это время палаты обсуждали проекты законов, предложенных Коковцовым, которые должны были ввести некоторые поправки в винную монополию[I]. Предшественник Коковцова, граф Вит-

[I] Временная комиссия при III Государственной думе о мерах борьбы с пьянством, избранная 11 декабря 1907 г. в составе 22 членов под председательством епископа Митрофана, разработала проект об ограничении продажи спиртных напитков. На заседании Совета министров 7 октября 1908 г. кабинет, рассмотрев законопроект Министерства финансов «Об изменении и дополнении некоторых статей тома V (издания 1901 г.) Свода законов», относившихся к винной монополии, «не встретил препятствий к представлению министром финансов означенного законопроекта на уважение Государственной думы» (Особый журнал Совета министров 7 октября 1908 г. (По делам, по коим заключение Совета положено привести в исполнение, не испрашивая Высочайшего утверждения) // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1908 г. М., 2011. С. 407–408). Между тем Временная комиссия о мерах борьбы с пьянством имела до 13 заседаний в сессию и представила Общему собранию III Думы два доклада, так и не рассмотрев, однако, два законопроекта. В IV Государственной думе подведомственные комиссии вопросы обсуждала избранная 13 февраля 1913 г. в составе 33 членов под председательством П. В. Синадино (1912–1915, 1916–1917) и В. И. Алмазова (1915–1916) Комиссия о народном здравии, точнее — ее Подкомиссия по борьбе с пьянством. После передачи законопроекта «Об изменении и дополнении некоторых статей Свода

те, нападал на этот проект с особой ожесточенностью[I]. Он заявил, что этот проект скомпрометирует акцизную реформу, которую он в свое время провел с целью уменьшить злоупотребление алкоголем. Монополия, которая заменила акцизный сбор, должна была препятствовать невероятной наживе откупщиков и вместе с тем улучшить качество водки. Но Министерство финансов было очень радо возможности с легкостью увеличивать доходы бюджета, пользуясь тем, что монополия была под его абсолютным контролем; оно работало над тем, чтобы расширять продажу винных напитков. Пьянство увеличивалось с невероятной быстротой. Государство, которое заменило откупщиков, эксплуатировало еще больше, чем они, слабость земледельческого населения.

Алкоголизм, как национальное зло, горячо обсуждался в прессе, и меры борьбы с пьянством требовались все с большей и большей настойчивостью.

К несчастью, председатель Совета министров и министр финансов Коковцов занял непримиримую позицию. Он убеждал палаты, что система Министерства финансов была прекрасная. Он не допускал мысли, что он виноват в увеличении алкоголизма среди народа, и думал, что невозможно изменить исконные привычки на-

законов относительно продажи спиртных напитков» в Государственный совет он рассматривался в Особой комиссии, а затем на 15 заседаниях Общего собрания верхней палаты, в ходе сессии 1913–1914 гг. «При этом, — отмечал исполнявший обязанности председателя Государственного совета И. Я. Голубев, — отнесясь с полным сочувствием к стремлениям Думы, имеющим целью отрезвление народа посредством прекращения злоупотребления крепкими напитками, Совет нашел, однако, нужным внести в проектированные правила ряд существенных изменений и дополнений и ввиду сего постановил возвратить этот законопроект, на основании статьи 49 Учреждения Государственного совета, в Государственную думу для нового рассмотрения» (Всеподданнейший отчет о деятельности Государственного совета за сессии 1913–1914 гг. Пг., 1914. С. 4–5).

[I] С. Ю. Витте выступил в Государственном совете с критикой законопроекта «Об изменении и дополнении некоторых статей Свода законов относительно продажи спиртных напитков» 10 января 1914 г. См.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия 9. СПб., 1914. Стб. 341–348.

ции законами и административными мерами. Но некоторые члены кабинета были совершенно иного мнения; Рухлов — министр путей сообщения — и Кривошеин — министр земледелия — были убежденными сторонниками перемен в нашей финансовой системе.

Даже в то время, когда его большой друг, Столыпин, был председателем Совета министров, Кривошеин имел с ним частые беседы о практиковавшейся у нас финансовой системе.

Это в сотрудничестве с Кривошеиным Столыпин провел свою аграрную реформу 1906–1909 гг., которая имела целью создать в России класс мелких земельных независимых собственников. Они оба считали, что финансовая реформа должна была быть проведена одновременно с аграрной. Они хотели добиться, чтобы наш бюджет не имел бы потребление алкоголя главной своей базой. Зная, что Коковцов — министр финансов — был страшным противником этой реформы и что они не могли добиться никакой помощи с его стороны, Столыпин и Кривошеин были убеждены, что необходимо приготовить для портфеля министра финансов кандидата, который бы разделял их точку зрения и мог бы заменить Коковцова. Это было в 1911 г., я тогда был администратором одного из наших наиболее крупных коммерческих банков — Волжско-Камского[I], и я часто встречал Кривошеина, с которым был очень дружен. Я с ним познакомился в трудное время первой революции 1905 г., когда мы оба принимали участие в многочисленных правительственных конференциях. Кривошеин был тогда товарищем министра земледелия[II], а я управляющим Санкт-Петербургской конторой Го-

[I] Волжско-Камский коммерческий банк — один из крупнейших банков Российской империи, основанный в 1870 г. как частный. Впоследствии фактически находился под контролем государства. Специализировался на кредитовании внутреннего товарооборота и на операциях по выпуску и размещению облигационных займов российских железнодорожных компаний. Национализирован в январе 1918 г.

[II] Товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин являлся с 8 июня 1905 по 6 мая 1906 г.

сударственного банка[I]. С тех пор мы с ним часто виделись и часто обсуждали экономические и финансовые проблемы[II]. Мы с ним сходились по многим вопросам, и в частности по вопросу о срочной необходимости финансовой реформы.

[I] П. Л. Барк управлял С.-Петербургской конторой Государственного банка с 25 февраля 1905 по 21 января 1906 г.

[II] В частности, уже в июле 1910 г. А. В. Кривошеин и П. Л. Барк, в бытность его директором Волжско-Камского банка, поддерживали тесные деловые контакты в связи с намерением первого учредить особый Сельскохозяйственный банк (*Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. С. 259).

ГЛАВА III[I]

Император покинул Ставку Верховного главнокомандующего, направляясь в Царское Село в ночь с 27 февраля (12 марта) на 28 февраля (13 марта) [1917 г]. Между тем, по приказу революционеров, которые уже захватили Министерство путей сообщения, его поезд был задержан

[I] Эта глава была опубликована в «Возрождении» под названием «Мартовские дни 17-го года» и, судя по всему, является сокращенным вариантом последней, XXVII, главы воспоминаний П. Л. Барка, текст которой больше текста главы III на треть. Первой публикации главы III предшествовала роспись ее содержания: «Трагические дни 1 (14) и 2 (15) марта в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве и в Ставке главнокомандующего Северного фронта в Пскове. — Телеграмма 1 (14) марта генерала Алексеева. — Разговор по прямому проводу между генералом Рузским и Родзянко в ночь с 1 (14) марта на 2 (15) марта. — Телеграфные инструкции, данные генералом Алексеевым всем главнокомандующим фронтами. Его телеграмма императору. Манифест об отречении от престола Государя. — Приезд Гучкова и Шульгина в Псков. — Назначение великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим и князя Львова председателем Совета министров. — Возвращение Государя в Могилев. — Последний доклад генерала Алексеева. — Приезд в Могилев вдовствующей Государыни императрицы Марии Феодоровны. — Отречение великого князя Михаила Александровича. — Прощание Государя со штабом Верховного главнокомандующего. — Последнее обращение императора к армиям».

на пути следования и направлен в Псков, где находились Ставка главнокомандующего и штаб Северного фронта, которым командовал генерал-адъютант Рузский.

Генерал был в постоянном общении по прямому проводу с председателем Думы Родзянко, возглавившим революцию, и с начальником штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генерал-адъютантом Алексеевым.

Император прибыл в Псков со своей свитой в среду 1 (14) марта в 8 часов вечера и тотчас принял генерала Рузского в своем вагоне.

Император получил следующую телеграмму от генерала Алексеева:

«Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания Высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего манифеста:

"Объявляем всем верным Нашим подданным.

Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с Нашей Родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской Нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России.

Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг Престола и народного представительства, дружно помогут доблестной Нашей армии завершить ее великий подвиг.

Во имя Нашей возлюбленной Родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее"»[1].

Рузский оставался в аудиенции с Государем продолжительное время и оставил его только после 11 часов вечера.

Затем он говорил по прямому проводу с Родзянко. Он сказал ему, что император согласился с тем, чтобы председатель Государственной думы составил бы правительство, ответственное перед палатами, и сообщил ему Манифест, составленный генералом Алексеевым. Генерал прибавил, что император ждет Родзянко в Пскове.

Родзянко ответил, что он не может оставить столицу, так как опасается, что анархия разрастется в его отсутствие. Он чувствует, что его собственная власть выскальзывает из его рук. Он уже был вынужден образовать Временное правительство. Но страсти разгораются вокруг него, и при этих обстоятельствах он боится, что уступки, сделанные Государем, теперь не будут достаточны, — требуют отречения Государя в пользу сына,

[1] См.: Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам, в кои произошло отречение от престола Государя императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 112–160. Впрочем, П. Л. Барку могла быть известна и более полная публикация этих документов. См.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 53–54.

при регентстве великого князя Михаила Александровича, до его совершеннолетия.

Генерал Рузский немедленно сообщил этот разговор генералу Алексееву, начальнику штаба Верховного главнокомандующего.

Алексеев тотчас же поставил в известность о положении вещей всех командующих армиями[I] и предложил им обратиться к императору через генерала Рузского с телеграммами, умоляя отречься от престола в пользу наследника (с регентством великого князя Михаила Александровича).

Следующий разговор по прямому проводу происходил между генералом Клембовским, состоящим в Ставке Верховного главнокомандующего, и командующим войсками [Западного фронта] генералом Эвертом:

«Наштаверх[II] поручил мне передать Вам следующее. "Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить Манифестом идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной думы образовать кабинет.

По сообщении этого решения главкосевом[III] председателю Государственной думы последний в разговоре по аппарату, в два с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшнейших революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Государственной думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно; что теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве

[I] Точнее — фронтов, каждый из которых объединял несколько армий, имевших своих командующих.

[II] Начальник штаба Верховного главнокомандующего, т. е. М. В. Алексеев.

[III] Главнокомандующий Северным фронтом Н. В. Рузский.

Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу династии нужно поставить на первом плане хотя бы ценою дорогих уступок.

Если Вы разделяете этот взгляд, — говорил генерал Клембовский, — то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его величеству через главкосева, известив наштаверха? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

2 (15) марта 1917 г., 10 часов 15 минут"»[1].

Генерал Эверт спросил, имеет ли он еще время снестись с главнокомандующими других армий, если они уже получили такие же сообщения.

Генерал Клембовский ответил:

«Всем главнокомандующим сообщено одно и то же. Время не терпит, дорогá каждая минута, иного исхода нет. Государь колеблется, единогласные мнения главнокомандующих могут побудить его принять решение, единственно возможное для спасения России и династии. При задержке в решении вопроса Родзянко не ручается за сохранение спокойствия, причем все может кончиться гибельной анархией. Надо иметь в виду

[1] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего...) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 67–68.

также, что Царскосельский дворец и августейшая семья охраняются восставшими войсками»[I].

Этот разговор закончился в 11 часов утра.

Генерал Брусилов получил такие же сведения от генерала Алексеева, просившего его телеграфировать императору. Брусилов немедленно ответил:

«Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с Вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева телеграмму с всеподданнейшею просьбою Государю императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может»[II].

В четверг утром 2 (15) марта генерал Рузский сделал доклад Государю императору о разговоре, происходившем ночью между ним и Родзянко, и представил Его величеству телеграммы, полученные им от главнокомандующих фронтами.

В 2 часа 30 минут дня Государь получил следующую телеграмму от генерала Алексеева:

«Всеподданнейше представляю Вашему императорскому величеству полученные мною на имя Вашего императорского величества телеграммы.

От великого князя Николая Николаевича:

"Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас.

Генерал-адъютант Николай".

От генерал-адъютанта Брусилова:

[I] Там же. С. 68.
[II] Там же. С. 69.

"Прошу Вас доложить Государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного Наследника.

Генерал-адъютант Брусилов".

От генерал-адъютанта Эверта:

"Ваше Императорское Величество. Начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы. Ваше величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения Родины и Династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо,

способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии.

Генерал-адъютант Эверт".

Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение высшей дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и, ради ее целости, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения. Ожидаю повелений...

Генерал-адъютант Алексеев»[I].

Армия оставила своего вождя. Императору не оставалось другого выхода, как подписать акт об отречении, который ему был навязан.

Государь советовался долго с лейб-медиком Федоровым (который лечил наследника престола) и просил его откровенно сказать, что он думает относительно здоровья сына. Федоров сказал императору, что гемофилия неизлечима. Возможно, что с большими предосторожностями и постоянным лечением великий князь проживет довольно долго, но он никогда не может выздороветь.

Тогда император отрекся от престола за себя и за своего сына — передавая его своему брату великому князю Михаилу Александровичу[II]. Он сам составил манифест[III]. Вот текст этого документа:

[I] Там же. С. 72–73.

[II] В действительности Николай II решил «переотречься», т. е. передать престол не сыну, а брату, вечером 2 марта 1917 г., после беседы с приехавшими из Петрограда А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным.

[III] Текст манифеста об отречении Николая II был написан в Могилеве директором Дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего Н. А. Базили, при участии начальника штаба Ставки М. В. Алексеева и генерал-квартирмейстера штаба А. С. Лукомского. Из Могилева текст манифеста передали в Псков по телеграфу.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить Нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша, совместно со славными Нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною думою, признали Мы за благо отречься от Престола государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Псков, 2 марта 1917 г., 15 час.

Николай.

Министр Императорского двора, генерал-адъютант граф Фредерикс».

Вечером делегаты революционной Думы Гучков и Шульгин прибыли в Псков с проектом акта отречения в пользу наследника престола при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Они были немедленно проведены к Государю, который из всех присутствующих казался наиболее спокойным. Оба делегата казались смущенными и не знали, как начать разговор. Государь успокоил их, сказав, что он уже принял решение. Он не хочет препятствовать России *выйти на дорогу, определенную судьбой.* Он передал делегатам акт отречения, до того им подписанный.

Делегаты были в недоумении. Они были застигнуты врасплох и не знали, могут ли они принять иное решение, чем предусмотренное Думой. Однако, видя спокойствие и твердость Государя, они приняли составленный им акт отречения.

Единственное изменение, предложенное Шульгиным, о том, что великий князь Михаил Александрович обязуется под присягою соблюдать конституцию, было внесено в акт. Шульгин, бывший убежденным монархистом, думал, что такая присяга укрепит единение между монархом и его народом. Он предложил слово «всенародную присягу». Государь одобрил без колебания, но предложил «ненарушимую присягу» — что и было принято.

Впоследствии Шульгин описывал свою «миссию». Как человек искренний, он говорит, что, когда делегаты получили от императора Манифест, составленный и подписанный Его величеством, написанный с таким достоинством и полный высокого душевного благородства, им стало стыдно за нелепый текст отречения, который они привезли[1].

Было тогда же решено, что великий князь Николай Николаевич заменит Государя как Верховного главнокомандующего в Ставке. Была послана телеграмма великому князю в Тифлис, чтобы его предупредить. Государь утвердил назначение князя Львова, как председателя Совета министров, Временного правительства, и под-

[1] Ср.: «Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли» (*Шульгин В. В.* Дни. 1920. Записки. М., 1989. С. 257).

писал еще один указ Правительствующему Сенату, подтверждающий это назначение.

В ночь со 2 (15) на 3 (16) марта император покинул Псков, направляясь в Могилев, куда он прибыл в пятницу вечером. На другой день, в субботу 4 (17) марта, в 9 часов он пришел в кабинет генерала Алексеева, чтобы в последний раз выслушать его доклад о военном положении на фронте и попрощаться со штабом.

Генерал Алексеев казался расстроенным и взволнованным. Он начал свой доклад волнуясь. Император подбодрил его своим спокойствием и вопросами, которые он задавал о положении войск на фронте. Его величество обладал необычайной памятью, и, несмотря на то, что длина фронта простиралась более чем на две тысячи километров, он помнил названия различных полков, имена командиров и в особенности каждой части фронта, где действовали.

Когда Алексеев закончил свой доклад, император поцеловал его и поблагодарил других генералов, пожимая им руки и желая им полного успеха в будущем.

В тот же день вдовствующая императрица Мария Феодоровна прибыла из Киева в Ставку Верховного главнокомандующего.

Она была встречена на станции императором, его свитой и великими князьями Александром и Сергеем Михайловичами, находившимися в это время в Могилеве, генералом Алексеевым и генералами его штаба.

Спокойствие и выдержка Государыни императрицы и Государя произвели глубокое впечатление на всех присутствовавших.

Государь отправился с Государыней в дом, в котором он жил в Ставке.

Несомненно, что там между матерью и сыном произошел значительный и трагический разговор. Оба уже знали, что революционная Дума подчиняется крайним левым элементам и что под их давлением великий князь Михаил Александрович тоже подписал акт отречения[1].

[1] Великий князь Михаил Александрович подписал Акт об отказе от восприятия престола 3 марта 1917 г. В этом акте он передавал верхов-

Учредительное собрание, которое будет избрано, должно решить, «какой будет Россия». Это было концом династии, и это было также последнее свидание матери с сыном.

Государь остался еще несколько дней в Могилеве. 8 (21) марта он прощался со всеми служащими Ставки Верховного главнокомандующего. В 11 часов утра весь состав Ставки собрался в приемной начальника штаба. Присутствовали: великие князья Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович, свита Государя, все генералы, офицеры и гражданские чины, подчиненные генералу Алексееву. Присутствовали также солдаты из частей полков, стоявших в Могилеве.

Зала была полна. Даже лестница и вход были наполнены народом. Говорили шепотом, и глаза всех были направлены на дверь, через которую должен был войти император. Прошло 10 минут, потом послышались легкие и быстрые шаги по лестнице — раздалась команда: «Господа офицеры». Государь в черкеске спокойно вошел и прошел на середину залы. Генерал Алексеев держался около Государя.

Государь остановился и несколько времени молчал, потом в полной тишине раздался его ясный и звучный голос. Государь сказал, что он подчиняется воле Всевышнего и покидает Ставку главнокомандующего, где в течение полутора года он видел усердную службу всех подчиненных. Он знал, что все они честно работали на благо Родины против упорного врага. Он сердечно поблагодарил всех и выразил убеждение, что Россия и ее союзники выйдут победителями и что наши жертвы будут не напрасны..

Генерал Алексеев начал отвечать сдавленным голосом, но не мог продолжать, его душили слезы, он был растроган. Он мог всего лишь сказать, что Его величество дает слишком высокую оценку работы штаба, что каждый делал то, что он мог, — но и сам Государь вкладывал все свои силы и всю свою душу в работу, а в своем окружении поддерживал и веру и дух, которые были необходимы для спасения России.

ную власть Временному правительству, которое обязывалось созвать Учредительное собрание для определения формы правления Российского государства.

Государь подошел к Алексееву и его поцеловал.

С первых же слов, произнесенных Государем, слезы наполнили глаза слушателей. Несколько офицеров упали в обморок, и все собрание испытывало такие чувства, которые охватывают людей при прощании с дорогим и любимым существом — уходящим навсегда в другой мир.

Государь быстро взял себя в руки и, подойдя к солдатам, поздоровался. Они отвечали: «Здравия желаем Вашему императорскому величеству». И вдруг раздались тогда крики, рыдания и просьбы: «Не оставляй нас!»

Государь вышел из залы и спустился по лестнице, окруженный толпой взволнованных и потрясенных солдат и офицеров.

8 (21) марта, перед тем как покинуть Могилев, Государь подписал свой последний призыв к войскам, текст которого также был написан им самим. Вот он:

«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые Мною войска. После отречения Мною за себя и за сына Моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу; много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуй-

тесь Временному правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог, и да ведет Вас к победе святой Великомученик и Победоносец Георгий.

Николай.

8 марта 1917 г.

Ставка.

Подписал: начальник штаба генерал Алексеев»[1].

Генерал Алексеев протелеграфировал текст этого приказа Гучкову, военному министру Временного правительства, и получил приказание не опубликовывать этого прощального призыва и принять меры, чтобы он не был бы известен войскам.

[1] С текстом прощального приказа П. Л. Барк мог ознакомиться в следующем издании: *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 96–97.

ГЛАВА IV[I]

Я начал карьеру в Министерстве финансов. Окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета, я поступил в Кредитную канцелярию[II] в 1892 г.[III], где в то время занимал должность вице-директора Э. Д. Плеске. Вскоре он был назначен директором канцелярии, а через два года управляющим Государственного банка[IV]. Он предложил мне последовать за ним в качестве секретаря[V]. В этой должности я был

[I] Эта глава была опубликована в «Возрождении» под заглавием «Назначение министром финансов».

[II] Особенная канцелярия по кредитной части — созданное в 1824 г. учреждение в составе Министерства финансов, ведавшее делами по внешнему и внутреннему кредиту. Упразднена 1 декабря 1917 г.

[III] П. Л. Барк поступил в Особенную канцелярию 19 мая 1892 г. с чином коллежского секретаря на должность младшего помощника столоначальника.

[IV] Вице-директором Особенной канцелярии Э. Д. Плеске являлся с 1889 г., ее директором — с 31 января 1892 г., управляющим Государственным банком — с 18 июля 1894 г. Следовательно, когда П. Л. Барк поступил в Особенную канцелярию, Э. Д. Плеске был ее директором, а не вице-директором.

[V] П. Л. Барк получил назначение на должность секретаря при управляющем Государственным банком 1 января 1895 г., до этого с 25 августа 1894 г. занимал пост младшего столоначальника Особенной канцелярии.

ГЛАВА V[1]

Рескрипт Государя при назначении меня управляющим Министерством финансов вызвал большой интерес в России. Он показывал намерение Государя провести новую финансовую систему, уже основанную на громадном доходе от продажи алкоголя. Императорская декларация открывала новую эру и заключала в себе надежду на национальное возрождение.

Некоторые наблюдатели наивно думали, что чудодейственное средство оздоровить Россию найдено и что финансовая система может быть изменена в один день. Даже председатель Совета министров спросил меня, готов ли новый закон и могу ли я выступить по этому поводу в Государственной думе и Государственном совете. Я ответил, что только что вступил в исполнение моих обязанностей, что в своем рескрипте Его величество указал только направление реформы и сказал, что детальные инструкции, которые помогли бы мне осуществить его пожелания, мне будут даны позже. Скептики с улыбкой высказывали свое недоверие. Они были убеждены,

[1] В «Возрождении» эта глава была опубликована под названием «Запрещение спиртных напитков».

что пристрастие к алкоголю так вкоренилось в народе, что никакие меры, даже самые суровые, не удержат его от пьянства и всякие попытки регулировать продажу водки будут напрасны.

Потребление алкоголя было всегда проблемой в России. С самых первых времен нашей национальной истории русский народ имел привычку пить. У нас было много пословиц, которые выражали общее мнение, что вино и алкоголь необходимы для счастья народа. Даже наши законы отражали эту психологию, и суд рассматривал нетрезвое состояние как смягчающее вину обстоятельство для совершившего преступление. Государство было заинтересовано в продаже напитков с тех пор, как вина и спиртные напитки были обложены налогом. И когда казна желала увеличить свои доходы, она обращалась к наиболее доходным источникам. С другой стороны, правительство беспокоилось, когда видело слишком большое потребление алкоголя в народе. Разные методы обложения были испробованы. В течение долгого периода откупщики были собирателями дохода с алкоголя, но этот метод доказал на практике свою полную несостоятельность — были большие злоупотребления.

Витте, будучи министром финансов еще в царствование императора Александра III, решил ввести государственную «питейную монополию». Он обладал крупным талантом организатора для проведения в жизнь значительных реформ. Дело было детально изучено. Витте послал своих сотрудников за границу, в страны, где практиковалась такая система. Затем разработанный закон был одобрен Государственным советом и утвержден императором 8 июня 1893 г. Эта питейная реформа была введена сначала в губерниях Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской, а в 1895 г. распространена еще на 25 губерний западной и южной России. Все же через несколько лет стало очевидным, что хотя монополия и ввела значительное улучшение в качестве спиртных напитков, поступавших в продажу, но, с другой стороны, она оказалась большим козырем в руках министра финансов. Последний, желая увеличить доход, естественно

имел тенденцию умножать число казенных винных лавок, которые были под его контролем, и был глух к поступающим протестам со стороны губернаторов, а также представителей земств и городов, видевших воочию вред, приносимый на местах пьянством, и знавших, что увеличение числа преступлений, разрушение семейных очагов среди крестьянства и бедность рабочего класса были последствием сильного потребления водки.

Но представители Министерства финансов в провинции, чтобы показать свое рвение, доносили, что в некоторых частях России они натыкались на нелегальную продажу вина. Согласно их донесениям, тот факт, что спиртные напитки продавались незаконным образом, доказывал необходимость открывать в этих местах казенные винные лавки. Их донесения охотно принимались во внимание в Санкт-Петербурге, и министр финансов радовался возможности увеличить государственный доход.

Противники этой системы вели пропаганду в прессе и разными другими способами. Создавались общества трезвости — они хлопотали о денежной поддержке для постройки театров, открытия спортивных площадок, публичных библиотек и читален. Великий князь Константин Константинович, один из наиболее культурных членов императорской фамилии, был председателем Общества трезвости[I]. Это был весьма просвещенный человек, состоявший президентом Академии наук и главноначальствующим всех военных учебных заведений в империи. Министр финансов отпускал ежегодно щедрую поддержку обществу, возглавляемому великим князем, — и поэтому считал, что выполняет свой долг по борьбе с пьянством

Когда я представлял составленный мною бюджет Государственной думе в апреле 1914 г.[II], я сказал, что две категории мероприятий необходимы для борьбы со злом пьянства. Первая должна быть направлена к уменьше-

[I] Великий князь Константин Константинович являлся покровителем возникшего в 1911 г. Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников.

[II] Точнее — 22 апреля 1914 г.

нию пунктов, торгующих спиртными напитками, а вторая должна преследовать цель — поднять моральный и интеллектуальный уровень народа. Но я добавил, что это очень трудная задача и потребуется много лет, чтобы ее осуществить. В нашей стране к пьяному человеку относятся снисходительно, и он даже пользуется некоторой безответственностью перед законом, так как считают, что он уже не может отвечать за свои действия, — необходимо коренным образом изменить наш национальный взгляд по этому вопросу. Необходимы суровые меры и новые законы, но надо помнить, что потребуются многие годы для достижения удовлетворительных результатов. Поэтому я опасаюсь, что, несмотря на энергичные меры со стороны Министерства финансов, доход, поступающий с продажи спиртных напитков, не будет значительно уменьшаться в ближайшем будущем, но останется неизменным. Если же опасение окажется неверным, то я нисколько не буду смущен тем, что бюджет не будет сбалансирован. Если будет уменьшение в потреблении народом алкоголя, то благосостояние населения, на котором зиждется все обложение, несомненно, возрастет. Тогда нетрудно будет выработать и взимать новые налоги. Я убежден, что подоходный налог станет постепенно основной базой нашей финансовой системы. Уже несколько лет тому назад закон о подоходном налоге был представлен на рассмотрение Думы, но ему не дали хода. Он может быть снова обсужден и пересмотрен и в подходящий момент поставлен на голосование. Другие предполагаемые налоги, с некоторыми из которых Дума уже была ознакомлена, могут быть снова обсуждены, новые уже подготовлены в Министерстве финансов. Я закончил мои объяснения, сказав, что Министерство финансов имеет под своим контролем 8500 сберегательных касс и 25 000 винных лавок для продажи спиртных напитков, — по подсчету к 1 января 1914 г. Министерство будет стараться закрывать питейные учреждения и открывать вместо них сберегательные кассы. Когда эти цифры будут перевернуты и Россия будет иметь 8500 винных лавок — и 25 000 сберегатель-

ных касс, которые показывали бы такой же оживленный оборот, какой имелся в казенных заведениях продажи питей, тогда наша цель будет достигнута[I].

С началом войны постепенная и медленная программа должна была претерпеть коренное изменение.

4 августа последовал выезд Государя со всей царской семьей в Москву, где должен был состояться торжественный выход в Кремль. Совет министров был также вызван в Москву, и после богослужения в Успенском соборе и выхода в Кремлевском дворце состоялось его заседание под председательством Государя[II]. В числе разных вопросов,

[I] Бюджетную речь П. Л. Барка, с которой он выступил перед депутатами IV Государственной думы, см. в Приложении 6. Она «в известной мере заменила» правительственную декларацию кабинета И. Л. Горемыкина (*Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм... С. 194). Реакция различных фракций Думы на выступление П. Л. Барка была неоднозначной. Л. К. Куманин доносил И. Л. Горемыкину 22 апреля 1914 г.: «Речи председателя Совета министров и в особенности управляющего Министерством финансов подверглись резкой критике в кулуарных разговорах членов Государственной думы. Пуришкевич заявляет: П. Л. Барк говорил хорошие слова, а я привык судить о делах. Подождем, как он воплотит эти слова... Националист Чихачев 1-й: Программа П. Л. Барка интересна с точки зрения земельно-хозяйственных интересов страны, но очень трудна для выполнения... Земец-октябрист Антонов: Заявление П. Л. Барка о принятии мер для оказания содействия в смысле расширения кредита сельскому населению нельзя не приветствовать. Интересен взгляд его на железнодорожную политику. Особенно ценно заявление его о намерении прислушиваться к критике со стороны законодательных учреждений... Левый октябрист Шидловский: Речь П. Л. Барка скучна, аляповата, но в ней есть нечто, чего в течение семи лет мы не могли добиться от В. Н. Коковцова, — в ней есть программа. Конечно, пока — это только слова... Прогрессист Посников: Речь П. Л. Барка сказана без связи и плана, она не дает картины финансовой политики нового министра. Кадет Салазкин: П. Л. Барк повторил слова Коковцова на Нижегородской ярмарке. Кадет Таскин: Какая пропасть между П. Л. Барком и В. Н. Коковцовым. Кадет Алмазов: Дешевые слова. При всем желании, даже правое крыло не могло найти повода, чтобы устроить овацию И. Л. Горемыкину или П. Л. Барку. Откуда же при таких условиях возьмется большинство и кого может увлечь за собою это правительство» (Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 11). Таким образом, правые, националисты, земцы-октябристы и левые октябристы в целом, хотя и не без оговорок, оценили первое думское выступление П. Л. Барка скорее положительно.

[II] Николай II и его семья были в Москве с 4 по 8 августа 1914 г. «От 4 до 5½, — записал он 5 августа, — у меня состоялось заседание Совета министров» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 51). «Заседание Совета министров у государя, — отметил военный

которые были поставлены на обсуждение, Государь, между прочим, коснулся закрытия, в связи с мобилизацией, казенных винных лавок, а также и других мест продажи крепких напитков. Еще задолго до объявления войны между мною и министрами военным и внутренних дел происходила переписка относительно того порядка, который следовало бы установить в случае мобилизации. Опыт Японской войны показал, какой страшный вред приносят питейные заведения, открытые по пути следования войск и новобранцев; главная масса эксцессов возникла исключительно на почве злоупотребления крепкими напитками, и посему военное ведомство уже давно поднимало вопрос о том, чтобы, в случае мобилизации, закрыть все места продажи крепких напитков, в местностях, где мобилизация объявлена. Долго тянулась переписка между отдельными ведомствами, и лишь на мою долю выпало довести ее к благополучному концу. По соглашению, состоявшемуся между министрами военным, внутренних дел и финансов, все места продажи крепких напитков, и в том числе казенные винные лавки, должны были закрываться на все время мобилизации. Таким образом, когда последовал указ о мобилизации[I], автоматически были закрыты все места продажи крепких напитков, за небольшим лишь исключением клубов и ресторанов первого разряда. Мера эта оказалась необычайно благодетельной, мобилизация протекала в полном порядке, без тех эксцессов, которые наблюдались во время Японской войны, и некоторые бесчинства происходили только в тех немногих пунктах, где, из-за недостаточной охраны, винные лавки и склады были насильственно открыты и буйная толпа после выпитого вина предавалась неистовствам[II]. Безукоризненный порядок,

министр генерал В. А. Сухомлинов тогда же. — Вопрос о запрещении водки на долгое время» (Генерал В. А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. М., 2014. С. 25).

[I] Указ о всеобщей мобилизации русской армии и флота Николай II подписал 17 июля 1914 г.

[II] Вопрос о нарушении запрета на продажу крепких напитков обсуждался на заседании Совета министров 30 июля 1914 г., когда А. Н. Яхонтов записал:

в коем происходила мобилизация, настолько отличался от тех тяжелых сцен, которые наблюдались в Японскую войну, что это не могло не поразить всего населения, которое к тому же, за короткий двухнедельный период, увидело и в своем домашнем быту разительную перемену, происшедшую вследствие воздержания от водки, и бесчисленные ходатайства стали поступать к Государю о том, чтобы продажа водки была воспрещена навсегда[I].

Сообщив нам о многочисленных полученных им просьбах, Государь добавил, что он еще утром принял депутацию от крестьян, которая умоляла его не открывать вновь винных лавок, и посему он желал бы выслушать мнение Совета министров, насколько такое народное желание осуществимо[II]. Все присутствующие министры, в принципе, отнеслись сочувственно к тому, чтобы правительство пошло навстречу народному желанию, председатель же Совета министров указал, что решающий голос в этом деле принадлежит министру финансов, от

«Борьба с пьянством. Лавки закрыть, но шинкарство идет быстро и сводит на нет усилия власти. Кары за хранение водки, в чайных лавках и т. д. Издать обязательные постановления.

Разослать проект.

Харитонов. — Не лучше ли по 87 ст. уголовный закон.

Маклаков. — Процедура долгая, свидетели и пр.» (Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 27).

[I] Ср. запись А. Н. Яхонтова о заседании кабинета 1 августа 1914 г.:

«Кривошеин. — Не надо ли удлинить срок запрета после 7 августа? Благословляют правительство. Россия переродилась. Просить Барка представить соображения по финансовой стороне.

Сухомлинов. — Бабы. Закрыть хоть навсегда. Прошу дольше — хотя бы на всю войну.

Просить Барка, Рухлова и Харитонова ([разработать] меры переходного времени). Срок торговли и не открывать ранее 15 августа» (Там же. С. 28).

На заседании правительства 3 августа 1914 г. С. В. Рухлов заявил: «Отовсюду [ходатайства] прекратить продажу напитков. Вопрос о пьянстве обсудится» (Там же. С. 31).

[II] На заседании Совета министров 9 августа 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков сообщил: «В Сергиевой Лавре — старшина Государю императору — в землю поклон за закрытие лавок винных — хоть до конца войны. Государь император заявил — "так и будет". Мир и тишина, семья возродилась» (Там же. С. 41). Троице-Сергиеву лавру Николай II посетил 8 августа 1914 г., возвращаясь из Москвы (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 51–52).

мнения коего зависит то или иное направление. На вопрос Государя, обращенный ко мне, я ответил, что со времени своего назначения исполнял его волю, выраженную в рескрипте на мое имя 30 января 1914 г., и принял все меры к тому, чтобы потребление водки сокращалось, но финансовая реформа, которая имела целью заменить в бюджете иными источниками поступления питейный доход, составлявший третью его часть, рассчитана была на продолжительный срок, и внезапная убыль государственных доходов в размере одного миллиарда рублей отразится очень серьезным образом при сведении бюджета. Я нисколько не сомневаюсь, что в конечном итоге подъем народного благосостояния, который последует в случае воздержания населения от потребления крепких напитков, с лихвой покроет убыль от уменьшения питейного дохода, но для перехода временно необходимо будет принять целый ряд мер налогового характера. При этом я вспомнил о проекте инженера Н. И. Демчинского, который полагал заменить питейный доход повышением железнодорожного тарифа, и доложил Государю, что по примерным расчетам одно это повышение, проведенное в крупных размерах, могло бы дать от 400 до 500 млн рублей, то есть половину питейного дохода. Высказав полную готовность пойти навстречу народному желанию относительно совершенного закрытия казенных винных лавок, я просил Государя дать мне несколько дней сроку, чтобы, по возвращении в Петроград, представить ему продуманный план для осуществления его воли.

Когда мы вернулись в Петроград, я на ближайшем заседании Совета министров высказал свои соображения о том, что необходимо воспользоваться исключительно сложившимися обстоятельствами военного времени для немедленного проведения в жизнь питейной реформы, предуказанной Государем в рескрипте 30 января 1914 г.[1] Я не скрывал от Совета министров, что, за

[1] «Барк, — вспоминал октябрист Н. В. Савич, — сразу, как только началась война, использовал это обстоятельство для начала осуществления плана введения сухого режима, временная мера начала превра-

исключением повышенных железнодорожных тарифов, другие намеченные министром финансов налоговые мероприятия не дадут немедленных результатов и что по устранении из бюджета питейного дохода придется считаться с крупным дефицитом. Однако нет сомнения, что военные расходы будут исчисляться миллиардами, их можно будет покрывать только займами, и, таким образом, с огромным бюджетным дефицитом нам все равно предстоит иметь дело как с неизбежным последствием военных событий. При этих условиях, увеличение такого дефицита, исчисляемого миллиардами, на несколько сот миллионов в год будет, конечно, менее ощутительно, чем если бы реформа была отложена на послевоенное время, когда необходимо будет соблюдать экономию во всех областях и потребуются огромные усилия для восстановления нарушенного народного и государственного хозяйства. Практические мероприятия должны заключаться в том, чтобы прежде всего продлить срок, в течение коего казенные винные лавки и питейные заведения имеют оставаться закрытыми, и безотлагательно разработать подробный проект питейной реформы. Я придерживался данного в высочайшем повелении указания о закрытии питейных лавок лишь на

щаться в постоянную. Общественное мнение это приветствовало. Когда Барк заговорил открыто о проведении законопроекта, имевшего целью ввести сухой режим навсегда, это известие было встречено сочувственно, особенно на левых скамьях. За эту меру были все левые, все наше духовенство, это уже составляло больше 40% Государственной думы. Наконец, очень много людей, еще недавно относившихся отрицательно к этой мере, теперь готовы были ее принять. Одни — потому, что считали себя обязанными поддержать меру, предложенную от имени Государя и им явно патронируемую, другие — потому, что не хотели создавать конфликта с верховною властью в момент войны. Война резко изменила психологию многих думцев. Думали только о войне, о борьбе с неприятелем, все остальные вопросы, заботы отошли на задний план. Когда же стало известным, что царь очень дорожит законопроектом, что отклонение последнего создало бы острый внутренний кризис, то большинство депутатов Центра махнуло рукой, решило, что создавать конфликт с Короной по этому поводу невозможно, что это мешало бы успешному ведению войны. Прохождение законопроекта о сухом режиме вдруг стало вне сомнения» (*Савич Н. В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 137).

непродолжительный срок, и, полагая, что простое закрытие винных лавок и питейных заведений еще не разрешает наболевшего вопроса о народном пьянстве, я находил, что правительство должно разработать целый комплекс мероприятий не только запретительного, но также творческого, положительного характера, направленных к утверждению в народе трезвости. Большинство моих коллег согласились со мной, другие же полагали, что сроком нужно поставить окончание военных действий и самую реформу приурочить лишь к восстановлению мирного течения жизни, когда, вероятно, придется сделать значительные послабления в вопросе потребления крепких напитков[1].

[1] На состоявшемся 9 августа 1914 г. заседании Совет министров предоставил П. Л. Барку право: 1) разрешать на определяемых им условиях продажу с 16 августа виноградных вин и денатурированного спирта, с соблюдением известных ограничений, 2) продлить до 1 сентября воспрещение выносной продажи всех прочих крепких напитков и ограничительные постановления относительно распивочной торговли ими (Особый журнал Совета министров 9 августа 1914 г. «По вопросу о разрешении торговли спиртными напитками (По журналу дел, разрешаемых собственной властью Совета министров)» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 271–272). При подписании журнала Н. А. Маклаков заявил особое мнение, к которому присоединился обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер. «Полагаю необходимым, — написал Н. А. Маклаков, — закрыть винные лавки на все время военных действий, ясно и решительно объявив об этом решении во всеобщее сведение; думаю, нельзя делать этого периодическими возобновлениями отсрочки открытия лавок» (Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 370). На заседании 9 августа с Н. А. Маклаковым и В. К. Саблером солидаризировался В. А. Сухомлинов, который записал тогда: «Просил не разрешать продажу водки на все время войны» (Генерал В. А. Сухомлинов. С. 25). Излагая ход заседания 9 августа, А. Н. Яхонтов записал:

«Маклаков. — ...Отложить до 1 сентября и анкету губернаторов по соглашении с земствами — результат, надо ли восстановить и т. д. Если на короткие сроки — устраняет опасность тайного винокурения.

Моральное значение длительности запрета — идут решительно на борьбу с вином. Нравственное значение ни на какие длани не переложить. Спасение тем, что нет казенки. Русь поняла значение запрета. Частичные уступки равны колебанию правительства. Лучше до конца войны сразу.

Кривошеин. — Надо до 1 сентября — опереться на отзывы общественности, провести через горнило отзывов.

Через два дня я подробно доложил Государю о происходивших в Совете министров суждениях и представил на его одобрение решение большинства Совета министров о том, чтобы в правительственном распоряжении был указан краткий срок, на который должно быть продлено закрытие винных лавок и питейных заведений; если не ошибаюсь, таким сроком был намечен ноябрь месяц. Государь посмотрел на дело с другой точки зрения и не согласился с этим решением. Он мне сказал, что ходатайства крестьян о запрещении продажи водки навсегда произвели на него такое глубокое впечатление и благодетельные последствия закрытия питейных лавок сказались так ярко в короткий промежуток времени, что он твердо решил не возобновлять казенной продажи питей, депутатам же от крестьян обещал, что продажа водки не будет производиться во время войны, а посему в правительственном объявлении, во всяком случае, должен быть указан этот последний срок. Указание же короткого срока может лишь породить сомнения в народе относительно искренности намерения правительства покончить навсегда с народным пьянством. На это я ответил, что слово, данное царем своему народу, решает все дело; не может быть, конечно, никакой речи о том, чтобы существовал в народе хоть малейший повод для сомнения в искреннем желании правительства выполнить царскую волю, ясно выраженную еще 30 января 1914 г., когда Государем был дан знаменательный рескрипт на мое имя, и подтвержденную ныне в Москве, при приеме депутации от крестьян. Совету министров остается только строго придерживаться высочайших предначертаний. Таким образом, последовало высочайшее повеление о продлении срока закрытия казенных винных лавок и питейных заведений до окончания военных действий, коим, в сущности, был решен

Щегловитов. — Скорей новые налоги. Каждый день стоит 3 млн руб.

К 16 августа — денатурированный спирт и виноградное вино. Пиво нет — притоны для водки в некоторых местностях.

Водку вывезти из этих лавок» (Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 41).

вопрос о коренном изменении нашего бюджета с устранением из него питейного дохода[1]. Вместе с тем был одобрен Государем план о безотлагательной разработке всей питейной реформы, обнимающей собой не только запретительные нормы, но также целый комплекс мероприятий положительного характера, направленных на постепенное утверждение трезвости.

22 августа (4 сентября) последовало краткое правительственное сообщение о том, что казенный винные лавки и питейные заведения будут оставлены закрытыми не только в течение мобилизации, но на все время военных действий. Этим скромным сообщением ограничилось правительство, осуществившее в действительности необычайную реформу всего бюджета, на которую до этого времени не хватало смелости ни у одного русского министра финансов и о которой лучшие умы Запада могли лишь мечтать, не располагая силами и средствам для проведения ее в жизнь.

[1] Высочайшее повеление «О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени» последовало 22 августа 1914 г. (Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: в 2 т. Пг., 1915–1916. Т. 1. Пг., 1915. С. 170–171). Вместе с тем с 16 августа 1914 г., в соответствии с полномочиями, предоставленными правительством П. Л. Барку, он разрешил торговлю виноградным вином. На заседании 25 августа 1914 г. Совет министров решил продлить до 1 октября 1914 г. запрет на выносную продажу пива и портера и ограничительные постановления в отношении распивочной торговли ими. Решение правительства Николай II утвердил 6 сентября (Особый журнал Совета министров 25 августа 1914 г. «По вопросу о дальнейшем, после 1 сентября 1914 г., воспрещении продажи пива и портера» // Особые журналы Совета министров... 1914 год. С. 317–318). На Особом журнале Совета министров 16 и 23 августа 1914 г. о понижении крепости вина обыкновенной очистки до 37 градусов император написал 10 сентября: «Делу этому не давать хода, ввиду того, что Я предрешил казенную продажу вина (водки) воспретить навсегда» (Особый журнал Совета министров 13 сентября 1914 г. «Об условиях сведения государственной росписи доходов и расходов на 1915 г.» // Там же. С. 364). Наконец, 27 сентября 1914 г. царь утвердил распространявшееся на частных виноторговцев Положение Совета министров «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» (Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 1. С. 238–239).

Вскоре, в сентябре 1914 г., Государь, отвечая на телеграмму почетного председателя Общества трезвости великого князя Константина Константиновича, упомянул, что он предрешил запретить навсегда продажу водки[1].

Решение, приятое Государем в области питейного дела, произвело ошеломляющее впечатление за границей. Вначале многие не хотели верить появившимся в печати сведениям, что Россия во время тягчайшей войны, требующей напряжения всех финансовых сил, отказалась от главного источника своего бюджета и что русское правительство, по повелению монарха, решило пожертвовать огромными питейными поступлениями, во имя утверждения в народе трезвости и подъема народного благосостояния. Когда же сведения, по проверке, оказались правильными, вопрос этот стал горячо обсуждаться в печати всех стран, и по нему образовалась целая литература. Многие заграничные органы посылали специальных корреспондентов в Россию, для ближайшего ознакомления на месте со всеми обстоятельствами, вызвавшими принятое решение, и с последствиями проведенных в жизнь мероприятий. Из самых отдаленных частей света, как, например, из Австралии, стали поступать ко мне запросы, действительно ли мне удалось осуществить на деле закрытие питейных заведений и в какой мере это отразилось на жизни и благосостоянии народа. Особенный интерес к этому вопросу проявили общественные круги Соединенных Штатов и государственные деятели в Англии. Во время моих трех поездок в Париж и Лондон, в течение 1915 и 1916 гг., мне приходилось давать подробные ответы на целый ряд вопросов, которые мне задавались журналистами, общественными деятелями и членами правительств союзных и нейтральных стран по поводу осуществления у нас питейной реформы. Даже в тех государствах, которые сами имели богатый опыт в деле борьбы с алкоголизмом и где строжайшими мерами, направленными к сокращению потребления вина, были достигнуты огромные результаты по искоренению пьянства, интерес к нашей реформе был очень велик. Так, например, при проезде моем через Норвегию, во время краткой остановки в Христиании, один местный журналист имел со мной продолжительную беседу на эту тему и просил разрешения изложить ее с большой подробностью в своей газете. В Англии Ллойд Джордж высказал мне свое восхищение по поводу проведенной нами меры и искренне сожалел, что влиятельные круги в парламенте очень заинтересованы в поддержании винокуренной промышленности, вследствие чего он не имеет никакой надежды провести через Палату общин какие-либо решительные мероприятия для сокращения потребления спиртных напитков и может лишь ограничиться самыми скромными попытками в деле борьбы с этим губительным народным злом.

[1] Константин Константинович записал 19 сентября 1914 г.: «Привез Государю адрес Всероссийского союза христиан-трезвенников со всеподданнейшим ходатайством, чтобы запрещение продажи водки осталось в силе и по окончании войны. Царь с радостным выражением лица сказал мне, что так и будет» (Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.). 1911–1915. М., 2013. С. 348).

В своей речи в Палате общин Ллойд Джордж выразил свое восхищение нашим усилиям в следующих выражениях: «Одним росчерком пера Россия в начале войны необычайно увеличила свои ресурсы, прекратив продажу спиртных напитков. Трудно себе представить, что благодаря этому она увеличила свою продуктивность на 30 и даже на 50%, как будто бы прибавился целый миллион рабочих рук к ранее существовавшим, и это без увеличения расходов на их содержание. Каковы бы ни были разрушения в стране в связи с войною, Россия более чем предупредила урон от них актом национального героизма и жертвенности»[1].

Другой выдающийся государственный деятель, лорд Рэдинг, в то время министр юстиции (впоследствии ви-

[1] Ср.: *Ллойд Джордж Д.* Парижская конференция (Речь в Палате общин 15 февраля 1915 г. по поводу финансового соглашения между Великобританией, Францией и Россией) // Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Минск, 2003. С. 75.

це-король Индии), поздравил меня с успехом и сказал мне, что в Англии благородный почин России произвел большое впечатление и король Георг V захотел показать личный пример в воздержании от крепких напитков, отказавшись от их потребления при дворе во время военных действия; этот красивый жест, однако, нашел мало подражателей в стране, и, по его, лорда Рэдинга, мнению, едва ли в Англии возможны какие-либо радикальные меры по борьбе с пьянством.

В стане наших противников коренная реформа нашего бюджета произвела, конечно, обратное действие страшного недовольства. Еще до войны мне неоднократно приходилось видеть в различных немецких юмористических журналах крайне оскорбительные для русского самолюбия изображения нашего «пьяного бюджета». Русский мужик, непристойного вида, с бутылкой водки в руке, — вот было обычное изображение государственного и народного хозяйства России. На этой бутылке водки, совращающей и управляемых, и управителей, основывалась, между прочим, главная надежда германцев на быстрое окончание войны на Восточном фронте. Быстрота нашей мобилизации, блестяще проведенной отчасти благодаря запрещению продажи водки, явилась для них откровением, а засим решение правительства не возобновлять продажу крепких напитков лишало их надежды на дезорганизацию русских рядов алкогольным ядом. Германская пресса не могла скрыть своего негодования по поводу принятых в России мероприятий, разбивавших германские иллюзии, и в разных органах появились самые нелепые статьи с критикой по адресу русского министра финансов. Эти нападки в корне противоречили предыдущим (еще в мирное время) осуждениям нашего пьяного бюджета и ставили германскую прессу в щекотливое положение, явно обнаруживая озлобление немцев оттого, что их расчет на пьянство во время мобилизации и в дальнейшем во время военных действий не оправдался.

Среди многочисленных людей и депутаций, которых мне приходилось принимать в связи с винной реформой,

два случая произвели на меня особенно глубокое впечатление. Первый из них — посещение члена Государственной думы Челышева, убежденного поборника трезвости[I]. Это был тип настоящего русского самородка: косая сажень в плечах, густая шевелюра, открытый взгляд; ходил он всегда в поддевке и высоких сапогах. Он был избран в Государственную думу от города Самары и с самого начала сессии занялся энергичной пропагандой решительных мер, направленных на борьбу с пьянством. Он выступал не только с кафедры Государственной думы в общих собраниях, но работал много в думских комиссиях по этому вопросу и прилагал все усилия к распространению своих идей в обществе и печати[II]. Челышев заинтересовал Государя своей пламенной проповедью трезвости, удостоился высочайшей аудиенции в Ливадийском дворце в Крыму и произвел очень благоприятное впечатление своей убежденностью и искренностью[III]. Государь подробно мне рассказывал о приеме им Челышева и с улыбкой говорил, что ничего не нашел в нем ненормального. На мой вопрос, почему у Челышева можно было ожидать ненормального мышления, Государь мне ответил, что мой предшественник граф В. Н. Коковцов неоднократно отзывался о нем как о полупомешанном человеке, преследуемом навязчивыми идеями. В беседе со мной Челышев высказал очень много здравых мыслей по интересовавшему нас обоих во-

[I] М. Д. Челышев являлся депутатом III Государственной думы.

[II] Ср. с отзывом о М. Д. Челышеве октябриста Н. В. Савича: «Громадного роста, широкоплечий, с копной черных волос, остриженных в скобу, одетый в долгополый кафтан, депутат Челышев казался воплощением кряжистого типа старозаветного русского человека, ярко описанного в романах Писемского. Он был выходцем из толщи народной, лишь слегка воспринял лоску европейской культуры, нисколько не реагировал на модные веяния интеллигенции. Изо всех идей и верований последней он воспринял, но зато крепко усвоил лишь одну идею, одну мысль: надо уничтожить народный порок — пьянство, — а для этого нет другого средства, как полная принудительная трезвость, запрещение государственною властью выделки и продажи в России спиртных напитков» (*Савич Н. В.* Воспоминания. С. 134–135).

[III] Николай II записал 11 апреля 1912 г., будучи в Ливадии: «До завтрака принял... члена Государственной думы Челышева» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 1. С. 655).

просу и, как истинный представитель народа, близко соприкасавшийся с его нуждами и познавший, насколько губительно отражается пьяный соблазн на всей народной жизни, проникновенно говорил мне о той радости, которую он испытал при чтении рескрипта Государя на мое имя 30 января 1914 г. Этим **манифестом**, как он называл рескрипт, пьянство осуждено с высоты престола, даны твердые указания министру финансов, и на Руси должно наступить отрезвление. Мечта всей его жизни осуществилась. Челышев подробно рассказывал мне о тех затруднениях, которые он встречал постоянно, с разных сторон, когда прилагал все усилия к широкому распространению своей проповеди о вреде пьянства, говорил об успехах этой проповеди с тех пор, как голос его раздался в стенах Государственной думы, и не мог равнодушно вспомнить о графе Коковцове, который всюду чинил ему препятствия, стараясь доказать, что его стремление к насаждению трезвости — пустые бредни, неосуществимые у нас на Руси, и смотрел на него как на маньяка... Не попав в Четвертую Думу, Челышев очень опасался, что начатая им пропаганда не найдет должных последователей, что враги трезвенного движения возьмут верх и вопрос пьянства нельзя будет сдвинуть с мертвой точки. Рескрипт Государя 30 января 1914 г. воскресил все его надежды; он внимательно следил за деятельностью Министерства финансов, которое еще до начала войны успело уменьшить потребление водки, теперь же, когда кабаки закрыты и, ввиду ясно выраженной царской воли и решимости правительства, останутся, по-видимому, навсегда закрытыми, он может с облегченной душой сказать себе: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко». Я возразил Челышеву, что практическая борьба с пьянством теперь только начинается; до настоящего времени существовала проповедь, зачастую горячая, но все же это были только слова, ныне слова претворяются в дело, в этот момент главные поборники трезвости не только не могут считать свою задачу оконченной, а должны удвоить свою энергию, чтобы идеи свои провести в жизнь. Я добавил, что общая

наша цель будет достигнута только в том случае, если правительство сможет опереться на местах на таких апостолов трезвости, как он, и я не сомневаюсь, что нам еще часто придется встречаться за дружной совместной работой в области трезвенности. К сожалению, моему пожеланию не суждено было сбыться, так как в следующем году преждевременная смерть унесла в могилу Челышева — этого искреннего, убежденного проводника трезвости[1].

Второй случай, который произвел на меня тоже большое впечатление, это прием депутации от ломовых извозчиков Петрограда. В нескладных, сбивчивых выражениях эти простые люди нарисовали мне яркую картину, какую представляла их рабочая жизнь при существовании кабаков. С раннего утра извозчики бывали уже пьяны, там, где они работали, непечатная брань обычно стояла в воздухе, каждый был другому враг, норовил как-нибудь помешать товарищу, повредить его работе. Никакие увещевания трезвых товарищей не действовали на пьяных и только еще более ожесточали их дикие выходки, неделя же заканчивалась безобразным пьяным разгулом, нередко сопровождавшимся смертным боем. С закрытием кабаков все резко изменилось, люди поняли, что можно жить по-человечески, совершенно преобразились, еще не могут прийти в себя от

[1] Через несколько дней после посещения Челышева министр земледелия А. В. Кривошеин, здороваясь со мной в Мариинском дворце перед заседанием Совета министров, обратился ко мне со словами: «Правда ли, что у вас был Челышев и, встав на колени, сделал вам земной поклон за вашу решимость покончить с пьяным бюджетом?» Я был очень озадачен этим вопросом, так как даже никому из близких не рассказал о том, как меня поразил Челышев, когда вошел в кабинет и, прежде чем поздороваться, опустился передо мной на колени и сделал земной поклон. Я взял его за обе руки, помог ему подняться, обнял его и сразу не мог сказать ни слова, настолько велико было мое смущение. Только когда Челышев первый заговорил, я овладел собой и мог ответить на его приветствие. На выраженное мною удивление, откуда Кривошеину стало известно о посещении меня Челышевым, Александр Васильевич К. ответил мне, что во многих газетах, со слов самого Челышева, напечатана беседа его со мной, причем особо отмечено, как этот поборник трезвости меня приветствовал. *(Примеч. авт.)*

происшедшей перемены и удивляются, как у них теперь спорится работа. В заключение ломовые извозчики оставили мне покрытую многочисленными подписями записку, в коей просили повергнуть к стопам Государя их верноподданническую благодарность за милостивое попечение о своем народе, проявленное им при издании повеления о закрытии кабаков. Я с особенным удовлетворением на ближайшем докладе довел до сведения Государя об этом посещении и передал потом представителю депутации милостивые слова благодарности за выраженные верноподданнические чувства, которые Государь собственноручно начертал на записке ломовых извозчиков.

Слова мои, сказанные корреспонденту газеты «Речь», о том, что я, несомненно, найду надлежащую поддержку в Совете министров при проведении запретительных мер по торговле крепкими напитками, вполне оправдались. Прежде чем представить проект таких мероприятий на рассмотрение Совета, я подверг их обсуждению в совещании под своим председательством, где даже представители таких ведомств, как, например, Министерство путей сообщения, на содействие коего в этом деле я совсем не рассчитывал, оказались решительными поборниками трезвости и всецело поддержали мои предположения, которые засим нашли полное одобрение в Совете министров. Вследствие сего, в течение непродолжительного срока по опубликовании высочайшего повеления, по всем ведомствам были отданы вполне согласованные, подробные распоряжения, призывающие всех чинов к энергичному поддержанию изданных запретительных мер по изготовлению и продаже крепких напитков.

Решение Государя закрыть питейные заведения во время войны встретило всеобщее одобрение по всей стране. Даже депутаты Кадетской партии выказали удовлетворение и поздравили правительство, чего раньше никогда не бывало. Один из их лидеров, Шингарев, который после революции стал министром финансов Временного правительства, произнес следующую речь:

«В начале войны правительство приняло важнейшее решение: винные лавки и кабаки, которые были под контролем правительства, были закрыты указом. Это решение принесло большую пользу народу, населяющему империю. Однако, оно вызвало уменьшение доходности на сумму в 800 млн рублей. Я должен подчеркнуть, что все ответственные и производительные народные силы России приветствовали этот указ с большим удовлетворением. Это является первым шагом мудрой финансовой политики: государство не пользуется более прибылью от народного порока. Наша казна потерпела большой урон от этого мероприятия, и до сего времени не было еще примера, подобному этому, в продолжение финансовой истории России. Нельзя найти подобного примера и в мировой истории с самого ее начала — и во время войны, когда воюющие должны были искать денег всякими способами в их распоряжении — иногда честными, а иногда и сомнительными. Они имели возможность прибегать к добровольным займам и пожертвованиям со стороны населения, но иногда и к конфискации частной собственности. Но, как бы тщательно ни просматривали мировую историю, вы не найдете примера, подобного этому, — чтобы государство отказалось от наиболее постоянного источника дохода с началом войны. Ни одно правительство никогда не принимало такого замечательного и смелого решения. Закон, проведенный сейчас в России, показывает не только смелость правительства, но и то, что государство поняло, какой ущерб и разложение наносило пьянство нашему народу, и что правительство имеет полную веру в конструктивные способности народа, который сам по себе, по натуре, воздержанный и упорный в работе. Эти факты требуют доверия к правительству. Изучение психологических и практических проявлений нормальной интеллектуальной и экономической деятельности нашего народа показывает громадную разницу того, что было до и после этого мероприятия. Число преступлений уменьшилось в поражающей пропорции. Статистические данные, опубликованные по этому поводу министром юстиции,

показывают самые низкие цифры по количеству преступлений, как то драк, убийств и нападений, во всех губерниях. Теперь мир и тишина воцарились повсюду — в семье и в более широких кругах социальной жизни. Экономические результаты также удивительны. Статистика, взятая в 40 губерниях, показывает, что убытки от пожаров уменьшились на 56%, а количество пожаров — на 46%. Вы знаете, господа, что потери, вызванные пожарами в России, исчислялись миллионами рублей в год. Производительность труда в промышленных предприятиях и на фабриках сильно поднялась. Общество мануфактур и промышленности в Москве публикует обзор по этому вопросу, из которого вытекает, что человек показывает значительно бóльшую производительность, а число отлучек, штрафов и недоразумений тоже уменьшилось. Фактически — обильно доказано, что запрещение спиртных напитков имеет самое благотворное действие на народ в смысле нравственном, политическом и экономическом»[1].

Энтузиазм, вызванный Императорским указом, постепенно охлаждался, и некоторое беспокойство начало чувствоваться в кругах, особо затронутых запрещением, чувствовалось, что сильное давление будет пущено в ход, чтобы повлиять на министра финансов и изменить его политику, как только война будет окончена. Я чувствовал это беспокойство, в особенности среди членов Государственной думы — независимо от принадлежности их к той или другой партии. Депутаты часто высказывали мне сомнения в искренности кабинета относительно запрещения спиртных напитков. Они дали мне понять, что многие из числа членов Совета министров говорили им в частном порядке, что меры, принятые во время войны, слишком строги, чтобы остаться в силе после ее окончания, когда условия станут нормальными. Вопрос должен будет обсуждаться снова, и менее связывающие

[1] А. И. Шингарев выступил в IV Государственной думе с обсуждением бюджета 27 января 1915 г., в первый день ее трехдневной 3-й сессии. См.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Пг., 1915. Стб. 150–151.

решения должны будут вводиться. Депутаты настаивали на том, чтобы министр финансов предложил Думе безотлагательный закон, который пояснял бы предположение Императорского указа и имел бы постоянный характер. Интересно отметить, что либеральные элементы Думы с наибольшим энтузиазмом поддерживали полный запрет продажи спиртных напитков. Я часто обсуждал этот вопрос с Его величеством. Я считал, что самым лучшим было бы это дело разделить на две части. Первое — уменьшить число питейных заведений и, следовательно, уменьшить доход от винной монополии, возместив его из других источников. Второе — это конструктивный план, включающий меры и пропаганду, рассчитанные на перемену отношения русского народа к спиртным напиткам и ослабление его пристрастия к вину. Ясно, что закон только запретительный не может изменить народной привычки, привитой ему в течение столетий. Настойчивые усилия должны быть предприняты в этом направлении для поднятия культурного уровня народа и для обучения его тому, как использовать свои досуги наиболее разумным образом. Об этом моем плане я уже говорил раньше, но считал, что это не дело министра финансов, и поэтому предложил императору создать специальный комитет, возглавляемый наиболее выдающимися и известными членами Государственного совета для выработки разумного плана. Лично я бы приветствовал назначение принца А. П. Ольденбургского или графа Витте в качестве председателя такой организации. Принц А. П. Ольденбургский, хотя и был уже старым человеком, был известен своей неутомимой энергией и упорной деятельностью в различных самых достойных отраслях. Он был инициатором создания в Петербурге большого здания, известного под названием «Народного Дома», где театральные представления давались по доступным для народа ценам. Крупные лаборатории для научных изысканий были построены на его личные средства, и он был попечителем различных учебных заведений и обществ трезвости. Во время войны император поручил

ему контроль над всеми госпиталями[I]. Что касается графа Витте, то он не потерял еще ничего от своей прежней энергии и не был доволен той праздностью, на которую он был обречен как член Государственного совета, участвовавший лишь в общих собраниях. Я говорил о моем плане несколько раз с председателем Совета министров Горемыкиным, который прекрасно знал вопросы гражданского управления. Горемыкин был хорошо расположен ко мне, и мы оба имели взаимное тяготение, потому что были назначены на свои посты одновременно. Он всегда был готов дать мне совет, но был очень сдержанным относительно запрета вина, так как не был оптимистом по этому вопросу. Он предупредил меня, что будет очень трудно убедить Государя назначить Витте председателем такого комитета, какой я имел в виду. Деятельность Витте в течение беспокойного периода после Манифеста 17 (30) октября 1905 г. и до открытия Первой Государственной думы оставила неприятное впечатление у Его величества[II]. Его доверие к Витте было подорвано, и Горемыкин не думал, что Государь согласится на мое предложение.

Естественно, война отодвинула на задний план вопрос о комитете и общий вопрос об организации борьбы с алкоголизмом. Все национальные усилия были сосредоточены на войне, и мне казалось неблагоразумным поднимать этот вопрос в 1914 г. и в начале 1915 г., — однако на мне все же лежала трудная задача приготовить закон, включающий пожелания Государя, выраженные в Императорском указе относительно продажи спиртных напитков, и провести закон через палаты. В течение второй половины 1915 г. я говорил несколько раз об этом с моими коллегами по кабинету, но мои предпо-

[I] Принц А. П. Ольденбургский 3 сентября 1914 г. был назначен верховным начальником санитарной и эвакуационной части. Находился на этой должности до 22 марта 1917 г.

[II] Николай II сообщал Марии Федоровне 2 ноября 1906 г., подразумевая С. Ю. Витте: «Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела! Довольно прошлогоднего опыта, о котором я вспоминаю, как о кошмаре» (Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 208).

ложения оставались без ответа. В этот период с 1914 г. было много перемен в Кабинете министров, и оставалось только два министра из тех, которые присутствовали в Москве, когда император просил правительство высказаться по вопросу об алкоголе[I]. Председателем Совета министров был в то время Горемыкин. Теперь его сменил Штюрмер, который совсем не интересовался этим вопросом. Вследствие этого было нелегко заставить моих коллег обсудить закон, который министр финансов предлагал представить на обсуждение в Государственной думе. Я оказался в трудном положении. Один из моих сотрудников, Хрипунов, который был директором Департамента монополий и косвенных налогов[II], предложил мне остроумную процедуру.

Закон о некоторых изменениях в применении винной монополии, подготовленный моим предшественником и рассматривающийся сначала Думой и затем Государственным советом в 1913 г., с тех пор застрял в многочисленных думских комиссиях. Закон дал повод графу Витте, который в свое время ввел винную монополию, с большой силой осудить Министерство финансов. Он заявил, что, когда ввел монополию, заменявшую предыдущий порядок, он имел намерение уменьшить потребление водки и увеличить производительность страны. Когда он покинул Министерство финансов, та цель, которую он преследовал при введении монополии, оказалась все же недостигнутой. Дальнейшие усилия министерства были направлены к тому, чтобы увеличить доход, и, конечно, число винных лавок увеличивалось, против желания населения и губернаторов. Граф Витте сравнивал монополию с Мефистофелем, который управлял Министерством финансов и его сотрудниками и ввел [их]

[I] На самом деле — четыре министра: П. Л. Барк, морской министр адмирал И. К. Григорович, министр иностранных дел С. Д. Сазонов и министр Императорского двора генерал граф В. Б. Фредерикс.

[II] Имеется в виду Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, структурное подразделение Министерства финансов, существовавшее с 1896 по 1919 г. и ведавшее косвенными налогами и винной монополией.

в заблуждение[I]. Государственный совет предложил ввести разные поправки в закон. Затем он был предложен на утверждение Думы, а оттуда опять в парламентскую комиссию. Хрипунов вошел в контакт с одним из депутатов, Годневым, который был страстным поборником запрета, и устроил, что закон, с большими поправками, снова бы поступил на рассмотрение Думы[II]. Я доложил Его величеству о всех этих прениях. Государь сказал мне, что он считает, что потребление водки стало настоящим злом в России, но что, с другой стороны, он хотел бы оберечь интересы виноделов, чтобы виноградное вино продавалось при некоторых формах контроля. Я сказал Государю, что Дума предполагает предложить облегчения для винодельческих областей России, с тем, чтобы местное производство могло найти сбыт. Я добавил, что французское правительство, несомненно, выразит неудовольствие, так как ввоз иностранных вин будет запрещен. Окончательное рассмотрение закона состоялось летом 1916 г., и он был утвержден Государственной думой[III]. Я находился в это время в Париже, и, как я и предполагал, французское правительство не скрыло своего неудовольствия по поводу изъятия с русского рынка иностранных вин. Министр финансов Рибо, защищая передо мною интересы французских виноторговцев, просил меня приложить все усилия и мое влияние при рассмотрении закона в Государственном совете по моем возвращении в Россию для допущения французских вин на русский рынок. Я сказал Рибо, что охотно исполню его просьбу, но, зная настроение верхней палаты в этом деле, сомневаюсь в успехе. Я намеревался предложить некоторые поправки, но не был уверен в согласии Государственного совета. Я не ошибся. Несколько месяцев прошло, прежде чем дело поступило на рассмотрение в Государственный совет. Я вернулся в Россию во время роспуска палат. Новая сессия должна была открыться осенью. Закон же о запрещении продажи спиртных напитков должен был пройти в январе 1917 г. Он поступил на рассмотрение комиссией и прошел единогласно на первом же заседании[I]. Общее же собрание для его окончательного утверждения должно было состояться 27 февраля (12 марта).

Но революция положила конец этой благодетельной реформе.

[I] Текст речи, с которой С. Ю. Витте выступил 10 января 1914 г. в Общем собрании Государственного совета, см.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия 9. Стб. 341–348.

[II] Отметив, что «страстным защитником» законопроекта о сухом законе «вдруг оказался левый октябрист Годнев», Н. В. Савич писал: «Теперь он вдруг проникся озлоблением и к винной монополии, и к ее творцам. Как врач по профессии, он считал себя наиболее подготовленным для того, чтобы быть докладчиком по законопроекту, внесенному Барком, о воспрещении продажи и потребления вина. Под его редакторским пером законопроект принял крайние формы, принцип сухого режима доводился до предела, до абсурда. Противники не считали нужным бороться против этих крайностей, они говорили, что прохождение закона обеспечено, что мера эта настолько резко расходится с народной психологией и вековыми нравами населения, является таким ярким примером насилия правительственной власти, что долго она существовать не может. Пока идет война, народ, может быть, будет еще мириться с этим нарушением его понятий и вековых привычек, но затем всеобщее возмущение должно все равно снести эту новеллу. Крайности закона лишь скорее выявят его абсурдность. Таким образом, законопроект попал в Общее собрание Государственной думы в редакции автора под титулом закона "О воспрещении пьянства навсегда". В таком виде он и был принят» (*Савич Н. В.* Воспоминания. С. 137–138).

[III] Законодательное предположение «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости» группа депутатов IV Государственной думы внесла в нее 1 августа 1915 г. По докладу Подкомиссии по борьбе с пьянством Комиссии о народном здравии Общее собрание Думы 16 июня 1916 г. одобрило законопроект о введении сухого закона «на вечные времена».

[I] Временная комиссия при Государственном совете для обсуждения законопроекта «Об изменении и дополнении некоторых относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков постановлений» была избрана еще 20 февраля 1915 г. в составе 15 членов под председательством В. К. Саблера.

ГЛАВА VI

В своем рескрипте Государь император рассматривал винную реформу как часть большой и решительной программы, для проведения которой Его величество предполагал давать мне в свое время соответствующие указания. Он также указал, что желает, чтобы национальные богатства были более разработаны и наше промышленное производство увеличено.

Убыль, вызванная уменьшением дохода от винной монополии, должна была, очевидно, быть возмещенной доходом от новых налогов.

Для подготовки новой налоговой системы я хотел иметь поддержку разных технически сведущих людей, а также советы влиятельных государственных деятелей. Как обычно, я посоветовался с моим другом А. В. Кривошеиным — сказал ему, что намерен привлечь в Министерство финансов некоторых профессоров, как это сделал Витте, когда был назначен министром финансов. Я предполагал привлечь профессора Московского университета П. Ф. Гензеля — он обратил на себя мое внимание статьями по валютным вопросам в «Русских ведо-

мостях»[I], и мне его рекомендовал член Государственной думы А. И. Шингарев. Кривошеин, будучи практичным, посоветовал мне профессора Петербургского университета П. П. Мигулина, который был женат на дочери председателя думской Бюджетной комиссии[II] М. М. Алексеенко, вследствие чего мог быть очень полезен Министерству финансов при разработке законодательных вопросов. Я объяснил Кривошеину, что хотя я намерен следовать примеру графа Витте, но не хочу подражать его методам. Он вызвал в свое время большое неудовольствие среди многих очень компетентных чиновников Министерства финансов, назначив профессора университета на должность товарища министра[III]. Вскоре ему пришлось убедиться, что он переоценил способности профессора — и должен был от него избавиться. Я сказал Кривошеину, что лично могу назначить Мигулина на должность члена Совета при министре финансов[IV], а Гензеля — на должность члена Совета Государственного банка[V]. Эти должности не требуют никакой административной работы. Кривошеин согласился со мною, но предупредил, что Мигулин честолюбив и, вероятно, будет думать, что его назначение в Совет при

[I] «Русские ведомости» — ежедневная общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 по 1918 г. Придерживалась либеральной ориентации и была близка к Конституционно-демократической партии.

[II] Бюджетная комиссия — постоянная комиссия Государственной думы, рассматривавшая вносившийся в нее правительством бюджет, обычно тратя на это 3–4 месяца.

[III] П. Л. Барк подразумевал состоявшееся в 1893 г. назначение товарищем министра финансов профессора Киевского университета А. Я. Антоновича, который занимал этот пост до 1896 г.

[IV] Совет министра финансов — коллегиальный совещательный орган, учрежденный в составе Министерства финансов в 1811 г. для рассмотрения наиболее важных вопросов деятельности министерства. Председателем совета был (по должности) министр финансов, его членами являлись (также по должности) товарищи министра, директора департаментов и других подразделений министерства, а кроме того — «особенные члены», назначавшиеся императором. Упразднен в 1917 г.

[V] Совет Государственного банка — консультативный орган, существовавший при управляющем этим банком с 1860 по 1917 г. и состоявший из представителей ведомств и лиц, особо назначенных царем.

министре финансов станет ступенью к должности товарища министра[I].

С Кривошеиным я также обсуждал вопрос о реформе Государственного банка. Я хорошо изучил за границей деятельность эмиссионных банков и предполагал, что для упрочения нашего кредита наш Государственный банк, которому вверен выпуск бумажных денег, должен стать более независимым и не быть в положении одного из департаментов Министерства финансов. Чтобы достигнуть этого, я имел намерение назначить главным директором Государственного банка И. П. Шипова, который был уже членом Государственного совета,

[I] Решение П. Л. Барка воспользоваться помощью экспертов объяснялось тем, что работать с ним отказались ближайшие сотрудники В. Н. Коковцова, который 31 января 1914 г., во время своего последнего всеподданнейшего доклада, обратился к Николаю II с «почтительным ходатайством» об устройстве судьбы всех трех товарищей министра финансов — С. Ф. Вебера, И. И. Новицкого и Н. Н. Покровского. «В горячих выражениях я, — вспоминал В. Н. Коковцов, — аттестовал их службу и ходатайствовал перед Его величеством о назначении их в Государственный совет, на что уже М. Г. Акимов изъявил свое предварительное согласие. Продолжая меня слушать все с тем же вниманием, Государь остановил меня даже в одном месте моего доклада — именно в том, когда я доложил ему, что это моя последняя просьба, как председателя Совета министров и министра финансов, и сказал мне: "Зачем вы так говорите, Владимир Николаевич, вашу просьбу я всегда исполню, но как же обойдется Барк без таких опытных сотрудников, как ваши бывшие товарищи". Я предложил Его величеству утвердить их назначение, но повелеть им продолжать свои занятия по Министерству финансов до тех пор, когда Барк найдет им достойных преемников, и постарался рассеять сомнения Государя, главным образом, тем соображением, что для нового курса требуются новые люди и что самому Барку гораздо выгоднее иметь товарищами людей по его собственному выбору, вместо того, чтобы располагать сотрудничеством прежних людей, привыкших к известной рутине и не способных уже приспособляться к совершенно новым требованиям. Впоследствии я слышал, что эта горячая защита моих бывших товарищей и настойчивое ходатайство в их пользу повредили мне в глазах Государя, т. к. нашлись доброжелатели, которые истолковали это как желание затруднить положение моего преемника и изъять из ведомства наиболее деятельных и талантливых работников. Я не хочу подробно останавливаться на том, как несправедливо это заявление. Помочь моим товарищам я считал своим нравственным долгом, тем более что и без моего содействия они не остались бы на своих местах» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 238–239).

а в свое время был одним из наиболее верных сотрудников С. Ю. Витте. Я познакомился с Шиповым, когда начал работать в Кредитной канцелярии, где он был помощником начальника канцелярии[I]. Он стал министром финансов, когда граф Витте ушел с этой должности, чтобы стать председателем Совета министров[II]. Впоследствии Шипов был министром торговли и промышленности в течение многих лет[III]. Кривошеин не заинтересовался планом перемен в Государственном банке. Он не очень сочувствовал Шипову и считал также, что назначение члена Государственного совета директором Государственного банка, когда последний является департаментом Министерства финансов, — противно традициям государственной службы. Самое главное — он считал, что Шипов не согласится на мое предложение. Я сказал Кривошеину, что, может быть, [он] и прав, но я все же попробую осуществить мой план. И. П. Шипов был очень удивлен, когда я запросил его. Он попросил дать ему 24 часа, чтобы обдумать мое предложение, и на другой день уже дал мне свое согласие. Я помнил, что, когда Шипов был министром торговли, он всегда посвящал много времени внимательному изучению всех дел, которые касались Государственного банка.

Назначение Шипова директором Государственного банка вызвало сенсацию; впечатление в бюрократическом мире было глубоким[IV].

[I] И. П. Шипов был вице-директором Особенной канцелярии по кредитной части с 1894 по 1897 г., между тем с 1895-го П. Л. Барк являлся секретарем при управляющем Государственным банком.

[II] На самом деле И. П. Шипов стал министром финансов 28 октября 1905 г., после назначения С. Ю. Витте председателем Совета министров и по его инициативе, и ушел с этого поста 24 апреля 1906 г., в связи с отставкой виттевского кабинета. Непосредственными преемниками С. Ю. Витте по должности министра финансов в 1903–1905 гг. были Э. Д. Плеске и В. Н. Коковцов.

[III] Министром торговли и промышленности И. П. Шипов являлся не «много лет», а только с 23 января 1908 по 13 января 1909 г., т. е. менее года. Затем он числился членом Государственного совета по назначению.

[IV] И. П. Шипов был назначен управляющим Государственным банком 22 апреля 1914 г. с оставлением членом Государственного совета, но 1 января 1915 г. по рекомендации исполнявшего обязанности председателя Государственного совета И. Я. Голубева выведен из

В течение трех лет, во время которых я был на посту министра финансов, Шипов оказывал мне большую поддержку. Срочные вопросы, вызванные войной, заставили меня отложить перемены, которые я хотел ввести в Государственном банке. Несмотря на это, Шипов оставался наиболее верным сотрудником и мог, благодаря своему большому опыту, помогать и содействовать мне по многим вопросам, которые не имели прямого отношения к Государственному банку. После революции Шипов последовал за Белой армией и заболел сыпным тифом, свирепствовавшим в Екатеринодаре. Ему было немного более пятидесяти лет, когда он скончался[I].

Оба университетских профессора были очень полезны. Они были компетентны и в особенности оказывали большую помощь, намечая новые налоговые предложения, которые должны были бы заменить доход от продажи спиртных напитков. Все же Кривошеин был прав, предвидя, что Мигулин не будет доволен оставаться членом Совета при министре финансов и что он мечтает стать товарищем министра. Он представлял мне разные предложения, касающиеся специальных выпусков кредитных билетов для покрытия военных расходов. Я изучал эти предложения вместе с чиновниками Кредитной канцелярии, но не давал им хода, так как они казались мне непрактичными. Мигулин был разочарован. Он решил примкнуть к оппозиции и повел атаку на меня в целой серии статей, которые иногда были очень интересны. Делал он это в то время, когда было очень в моде нападать на правительство. Даже патриотическая газета «Новое время» печатала некоторые статьи Мигулина. Все же я должен воздать должное корректности газеты. Издатель «Нового времени», который был со мною в отличных отношениях, не принимал самых желчных выпадов, он печатал только умеренные порицания, предварительно заручившись моим на то согласием[I].

числа присутствующих членов верхней палаты. Однако 29 декабря 1915 г. Николай II снова сделал И. П. Шипова присутствующим членом, с оставлением управляющим Государственным банком.

[I] И. П. Шипов скончался в 1920 г., будучи 55 лет от роду.

Я никогда не пропускал случая осведомить Государя о нападках на меня в прессе, чтобы представить объяснения по этим поводам. Обыкновенно Государь не обращал большого внимания на такого рода критику в газетах, но статьи Мигулина его забавляли. Он расспрашивал меня о подробностях и, когда знакомился с моими пояснениями, очень смеялся вместе со мной относительно министра финансов, который платит жалованье профессору университета для того, чтобы иметь удовольствие читать нападки своего подчиненного в газетах[II].

Мои первые месяцы в Министерстве финансов прошли очень быстро. Естественно, что я был очень занят, так как должен был заниматься текущими делами, было необходимо выбрать новых сотрудников, обычные заседания Кабинета министров также брали у меня мно-

[I] «Новое время» — ежедневная общественно-политическая газета, издававшаяся в С.-Петербурге (Петрограде) в 1868–1917 гг. В начале XX в. имела консервативно-либеральное направление и была близка к Всероссийскому национальному союзу (Партии националистов). П. Л. Барка связывали особые отношения с «Новым временем», поскольку руководимый им Волжско-Камский банк с февраля 1911 г. являлся основным пайщиком образованного тогда «Товарищества А. С. Суворина "Новое время"», а П. Л. Барк — членом его правления. К этому времени главным редактором газеты был М. А. Суворин, на которого и намекает П. Л. Барк. Подробнее см.: *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин... С. 291–293, 297–299.

[II] П. П. Мигулин инсинуировал против П. Л. Барка и в частном порядке, например — в своих письмах тестю. «Барк, — сообщал П. П. Мигулин М. М. Алексеенко 27 октября 1915 г., — осрамился в Бюджетной комиссии. Выдумал говорить с пафосом о страданиях солдат в окопах, что и мы должны страдать и т. п. Договорился до слов "безумие", после чего Годнев сказал, что покидает комиссию, ибо оскорблен (Барк отвечал именно Годневу). Барк струсил, стал извиняться и взял слово назад» (П. П. Мигулин — М. М. Алексеенко. 27 октября 1915 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 452). «Что нес Барк в комиссии Государственного совета... — писал М. М. Алексеенко его зять 12 января 1916 г. — Совестно было читать» (П. П. Мигулин — М. М. Алексеенко. 12 января 1916 г. // Там же. С. 457). Не исключено, что эта перлюстрация доставлялась, по принадлежности, П. Л. Барку, который, однако, терпел интриги П. П. Мигулина вплоть до Февральской революции 1917 г.

го времени. Моими наиболее значительными коллегами крайне правого направления в кабинете были Щегловитов — министр юстиции, Маклаков — министр внутренних дел и Кассо — министр народного просвещения. Все они старались привлечь меня на свою сторону. Я должен был самостоятельно выбирать путь между сталкивающимися течениями по работе Кабинета министров и решил, что самое правильное для меня будет проявлять наибольшую сдержанность, дабы сохранять полную независимость. Я так же относился и к людям, не занимавшим официального положения. Естественно, со времени моего назначения я приобрел массу «друзей», которые ожидали момента, чтобы выказать свои чувства.

Среди них было немало хорошо известных и влиятельных людей, и я должен был быть очень осторожным, чтобы не попасть в западню. Некоторые из моих новых друзей были, несомненно, искренни и хотели мне помочь. Все же большинство из них имело в виду свои личные интересы.

Одним из наиболее выдающихся моих новых друзей был граф Витте. Его карьера была поразительной. По окончании университета он поступил в Управление Юго-Западной железнодорожной компании[I]. Он быстро продвигался по службе благодаря своим большим способностям и вскоре стал председателем этого общества, главное управление которого находилось в Киеве[II]. Его считали большим знатоком железнодорож-

[I] Подразумевается правление «Общества Юго-Западных железных дорог».

[II] В действительности С. Ю. Витте, по окончании, в 1870 г., физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета, служил в дирекции Одесской железной дороги, в 1871–1874 гг. — в канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. В 1874–1877 гг. он являлся сверхштатным чиновником Департамента общих дел МПС и одновременно служил в управлении Одесской железной дороги, где прошел должности конторщика грузовой службы, помощника машиниста, начальника станции, контролера движения, заведующего конторой движения и помощника начальника эксплуатации дороги. Только в 1878 г., после присоединения Одесской железной дороги к Юго-Западным железным дорогам, С. Ю. Витте был назначен заведующим Отделом эксплуатации правления этих дорог

ного дела, и когда министр финансов Вышнеградский создал новый департамент для разработки вопросов, связанных с финансовой помощью железнодорожному управлению, он попросил Витте стать во главе этого департамента[I]. Несколько лет позже Вышнеградский посоветовал императору Александру III назначить Витте на освободившийся пост министра путей сообщения и транспорта. Вскоре после этого, по состоянию своего здоровья Вышнеградский должен был уйти в отставку, и Витте стал министром финансов[II]. Он оставался на этом посту в течение 11 лет, с 1892 по 1903 г., и проявил большую деятельность в этот период. Крупные перемены были проведены в жизнь, из них наиболее значительными были — восстановление золотого обеспечения, реорганизация Государственного банка[III] и введение винной монополии. В 1905 г. император Николай II поручил Витте трудную задачу переговоров о заключении мира с Японией. Витте, который никогда раньше не вел дипломатических переговоров, поехал в Портсмут в Соединенных Штатах Америки и начал переговоры с японской делегацией в самом невыгодном положении. Американское общественное мнение было явно враждебно России, и даже президент Рузвельт (Теодор) не скрывал

(с местопребыванием в Петербурге, а не Киеве), а управляющим ими — в 1886 г.

[I] Имеется в виду Департамент железнодорожных дел — подразделение в составе Министерства финансов, созданное в 1889 г. по инициативе С. Ю. Витте, являвшегося его директором до 1892 г. Департамент ведал железнодорожным тарифным делом и вообще всеми делами по железнодорожной части, подлежавшими компетенции этого министерства. Упразднен в 1917 г.

[II] Управляющим МПС С. Ю. Витте был назначен 15 февраля 1892 г., Министерством финансов — 30 августа того же года.

[III] По инициативе С. Ю. Витте 6 июня 1894 г. Александр III утвердил новый Устав Государственного банка. Теперь он получил возможности для расширения операций по кредитованию промышленности, выдавая ссуды под сельскохозяйственные имения и фабрично-заводскую недвижимость сроком до 2 лет, и операций с товарами, выдавая ссуды под товары, прежде всего — зерно, сроком до 9–15 месяцев. Помимо этого, были созданы предпосылки для превращения Государственного банка в центральный эмиссионный банк, положение которого за ним закрепил Указ 29 августа 1897 г. о денежной реформе.

своих прояпонских чувств. Япония предъявила очень большие требования, и переговоры были очень трудные. Витте добился соглашения по всем вопросам, но не хотел уступать относительно контрибуции и Сахалина. Все же ему пришлось уступить половину Сахалина, но по вопросу о контрибуции он остался тверд. В это время его демократический подход к американцам произвел большое впечатление в Соединенных Штатах. Общественное мнение стало благожелательным к нему, и президент Рузвельт посоветовал японцам не настаивать на уплате контрибуции, так как они потеряют симпатию в мире, если будут продолжать войну, только чтобы получить бóльшую сумму денег.

Мир был заключен в Портсмуте[I]. Витте вернулся в Россию через Францию, и французское правительство просило его переговорить с императором Вильгельмом II по Марокканскому вопросу. Германский император принял Витте очень любезно в охотничьем доме на границе с Россией. После очень долгого разговора Вильгельм II согласился разрешить Марокканский вопрос согласно французским пожеланиям[II].

По возвращении в Россию Государь вознаградил С. Ю. Витте пожалованием ему графского титула[III]. Несколько месяцев спустя Витте сыграл большую роль в проведении в жизнь учреждения Государственной думы, объявленного в Манифесте 17 (30) октября 1905 г.[IV] Витте был первым председателем Совета министров в составленном им кабинете. В 1906 г. он сдал свой пост и остался только членом Государственного совета и председателем Комитета финансов[V]. В 1914 г. он

[I] Портсмутский мирный договор между Россией и Японией был заключен 23 августа (5 сентября) 1905 г.

[II] Имеется в виду кризис, вызванный в начале 1905 г. колониальными противоречиями между Францией и Германией в Марокко.

[III] С. Ю. Витте получил титул графа 18 сентября 1905 г.

[IV] В Манифесте 17 октября 1905 г. не говорилось об учреждении Государственной думы, а содержалось, помимо прочего, повеление Николая II правительству о превращении законосовещательной Думы в законодательную.

[V] Комитет финансов — существовавший с 1806 по 1917 г. высший совещательный коллегиальный орган по вопросам финансовой политики,

редко выступал в Государственном совете и только тогда, когда затрагивались крупные финансовые вопросы. Все же, как председатель Комитета финансов, он был хорошо осведомлен по текущим делам и также продолжал интересоваться политикой. По многим причинам он был доволен назначением меня на пост министра финансов. Он всегда был хорошо ко мне расположен, когда я работал под его начальством. Он не любил Коковцова и, очень его критикуя, считал, что тот не сумел сохранить престиж министерства. С тех пор как он устранился от активной деятельности в правительстве, он мог высказывать свои неудовольствия. Все же оставаясь со мной в хороших светских отношениях, он думал, что может через меня иметь некоторое влияние на решения финансовых и политических вопросов, пока я останусь на министерском посту. Тотчас же после моего назначения, он пригласил мою жену и меня к обеду, на котором было несколько членов Императорской фамилии — по телефону он мне объяснил, что мне следует знать Двор.

Я всегда был большим поклонником графа Витте, которого считал наиболее выдающимся государственным деятелем после Столыпина, но опасался его необузданного характера, который ему очень вредил. Несмотря на блестящий ум и несомненные качества, он не сумел удержать за собой доверие Государя. Контраст между натурами Государя и Витте был слишком большим для близкого сотрудничества, что было тоже и между императором и Столыпиным. Все же Государь оставил Витте в течение девяти лет на посту министра финансов[1] и затем призывал его для разрешения многих сложных государственных вопросов. Но в последнее время Государь не искал поддержки у Витте и не имел намерения советоваться с ним в дальнейшем. Я понял это из рескрипта, в котором Его величество упомянул Вышнеградского, под начальством которого я прослужил только несколь-

бюджета и кредита. Его председатель и члены назначались императором, но по представлению министра финансов. Непериодические заседания комитета происходили в обстановке полной секретности.

[1] С. Ю. Витте находился на посту министра финансов 11 лет.

ко месяцев, но ничего не сказал о Витте, которому я обязан был моим быстрым продвижением в Министерстве финансов.

Я знал, что Витте хотел представить меня великим князьям как своего ученика и воспользоваться мною в своих нападках на моего предшественника, что мне никак не нравилось. Я был очень занят, не мог вести светскую жизнь и ни в коем случае не хотел примыкать к тем, которые осуждали деятельность графа Коковцова[1].

[1] Очевидно, П. Л. Барк сделал выводы из беседы с В. Н. Коковцовым, состоявшейся 30 января 1914 г., когда он мотивировал свой уход из Комитета финансов. «Перед тем, чтобы уйти от меня, — гласит запись В. Н. Коковцова, сделанная им тогда же, — Барк спросил меня, не могу ли я сказать ему, почему я ушел из Финансового комитета и лишил его возможности знать мое мнение хотя бы в области дел, разрешаемых Комитетом. Я сказал ему также с полною откровенностью, что этим моим шагом я не только не затруднил, но, напротив того, облегчил его положение в Комитете, и уверен, что и он, будь он на моем месте, поступил бы точно так же. Я просил его припомнить то, о чем он был прекрасно осведомлен, а именно о том, какими особенностями отличалось отношение ко мне председателя Комитета, графа Витте, начиная с возвращения его из-за границы в половине сентября 1913 г. Не было тех ошибок, в которых не обвинял бы он меня, несмотря на то, что еще за 2–3 недели до возвращения он рассказывал в Париже направо и налево, что лучшего министра финансов и даже председателя Совета министров в настоящее время в России нет. По его словам, я и опытный финансист, твердо охраняющий финансовую устойчивость от всяких бессмысленных увлечений, я и осторожный политик, оберегающий страну от всяких опасных экспериментов, до войны с Германией включительно, а если во мне замечается недостаточная авторитетность в отношениях к Думе и Государственному совету, то в этом вина не моя, а тех, кто гораздо выше меня, так как они отлично понимают, что вне Государя у министров нет никакой опоры. Через 2 недели все переменилось, и я стал чуть ли не государственным преступником. Стоит только припомнить речи графа Витте в Государственном совете по вопросу о борьбе с пьянством и его настойчивые выкрики "караул", сопровождаемые прямым обвинением меня в том, что я развратил Россию, споил ее и погубил ту благодетельную меру, которую он изобрел в виде винной монополии. Стоит прочитать затем его интервью в "Новом времени", тотчас по возвращении из-за границы, в котором он резко осуждал всю мою железнодорожную политику и обвинил меня в том, что, играя в руку железнодорожным тузам и чуть ли не преследуя личные цели, я душил казенное строительство и внес прямой разврат (это его подлинное выражение) в частное строительство, сделавши его предметом самой неудержимой спекуляции. Ясно до очевидности, что теперь, когда главная цель достигнута и я более не у власти, граф Витте не удовольствуется одержанной победой. Я не знал еще тогда о том, что произошло 5 дней спустя и — справедливо или несправедливо — связано с его же именем. Для меня совершенно очевидно, что в Финансовом комитете начнется беспощадная критика всего, что я делал в течение 10 лет, и повторится с фотографическою точностью то, что происходило в сентябре 1905-го года в Совещаниях покойного графа Сольского по выработке закона о Совете министров. Что бы я ни сказал, граф Витте будет непременно возражать, и мне придется для проведения самого бесспорного положения прибегать к недостойному приему — говорить против своего убеждения для того, чтобы, опровергая меня, граф Витте пришел к правильному выводу. К тому же в Финансовом комитете не принято много спорить и, во всяком случае, совершенно не принято делать разногласий, всегда трудно разрешаемых Государем. Без всякого моего желания я прослыл бы за бесполезного спорщика, а министр финансов оказался бы между двух огней и, примкнув — что совершенно неизбежно — к мнению председателя, доставил бы мне только лишнюю досаду и огорчение. Наконец, мне просто нравственно тяжело входить в дом человека, настолько ко мне нерасположенного, и я имею, после всего мною пережитого, неотъемлемое право на покой и отдых, к которому я только и стремлюсь теперь» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 243–245).

Самые выдающиеся государственные люди часто поддаются желанию всячески критиковать тех, кто заменил их по должности. Человечно думать, что все сделанное благодаря нашим способностям и качествам — хорошо, и что те, кто получает от вас хорошо устроенное наследство, способны его испортить.

Я отказался от любезного приглашения графа Витте и должен прибавить, отдавая ему должное, что Витте не оказался злопамятным: в качестве председателя Финансового комитета, он помог мне значительно в моей трудной задаче и всегда был готов дать мне ценный совет, когда я к нему обращался за таковым[1].

[1] Заседания Комитета финансов происходили в особняке С. Ю. Витте на Каменноостровском проспекте, д. 5. Согласно данным наружного наблюдения за графом, 29 ноября 1914 г. в 20.50 к нему «приехал на моторе Горемыкин и вслед за ним стали съезжаться: Голубев, Барк, Рухлов, Кривошеин, всего — 13–14 человек. Сидели до 23» (Последний год жизни Сергея Юльевича Витте. По дневникам наружного наблюдения. 1914–1915 гг. // Исторический архив. 2004. № 4. С. 68–69). В это время С. Ю. Витте явно надеялся вернуться к активной деятельности по Министерству финансов, что попало в поле зрения осведомленных современников. «Я слыхал, — писал Г. В. Немирович-Данченко М. К. Акимову 30 октября 1914 г., — что руководители финансового ведомства испытывают некоторую растерянность в выборе финансовой полити-

Я имел аудиенцию у императора каждую пятницу в 11 часов утра. Во время второй аудиенции Государь сказал мне, что императрица хотела бы меня увидеть. Он добавил, что после моей следующей аудиенции я должен буду дать через камер-лакея мое имя Ее величеству. В следующую пятницу я сделал, как мне было сказано, и был проведен в комнаты императрицы. Она приняла меня очень милостиво. Около четверти часа мы оживленно говорили на разные темы, и я особо запомнил, что императрица говорила об улучшениях, которые следует сделать в Санкт-Петербурге. Она привыкла в Англии и Германии к тому, что даже самые большие города в этих странах имеют много деревьев и большие пространства, полные зелени, а в Петербурге нет ничего подобного для его населения. Императорская резиденция — Зимний дворец — не имела сада, и когда государыня выразила пожелание, чтобы таковой был устроен, то маленькое пространство было отведено с одной стороны дворца и окружено решеткой. Но там не было достаточно места, которое соответствовало бы величине дворца.

Государыня произвела на меня большое впечатление. В официальных случаях или даже когда она председательствовала в комитетах, она казалась совсем другой и теряла много своего обаяния, вследствие своей застенчивости. Она становилась сосредоточенной и очень холодной, что производило невыгодное впечатление на присутствующих. В более интимной обстановке она была естественной и показывала себя с наиболее привлекательной стороны.

Это был единственный случай, когда Государыня принимала меня в своем рабочем кабинете и показала мне всю свою привлекательность. Верно и то, что я никогда не делал никаких попыток приблизиться к маленькой группе, которая составляла ее интимный круг.

ки, а граф С. Ю. Витте ждет, когда его призовут "спасать положение"» (Г. В. Немирович-Данченко — М. К. Якимову. 30 октября 1914 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. М., 2014. Т. 1. С. 147).

Мои сношения с вдовствующей императрицей Марией Феодоровной носили совсем другой характер. Во время моей первой аудиенции Ее величество приняла меня очень холодно. Она была очень расположена к моему предшественнику Коковцову и к его жене[I], отец которой, Оом, был в течение многих лет частным секретарем Ее величества и пользовался ее полным доверием. Она была огорчена отставкой Коковцова и думала, что это было сделано путем обдуманных комбинаций; первые слова Ее величества были: «Ваше назначение упало на вас как черепица с крыши». Императрица была очень удивлена, когда я объяснил, что еще в 1911 г. меня пригласил Столыпин войти в министерство в качестве товарища министра торговли и промышленности как подготовительную должность для назначения в дальнейшем на пост министра финансов. Когда я прощался, Государыня улыбалась той своей улыбкой, которая покоряла все сердца. Во время войны я имел две аудиенции у вдовствующей императрицы после моего возвращения из Парижа и Лондона[II]. Она слушала меня с большим интересом, задавала мне вопросы, относящиеся к текущим событиям, и высказывала свои собственные мнения с большой откровенностью.

В первую половину 1914 г. было мало приемов при Дворе. Весной небольшой прием был устроен в Александровском дворце — обычной резиденции императора в Царском Селе. Наследный принц Румынии Фердинанд, его супруга принцесса Мария и их сын Кароль — навещали русскую Императорскую фамилию[III]. Были неко-

[I] В. Н. Коковцов был женат на Анне Федоровне, урожденной Оом (1860–1950).

[II] Имеется в виду возвращение П. Л. Барка с финансовых конференций министров финансов Англии, России и Франции, которые происходили в январе и сентябре 1915 г.

[III] «В половине марта, — вспоминал дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков, подразумевая 1914 г., — в Царское Село приехал навестить царскую семью наследный принц Румынский Фердинанд с супругою, принцессою Мариею, и сыном, принцем Каролем. Остановились они в Александровском дворце и пробыли до отъезда их величеств в Крым. Их приезд связывали с надеждой на помолвку одной из старших сестер великих княжон с принцем Каролем» (*Воей-*

правиться на заседание Совета министров на Елагином острове к И. Л. Горемыкину. Затем соединился по телефону с министром иностранных дел в Петербурге, чтобы узнать некоторые подробности относительно ультиматума. С. Д. Сазонова я, однако, не застал, но мне удалось переговорить с начальником канцелярии министра [иностранных дел][I] бароном Шиллингом, который мне сказал, что заседание Совета министров назначено на 3 часа дня у И. Л. Горемыкина, и подтвердил мне чрезвычайную серьезность положения. На мой вопрос, можно ли опасаться общеевропейского пожара, он мне ответил, что С. Д. Сазонов убежден, будто этот пожар неминуем и что все министры, каждый в своей области, должны быть к этому готовы. Я его спросил: могут ли события развернуться с большой быстротой? В таком случае мне нужно будет принять немедленные меры, чтобы изъять от берлинских банкиров крупную наличность Государственного казначейства.

Барон Шиллинг посоветовал мне не медлить, так как при возможных осложнениях каждая минута дорога.

Закончив свой разговор с бароном Шиллингом, я соединился по телефону с директором Особой канцелярии Кредитной части[II] Д. И. Никифоровым и поручил ему встретить меня в 3 часа на Елагином острове, с готовым докладом о командировании в тот же вечер чинов Министерства финансов в Берлин, для вывоза оттуда процентных бумаг, принадлежащих Государственному казначейству, а также немедленно дать телеграфный приказ нашим берлинским юрисконсультам о переводе

[I] Канцелярия министра иностранных дел — структурное подразделение МИД, ведавшее с 1868 г. текущими делами, политической перепиской министра, подготовкой его всеподданнейших докладов и Цифирной (Шифровальной) и Газетной экспедициями. По Закону 14 июля 1914 г. канцелярия, которая отныне ведала перепиской министра, подготовкой его всеподданнейших докладов, отправкой и приемом дипкурьеров и выдачей загранпаспортов, была соединена с 1-м Политическим отделом, курировавшим западно- и центральноевропейские государства, Америку и Африку, кроме Абиссинии и Египта, а также Шифровальное отделение и Литографию. Упразднена в 1917 г.

[II] Т. е. Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов.

казенных сумм, находившихся на текущих счетах в Петрограде и Париже. Потом я дал также поручение о переводе из Берлина сумм Государственного банка управляющему этим банком И. П. Шипову.

Благодаря своевременно принятым мерам удалось до объявления войны изъять из Берлина казенную наличность, которая составляла около ста миллионов рублей.

На заседании Совета министров на Елагином острове мы выслушали объяснения министра иностранных дел Сазонова, министров военного и морского, но наиболее яркое выступление было министра земледелия А. В. Кривошеина, которое повлияло на единодушное решение кабинета[1].

С. Д. Сазонов дал исчерпывающую характеристику международного положения, — он представил нам ясную картину нараставшего в течение ряда лет «горючего материала», способного зажечь мировой пожар, привел точные данные последовательных приготовлений Германии, имеющих целью укрепить ее гегемонию среди Центральных держав, с тем чтобы диктовать волю Германии не только в делах Ближнего Востока, но и во всех других вопросах международного характера, не считаясь совершенно с мнениями Великих держав, не входящих в состав Тройственного союза. Указав на ряд инцидентов и конфликтов, вызванных в прошлом агрессивным образом действий Германии, С. Д. Сазонов пояснил, что причины столь противоположных интересов Центральных империй с одной стороны и держав Согласия с другой очень глубоки и что Германия ищет лишь повода, дабы в наиболее для нее удобную минуту утвердить оружием свое военное и политическое могущество.

Со времени Русско-японской войны России приходилось постоянно уступать в возникавших конфликтах, вследствие чего образ действий Германии становился все бесцеремоннее — и теперь настал такой момент,

[1] Военный министр генерал В. А. Сухомлинов записал 11 июля 1914 г.: «Совет министров. Австрия предъявила Сербии ультиматум, — завтра должен быть ответ к 6 ч. дня» (Генерал В. А. Сухомлинов. С. 22).

когда Россия может совершенно утратить свое международное значение великой державы, если она перед опасностью полного уничтожения Сербии окажется не в состоянии выступить решительно на защиту угнетенного славянского народа. Ультиматум, предъявленный Сербии, составлен Австро-Венгрией не только по соглашению с Германией, но, вероятно, под прямым ее давлением. Ясно, что Сербия не может подчиниться предъявленным требованиям, исполнение коих повело бы по существу к уничтожению ее суверенитета и к полному порабощению Австрией.

Центральные державы это сознают и рассчитывают на отказ; в каковом случае должно последовать вторжение австрийских войск в маленькую Сербию и полное ее уничтожение после непродолжительной «военной прогулки» австрийской армии.

Россия не может оставаться безучастной зрительницей перед таким попранием прав одного из балканских народов. Она вела освободительную войну с турками в 1876–1877 гг.[1]; принесла огромные жертвы для освобождения славян от турецкого ига, вся ее политика была направлена на защиту славянских народностей, и отказ ее от исторических своих задач низведет ее на роль второстепенной державы.

К тому же непрекращающиеся уступки России перед бронированным германским кулаком нисколько не гарантируют Россию от германского вооруженного нападения в дальнейшем. Истекшие годы показывают, что эта уступчивость истолковывается Германией исключительно как полная военная неподготовленность и слабость и не только не сдерживает дальнейших претензий Германии, а, наоборот, делает эти притязания настойчивее и грубее.

Оставить сербов, в настоящее время, без всякого заступничества значило бы полное крушение престижа России на Балканах, к тому же и не устранило бы опасности того, что Германия, в самом недалеком будущем,

[1] Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг., которой предшествовало начавшееся в 1876 г. восстание славян против Турции.

бросит России новый вызов, где будут затронуты еще больше национальные русские интересы, и тогда Россия, несмотря на все свое миролюбие, все же будет вовлечена в войну, но уже после испытанного ею унижения. Само собою разумеется, что Россия может смело ответить только в том случае, если военный и морской министры скажут, что в их областях достигнуты за последнее время серьезные успехи. Однако мы не должны забывать, — если даже мы вполне готовы к борьбе, война с Германией будет связана с большим риском, так как до сего времени неизвестно, какую позицию займет Великобритания во время конфликта. Либеральное правительство Англии стоит, безусловно, за мирное улажение международных конфликтов, балканские вопросы, конечно, всегда интересовали Англию, которая старалась поддержать политическое равновесие на Балканах, и ныне предъявленный Сербии ультиматум побудит, вероятно, английских государственных деятелей приложить усилия для разрешения вопроса путем дипломатическим. Но если дипломатам придется замолчать, а заговорят пушки, то едва ли правительство Великобритании сочтет для себя сербский вопрос настолько серьезным, чтобы взяться за оружие. Для общественного мнения Англии балканские дела не представляют такого значения для национального дела, поэтому для правительства будет невозможно объявить войну «для защиты независимой Сербии», так как такое решение не найдет поддержки и отклика среди народа. Нужны другие причины, чтобы побудить великобританское правительство вмешаться в Европейскую войну. Если Великобритания решит остаться нейтральной, то положение России и Франции, даже в случае полной их боевой готовности, будет чрезвычайно трудным, и необходимо считаться с возможными очень тяжелыми последствиями такой войны с Центральными державами.

Резюмируя свои соображения, Сазонов сказал, что его долг, как министра иностранных дел, предпринимать все меры и сделать все возможное, чтобы добиться мирного разрешения сербского вопроса. Однако получен-

ные информации и его знание положения в Центральной Европе в течение последних лет убеждают его в том, что Австро-Венгрия и Германия решили нанести сокрушающий удар русскому престижу на Балканах, уничтожив Сербию как независимое государство. При таких обстоятельствах он думает, что остается только один путь России для сохранения своего авторитета в международных делах — это занять более твердую позицию, чем раньше, и вступиться за Сербию. Но мы должны отдать себе отчет в том, что если мы будем решительно защищать Сербию, то мы рискуем быть вовлеченными в войну с Центральными державами. Следовательно, уже теперь важно, чтобы военный министр и морской решили, какой политики Императорское правительство должно держаться[1].

После Сазонова выступил министр земледелия Кривошеин. Он напомнил грустный период, последовавший после окончания Русско-японской войны, когда понесенные нами потери имели пагубное влияние на наше международное положение. Само основание нашей внутренней социальной структуры было потрясено. Наши потери не только расстроили нашу армию и флот, но и вся Россия как бы была на краю пропасти, и революционное движение могло бы ее совершенно погубить. Порядок восторжествовал, потому что армия осталась верна короне и правительству, но России нанесли тяжелый удар, и ей были нужны годы, чтобы залечить раны. В период нашего выздоровления Россия должна была применить наиболее подходящий ей способ: ее усилия должны были быть направлены на реорганизацию ее национальной жизни и на восстановление понесенных ею потерь.

Наибольшая часть программы реконструкции была уже достигнута. Начиная с 1906 г. мы имеем конституционную форму правительства. Государственная дума и Государственный совет были реорганизованы на демократических началах. Представители, выбранные народом, начали сотрудничать в законодательстве и в контроле государственной машины. Наше финансовое положение снова выправилось и стало на здоровые основы. К сожалению, программа нашего вооружения не закончена, и можно сомневаться в том, способны ли будут наши армия и флот равняться с Германией и Австро-Венгрией в смысле новейших технических достижений. Наши промышленные и культурные достижения были настолько различны с вышеназванными странами, что для нас невозможно в настоящее время достигнуть даже одинакового уровня с ними. С другой стороны, общие условия в России значительно улучшились за последние несколько лет, и общественное, а также и парламентское мнение не поймет, почему в такой критический момент, который затрагивает жизненные интересы России, — Императорское правительство боится действовать решительно. Наша слишком большая осторожность, к сожалению, не достигла успеха по отношению к Центральным державам Европы. Теперь мы должны решить, какой политики мы должны придерживаться в момент серьезного кризиса, перед которым мы находимся. Никто в России не хочет войны. Поэтому наша политика должна быть направлена к тому, чтобы уменьшить ее возможность.

Кривошеин думает, как и Сазонов, что если мы останемся пассивными — мы не достигнем цели. Война может вспыхнуть, даже несмотря на наши миролюбивые усилия. Мы не должны закрывать глаза на опасность,

[1] В соответствии с Особым журналом Совета министров, на заседании 11 июля 1914 г. С. Д. Сазонов довел до сведения Совета министров, что, согласно полученным им данным и сообщению, сделанному послом Австро-Венгрии, австро-венгерское правительство обратилось к сербскому правительству «с требованиями, являющимися по существу для Сербского королевства, как суверенного государства, совершенно неприемлемыми и изложенными в ультимативной форме, причем сербскому правительству назначен для ответа срок, истекающий завтра, 12 июля, в 6 час. вечера». «Таким образом, предвидя, что Сербия обратится к нам за советом, а быть может, и за помощью, — полагал С. Д. Сазонов, — настоит надобность ныне же подготовиться к тому ответу, который может быть нами дан Сербии» (Особый журнал Совета министров 11 июля 1914 г. «По заявлению министра иностранных дел о последних выступлениях австро-венгерского правительства в отношении Сербии» // Особые журналы Совета министров... 1914 год. С. 197).

грозящую Родине, и кабинет должен решить, какая политика лучше для сохранения мира. По мнению Кривошеина, более твердая позиция, чем та, которой мы придерживались до сих пор, — желательна. Все свидетельствует, что наиболее разумной политикой при настоящем положении вещей было бы именно — возвращение к более твердому и энергичному поведению в отношении совершенно неразумных и неумеренных требований Центральных держав.

Речь Кривошеина произвела глубокое впечатление в Кабинете министров. Он задел нас за живое. Конечно, он был самым влиятельным членом Совета министров.

Сухомлинов — военный министр и Григорович — морской министр — оба говорили после Кривошеина. Они не были блестящими ораторами, и их объяснения были краткими. Они должны были признаться, что наша программа вооружения не была еще закончена, как в отношении флота, так и в отношении армии. Все же большие улучшения были сделаны после Русско-японской войны. Они не могли утверждать о превосходстве наших сил в случае возникновения конфликта с Тройственным союзом (Германия, Австрия и Италия), но все же они заявили, что колебания в политике неуместны для Императорского правительства. И они никак не возражали против большей твердости в дипломатических переговорах с Центральными державами.

Когда председатель Совета министров спросил мое мнение, я сказал, что политика министра финансов всегда должна быть «примирительной», дабы избежать вооруженных конфликтов. Война вызовет необычайные расходы, и финансовая и экономическая неустойчивость страны подвергнется опасности. Все же чрезвычайная осторожность моего предшественника графа Коковцова стабилизировала наше финансовое положение, и оно находится в настоящее время в безукоризненном порядке. Наш бюджет не только сбалансирован, но даже в течение последних лет показывал удовлетворительное превосходство дохода над расходами; у нас имеются значительные суммы для свободного обращения, как вну-

три страны, так и у наших корреспондентов за границей. Ввиду настоящего положения, я не думаю, что министр финансов должен руководиться исключительно экономическими соображениями и проповедовать политику робкой уступчивости, которая, во всяком случае, согласно с объяснениями, которые мы только что выслушали, вряд ли позволит избежать войны. Когда дело идет о чести и достоинстве России и всего ее существования как великой державы, министр финансов должен примкнуть к мнению большинства членов кабинета[1].

Остальные члены кабинета также примкнули к мнению Сазонова и Кривошеина. Председатель Совета министров Горемыкин подвел итог выступлениям и присоединился к единогласному мнению Совета министров о необходимости достойного и решительного выступления России в защиту прав угнетаемого маленького сербского народа.

Разделяя взгляды Кривошеина о том, что такое поведение России является единственной надеждой на мирное улажение конфликта, он прибавил, что тем не менее нужно быть готовым к худшему, и если нам суждено подвергнуться тяжелым испытаниям, то в великом прошлом России необходимо черпать примеры, как надлежит с достоинством и силой духа бороться с превратностями судьбы, из коих Россия в конце концов всегда выходила победительницей, И. Л. Горемыкин закончил свое выступление, сказав, что отныне наш лозунг должен быть: «Мы не хотим войны, но и не боимся ее».

Министр иностранных дел просил Совет министров одобрить предполагаемый план его действий. Он намеревался немедленно войти в переговоры с послами ве-

[1] Ср. с тем, что А. В. Кривошеин рассказывал в Новом клубе на углу Дворцовой набережной и Машкова переулка: «Голоса в составе Совета за и против поделились поровну. Ярым сторонником войны был военный министр Сухомлинов... Ему вторил тогдашний министр иностранных дел Сазонов. Кривошеин же, не доверяя хвастливым заверениям Сухомлинова о полной готовности, всеми мерами старался предотвратить войну, имея горячего сторонника в лице только что назначенного министра финансов Барка» (*Голицын А. Д.* Воспоминания. М., 2008. С. 363).

ликих держав в Санкт-Петербурге, с целью добиться, прежде всего, согласия австро-венгерского правительства на удлинение срока, предоставленного Сербии для ответа на ультиматум. Сербскому правительству был дан только 48-часовой срок для ответа на него, — поэтому добиться в первую очередь продления этого срока было очень важно. По этому поводу соответствующие инструкции были уже даны Сазоновым нашему послу в Вене, а с некоторыми послами в Санкт-Петербурге у него также происходил обмен мнений. В случае если бы австро-венгерское правительство не обратило внимания на представление нашего посла в Вене, надлежало бы поддержать это представление соединенными усилиями кабинетов России и Англии и обратиться также к германскому правительству с просьбой оказать соответственное давление на Австро-Венгрию.

Кроме того, все же было решено повлиять и на Сербию. Ей следовало сделать все возможное для примирения, пойдя навстречу требованиям австрийского правительства настолько, насколько это не нарушает суверенных прав Сербии как независимого государства[1].

[1] В заседании 11 июля 1914 г., обсудив заявление С. Д. Сазонова, в связи с выступлениями военного и морского министров В. А. Сухомлинова и И. К. Григоровича, а также П. Л. Барка, правительство постановило: 1) одобрить предположение министра иностранных дел снестись с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства к предоставлению Сербии некоторой отсрочки при ответе на ультимативные требования, предъявленные ей австро-венгерским правительством, чтобы дать возможность правительствам великих держав изучить документы по поводу сараевского убийства, которыми располагает австро-венгерское правительство и которые оно готово сообщить российскому правительству. 2) Одобрить предположение министра иностранных дел посоветовать сербскому правительству, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать этому, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав. 3) Предоставить военному и морскому министрам испросить высочайшее соизволение на объявление, в зависимости от хода дел, мобилизации четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского, а также Балтийского и Черноморского флотов. 4) Предоставить военному министру незамедлительно ускорить пополнение запасов материальной части армии. 5) Предоставить мини-

Решение Совета министров было доложено в тот же день председателем Совета министров и министром иностранных дел Государю[1], который поручил И. Л. Горемыкину созвать Совет министров на следующий день утром в 11 часов в Красном Селе под его председательством. Тогда Государь император находился в Красном Селе на маневрах армии.

Государь также одобрил текст официального сообщения, которое должно было быть опубликовано в печати на следующий день. Вот текст этого сообщения:

«Правительство весьма озабочено наступившими событиями и представлением Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербо-австрийского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной».

Собираясь покинуть дачу И. Л. Горемыкина на Елагином острове, я, прощаясь с А. В. Кривошеиным, отвел его в сторону и сказал ему, что возможность войны с Германией меня чрезвычайно тревожит. Я очень сомневаюсь, чтобы Военное и Морское ведомства оказались на высоте современных требований; война с Японией показала, насколько наша военная техника отстала во всех областях, и если нам тогда с маленькой Японией не удалось справиться, то тем менее мы будем в силах сражаться с таким организованным противником, как Германия, даже если бы мы за восемь лет и улучшили наше военное снаряжение.

Кривошеин ответил мне, что он разделяет мои опасения и что он также смотрит очень мрачно на исход вооруженного столкновения. Все его желание сводится к тому, чтобы избежать этого столкновения, но он полагает, что уступчивость приведет именно к обрат-

стру финансов принять меры к безотлагательному уменьшению принадлежащих Финансовому ведомству сумм, находящихся в Германии и Австро-Венгрии (Особый журнал Совета министров 11 июля 1914 г. «По заявлению министра иностранных дел о последних выступлениях австро-венгерского правительства в отношении Сербии» // Особые журналы Совета министров... 1914 год. С. 197–198).

[1] Особый журнал Совета министров 11 июля 1914 г. Николай II утвердил 12 июля 1914 г. в Красном Селе по докладу И. Л. Горемыкина.

ному результату, нас все равно заставят воевать, после всех испытанных унижений, а тогда нас застигнут врасплох. Единственная надежда остановить Германию — это спокойная решимость и готовность начать военные действия; шансов, конечно, мало на мирный исход конфликта; но, во всяком случае, если бы война и разразилась, мы встретим тогда возможные превратности судьбы со спокойной совестью, так как с нашей стороны сделаны все приготовления для обороны страны.

С тяжким чувством отправился я к себе в министерство, где проверил, приняты ли все меры относительно изъятия казенных сумм от берлинских банкиров, и вечером вернулся к себе на дачу в Старый Петергоф.

На следующий день я проехал по железной дороге до станции Лигово, где сел в министерский вагон поезда, шедшего из Санкт-Петербурга в Красное Село. Все мы, конечно, были очень озабочены. С. Д. Сазонов сообщил нам о беседах, которые он имел накануне вечером с послами великих держав, прибавил, что переговоры, согласно одобренному Советом министров плану, начались, но что он еще не имеет никаких ответов...

По приезде в Красное Село, в помещении, где находился Государь, нам пришлось несколько подождать, так как Государь принимал в своем кабинете доклад военного министра, находившегося уже с раннего утра в Красном Селе, для присутствия на смотру вместе с Его величеством. По окончании доклада Государь вышел к нам, в сопровождении В. А. Сухомлинова. Лицо Государя было спокойно, и в его обращении к нам не было заметно никакой тревоги[1]. По открытии заседания Совета министров

[1] Под 12 июля 1914 г. Николай II записал: «В четверг вечером Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемых для независимого государства. Срок его истек сегодня в 6 час. дня. Очевидно, разговоры у нас везде только об этом. Утром поехал в Красное Село... От 11 ч. до 12 ч. у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, которые нам следует принять» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 45–46). Судя по воспоминаниям П. Л. Барка, этими министрами, помимо него, являлись: И. Л. Горемыкин, В. А. Сухомлинов, И. К. Григорович, С. Д. Сазонов и А. В. Кривошеин.

председатель Совета сказал несколько вступительных слов, потом министр иностранных дел, в сжатой форме, повторил свой доклад, сделанный им Совету министров накануне на Елагином острове. Государь одобрил план действий, намеченный Советом министров, сказал притом, что необходимо приложить все усилия для мирного улажения конфликта, и прибавил, что он рассчитывает на дружную совместную деятельность дипломатов великих держав в этом смысле и надеется на успех переговоров. Тем не менее он не встретил препятствий к тому, чтобы подверглись обсуждению все военные меры, которые надлежало бы принять незамедлительно, в случае, если бы дипломатические переговоры не привели к желательным результатам.

Решение морских и военных действий зависело всецело от Государя, как верховного вождя армии и флота. Кабинет министров не имел никакой власти в этом отношении. Сухомлинов доложил, что необходимо иметь в виду частичную мобилизацию, принимая во внимание опасность, надвигающуюся со стороны Австро-Венгрии, где уже сделаны все приготовления для нападения на Сербию, и в связи с этим выступлением могут произойти осложнения на нашей с ней границе[1]. Военный ми-

[1] По итогам совещания Николая II с шестью министрами правительство приняло 12 июля 1914 г. Особый журнал «О приведении в действие Высочайше утвержденного 17 февраля 1913 г. "Положения о подготовительном к войне периоде"». «Ныне, — явствовало из этого Особого журнала, — в соответствии с современным оборотом дипломатических переговоров и в целях принятия всеми ведомствами потребных мер для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к границам возможных противников, Совет министров признает своевременным привести в действие, начиная с 13 сего июля, на всей территории Империи "Положения о подготовительном к войне периоде", по обоим перечням, уполномочив вместе с тем военного министра испрашивать Высочайшее Вашего императорского величества соизволение на принятие по военному ведомству и иных мер, означенными перечнями не предусмотренных, которые он сообразно обстоятельствам найдет необходимыми, с последующим доведением о принятых мерах до сведения Совета министров. Согласно ст. 2 упомянутого Положения начало подготовительного к войне периода устанавливается по Высочайше утверждаемым положениям Совета министров. Ввиду сего Совет министров полагает: ввести, с 13 сего июля, на всей территории Импе-

нистр признавал желательным ускорить производство юнкеров в офицеры. Обыкновенно это производство приурочивалось к окончанию маневров и происходило в августе месяце, в случае же мобилизации потребность в офицерах будет очень велика, и посему представлялось бы целесообразным ныне же увеличить офицерские кадры. Этот вопрос был решен утвердительно и был в тот же день приведен в исполнение, что вызвало большое волнение среди военных агентов иностранных держав, находившихся в Красносельском лагере[I].

Как мне потом передавали, вечером того же дня был спектакль в Красносельском театре в присутствии Государя[II]. Настроение у всех находившихся в театре военных и у штатской публики было повышенное, неоднократно требовали исполнения гимна, были овации по адресу Государя, — вся эта атмосфера была необычайно наэлектризована, и чувствовалось, что чрезвычайные события надвигаются на нашу Родину.

Заседание Совета министров под председательством Государя в Красном Селе длилось недолго: около 1 часа дня оно было закончено. Государь простился с нами и отбыл в сопровождении военного министра к войскам. Министры остались завтракать в Красном Селе, и я по-

рии "Положение о подготовительном к войне периоде", по обоим перечням, на указанных в настоящем журнале основаниях». Этот Особый журнал Совета министров Николай II утвердил 12 июля 1914 г. в Красном Селе (Особый журнал Совета министров 12 июля 1914 г. «О приведении в действие...» // Особые журналы Совета министров... 1914 год. С. 200). Подготовительным к войне периодом назывался предшествующий открытию военных действий период дипломатических осложнений, в течение которого все ведомства должны были принять необходимые меры для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к угрожаемой границе. «Положение о подготовительном к войне периоде» содержало перечень мероприятий первой и второй очереди по всем ведомствам в предмобилизационный период.

[I] «В 6 час., — отметил Николай II 12 июля 1914 г., — было производство юнкеров перед Столовой палаткой» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 46).

[II] «После разговоров, — записал Николай II 12 июля 1914 г., — поехал с тремя старшими дочерьми в театр. Был длинный юбилейный спектакль по случаю его 50-летия» (Там же).

мню, как мы все были в озабоченном душевном состоянии, особенно же волновался министр иностранных дел С.Д. Сазонов.

Я лично, однако, не терял надежды на то, что дипломатические переговоры и на этот раз, как уже неоднократно имело место за последние годы, устранят возможность мирового пожара. Я не мог допустить мысли, чтобы император Вильгельм действительно желал войны. Германская торговля и промышленность так широко разбросили свои сети по всему миру, проникновение германского влияния во всех странах сделало такие огромные успехи во время [его] царствования, что насильственное вторжение в чужие пределы ничего не могло прибавить к мирным завоеваниям, уже сделанным германцами, а вместе с тем могло бы, даже в случае расширения германских границ за счет соседних государств, на долгие годы задержать и скомпрометировать дальнейшие проникновения немцев во всех областях торговли и промышленности за пределами их отечества.

Император Вильгельм, в течение более четверти века, постоянно «брацал оружием» и в своих многочисленных речах указывал при всяком удобном и неудобном случае на силу немецкого бронированного кулака. Однако все эти воинственные речи не мешали Вильгельму придерживаться мирной политики и основывать благосостояние своего народа на преуспеянии мирных промыслов. Он приближал к себе видных деятелей из промышленного, торгового и банковского мира; между прочим, одним из его доверенных советников был директор Гамбург-Американского пароходного общества Баллин, заинтересованный, конечно, в поддержании мирных сношений со всеми странами, с которыми Германия вела оживленные коммерческие обороты. Большим влиянием пользовались также Мендельсоны, благосостояние которых было связано с благополучием русского Государственного казначейства. Равным образом широко раскинутые за границей предприятия крупного частного банка «Deutche Bank» привлекали к себе благосклонное внимание императора Вильгельма, ко-

торый привлек в Палату господ (Mekrenhans)[I] одного из директоров этого банка Гвиннера, через несколько лет после назначения членом этой палаты главы банкирского дома «Мендельсон и К°» — тайного советника Эрнста фон Мендельсон-Бартольди.

Все эти лица, с коими император Вильгельм виделся нередко, не могли, конечно, принадлежать к сторонникам вооруженных столкновений.

Несмотря на импульсивный характер императора Вильгельма, на его страсть к эффектам, на его любовь потрясать бронированным кулаком, все же возникавшие конфликты разрешались, не прибегая к оружию. Я поэтому верил в искреннее миролюбие Вильгельма и полагал, что в решительную минуту он приложит все усилия, чтобы избежать мировой пожар.

На следующий день, в воскресенье 13 (26) июля, стало известно, что Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии и что австро-венгерские войска бомбардировали Белград.

Совет министров, заседания которого происходили ежедневно, мог лишь констатировать, что первая попытка дипломатов, заключавшаяся в том, чтобы добиться удлинения срока ультиматума, предъявленного Австро-Венгрией сербскому правительству, окончилась неудачей. Венский кабинет не пожелал допустить какие бы то ни было изменения своих первоначальных требований, несмотря на то, что сербское правительство пошло на крайние уступки, сохраняя лишь тень своих суверенных прав. Под давлением главным образом русского правительства Сербия готова была даже признать право за австрийскими чиновниками участия в официальном расследовании со стороны сербских властей обстоятельств убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги[II]. Далее идти по пути уступок,

[I] Палата господ — верхняя палата прусского парламента, состоявшая из наследственных и назначавшихся монархом членов.

[II] Ответ сербского правительства на австро-венгерский ультиматум см.: «Синяя книга». Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Пг., 1915. С. 36–41.

кажется, уже было некуда, и тем не менее австро-венгерский кабинет не признавал себя удовлетворенным. Этот кабинет не только отверг ходатайство дипломатов об удлинении срока ультиматума, но заявил, что никакие частичные изменения его условий в сербском ответе неприемлемы. Ультиматум должен быть принятым «целиком», — всякий же другой ответ будет признан неудовлетворительным.

Несмотря на такой катастрофический ход событий, Совет министров, после продолжительного обсуждения, не признал возможным считать этот вызывающий образ действий австро-венгерского правительства, то есть военных действий против Сербии, за «casus belli»[I] и решил продолжать с удвоенной энергией дипломатические попытки, направленные к погашению разгоревшейся войны. Еще накануне С. Д. Сазонов заявил французскому и английскому послам, что, даже в случае открытия Австро-Венгрией военных действий против Сербии, он лично будет настаивать на продолжении дипломатических переговоров для улажения конфликта (J'estime que même si le gouvernement austro-hongrois passait à l'action conte la Serbic nous ne devions pas romper les négociations).

Эти слова получили санкцию Совета министров. Было постановлено ограничиться следующим официальным заявлением от имени русского правительства, которое на следующий день было опубликовано в газетах:

«Австрия решила воевать, во что бы то ни стало. Все советы, призывающие к умеренности, потерпели неудачу. Мы не можем, во всяком случае, потерпеть уничтожения Сербии. Никакие обстоятельства не смогут остановить нас выполнить свой долг, так как мы знаем, что защищаем справедливость. В этом нет никакого сомнения».

Начальник Генерального штаба, генерал Н. Н. Янушкевич, был приглашен на заседание Совета министров 15 июля для доклада о нашем военном положении.

[I] «Повод к войне» (*лат.*).

Мнение генерала Янушкевича сводилось к тому, что Австро-Венгрия не имела никакой надобности производить полную мобилизацию для карательной экспедиции против Сербии, — для этой цели было достаточно послать несколько отрядов. А если она осуществила в Галиции и на русской границе полную мобилизацию, то это исключительно в видах агрессивных действий против России. Для ограждения нас от всяких случайностей необходимо было, по мнению генералов, ответить мобилизацией четырех наших военных округов: Московского, Казанского, Киевского и Одесского, войска коих предназначались для группировки у австрийской границы.

Совет министров согласился с мнением начальника Генерального штаба, причем главное внимание было обращено на то, чтобы приняты были все меры для локализации конфликта. В этих целях было поручено министру иностранных дел поставить в известность германское правительство, что мобилизация четырех наших военных округов вызвана агрессивными действиями Австро-Венгрии, ее мобилизацией, представляющей явную угрозу России, и продиктована необходимостью самообороны с нашей стороны, так как мы не можем оставаться неподготовленными, когда на австро-русской границе могут произойти непоправимые случайности. Вместе с тем Совет министров вновь подтвердил С. Д. Сазонову, что эти чрезвычайные серьезные военные меры предупредительного характера ни в коем случае не должны приостанавливать дипломатических переговоров, направленных к устранению европейской войны, и что дипломаты должны приложить все усилия для мирного улажения все осложнявшегося конфликта.

В тот же вечер постановление Совета министров было одобрено Государем, а министр иностранных дел телеграфировал нашему послу в Берлин следующее: «Вследствие объявления Австрией войны Сербии нами завтра будет объявлена мобилизация в Одесском, Киевском, Московском и Казанском округах. Доводя об этом до сведения германского правительства, подтвердите

об отсутствии у России каких-либо наступательных намерений против Германии»[I, II].

События развивались так быстро, что военные авторитеты изменили первоначальный план и, помимо Кабинета министров, просили императора объявить приказ о всеобщей мобилизации. Император согласился с их доводами днем 16 (29) июля, однако отменил свое приказание. Военному министру было приказано привести в исполнение первый план, то есть частичную мобилизацию четырех военных округов. Министр иностранных дел попросил тогда срочную аудиенцию у Его величества, и после их разговора Государь император, в конце концов, согласился произвести генеральную мобилизацию.

Подробности об этом событии изложены в «Красном архиве» (IV том), напечатанном в «Государственном издательстве» (Москва–Петроград, 1922).

17 (30) июля:

«В десятом часу утра министр иностранных дел говорил по телефону с министром земледелия, причем оба они были весьма встревожены последовавшей отменой общей мобилизации, вполне сознавая, что это решение грозит поставить Россию в крайне опасное положение в случае обострения отношений с Германией. С. Д. Сазонов посоветовал А. В. Кривошеину испросить приема у Государя, чтобы изложить Его величеству опасения, вызываемые означенной отменой.

Около 11 часов утра министр иностранных дел вновь встретился с военным министром у начальника Генерального штаба. Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной

[I] См.: Международные отношения в эпоху империализма. Сокращенное издание. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3: 1914–1917 гг. Т. 1: 14 января — 4 августа 1914 г. М., 1935. С. 481–482.

[II] Французский текст: «Par suite de la declaration de guerre faite par l'Autriche à la Serbie, le gouvernement Impérial annoncera demain (le 16 (29) Juillet) la mobilization des arrondissements d'Odessa, Kieff, Moscou et Kazan. Veuillez Informer le gouvernement allemande en lui confirmant l'absence en Russie de toute Intention aggressive envers l'Allemagne». (*Примеч. авт.*)

войне. Сообразно с этим министры и начальник штаба по-прежнему придерживались мнения, высказанного ими накануне, о необходимости прибегнуть к общей мобилизации. Генерал-адъютант Сухомлинов и генерал Янушкевич вновь старались убедить по телефону Государя вернуться ко вчерашнему решению и дозволить приступить к общей мобилизации. Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Генерал Янушкевич, державший в эту минуту в руках телефонную трубку, успел лишь доложить, что министр иностранных дел находится тут же, в кабинете, и просит разрешения сказать Государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого Государь изъявил согласие выслушать министра. С. Д. Сазонов обратился к Его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада об общем политическом положении. Помолчав, Государь спросил: "Вам все равно, если я приму вас одновременно с Татищевым в 3 часа, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени". Министр благодарил Государя и сказал, что прибудет в указанный час.

Начальник штаба горячо умолял С. Д. Сазонова непременно убедить Государя согласиться на общую мобилизацию ввиду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией, если бы обстоятельства потребовали от нас принятия решительных мер после того, как успех общей мобилизации был бы скомпрометирован предварительным производством частичной мобилизации.

Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся склонить Государя, он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону из Петергофа для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет, прежде всего, как можно скорее уже начатую частичную мобилизацию превратить во всеобщую и заменить разосланные уже приказания новыми.

"После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня ни-

коим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации".

По возвращении в министерство С. Д. Сазонов имел свидание с французским послом.

Между тем А. В. Кривошеин уведомил С. Д. Сазонова, что на его ходатайство о высочайшем приеме ему было отвечено, что Государь в этот день чересчур занят и принять его не может. При этом Кривошеин высказал желание повидать С. Д. Сазонова еще до отъезда последнего в Петергоф. Было решено позавтракать вместе у "Донона"[1], где в 12 с половиной часов в отдельном кабинете и сошлись А. В. Кривошеин и С. Д. Сазонов вместе с бароном Шиллингом. Настроение было довольно подавленное, и разговор почти исключительно касался необходимости настоять на скорейшей общей мобилизации ввиду становящейся каждому все более ясной неизбежности близкой войны с Германией. А. В. Кривошеин высказывал надежду, что С. Д. Сазонову удастся убедить Государя, так как в противном случае, по его словам, мы бы шли на верную катастрофу.

В 2 часа министр иностранных дел выехал с генерал-майором Татищевым в Петергоф, где оба были приняты вместе Его величеством в Александрийском дворце. В течение почти целого часа министр доказывал, что война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу. При таком положении остается лишь делать все, что нужно для того, чтобы встретить войну во всеоружии и при наиболее выгодной для нас обстановке. Поэтому лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох.

[1] «Донон» — петербургский ресторан 1-го класса, открывшийся в 1849 г. и называвшийся по имени своего основателя, Ж. Б. Донона. Существовал до 1917 г.

Сильное желание Государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, заставляло Его величество, в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности, искать всевозможных способов для предотвращения надвигавшейся опасности. Сообразно с этим, он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле.

Напряженность тех чувств, которые в эту минуту переживал Государь, выразилась, между прочим, в той необычной ему раздражительности, с которой Его величество оборвал генерала Татищева. Последний, все время не принимавший участия в разговоре, сказал во время наступившей минуты молчания: "Да, решить трудно". Государь с неудовольствием резко возразил: "Решать буду я", желая этим положить конец дальнейшему вмешательству генерала в разговор. Наконец, Государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться вовремя к, по-видимому, неизбежной войне, и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации.

С. Д. Сазонов испросил высочайшее соизволение немедленно передать об этом по телефону начальнику Генерального штаба и, получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: "Теперь вы можете сломать телефон"» («Красный архив», том IV)[I].

Император все же продолжал надеяться, что всеобщая мобилизация явилась бы невозвратимой причиной войны и что ее можно избежать. Поэтому в тот же день

[I] Начало войны 1914 г. Поденная запись бывшего Министерства иностранных дел // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 29–31. Этот источник мог быть доступен П. Л. Барку и в следующем издании: Documents diplomatiques secrets russes 1914–1917, d`après les archives du Ministère des affaires étrangères á Pétrograd / traduit du russe par J. Polonsky. Paris, 1928.

он телеграфировал императору Вильгельму, объясняя ему, что, несмотря на решение, которое он принял, он дает свое честное, торжественное слово, что, несмотря на мобилизацию, его войска не сделают никаких провокационных действий.

15 (28) июля следующая телеграмма была послана нашему послу в Лондон:

«Вследствие объявления Австрией войны Сербии непосредственные объяснения мои с австрийским послом, очевидно, нецелесообразны. Необходимы скорейшее воздействие Англии с целью посредничества и немедленная приостановка военных действий Австрии против Сербии. Иначе посредничество послужит лишь предлогом для оттяжки разрешения вопроса и даст возможность Австрии тем временем совершенно раздавить Сербию»[I].

Эта инструкция была послана, чтобы подтвердить телеграмму Сазонова от 14 (27) июля следующего содержания:

«Если бы непосредственные наши объяснения с венским кабинетом не наладились, я готов принять английское предложение, это или всякое другое, способное мирно разрешить конфликт»[II].

15 (28) июля Сазонов также известил графа Бенкендорфа в Лондоне о своем разговоре с графом Пурталесом и высказывал пожелание, чтобы Великобритания оказала давление в Берлине:

«Из бесед с германским послом у меня складывается впечатление, что Германия скорее благоприятствует непримиримости Австрии. Берлинский кабинет, который мог бы остановить все развитие кризиса, не проявляет, видимо, никакого воздействия на свою союзницу. Здешний посол находит ответ Сербии неудовлетворительным. Считаю весьма тревожным такое положение Германии и полагаю, что Англия могла бы лучше других держав предпринять шаги в Берлине для соответствую-

[I] Начало войны 1914 г. Поденная запись... С. 52.

[II] См.: Международные отношения в эпоху империализма... Т. 1. С. 467.

щего воздействия. Несомненно, ключ положения в Берлине»[I].

Несмотря на то что состояние войны между Австро-Венгрией и Сербией ставило предел непосредственным переговорам между Петербургом и Веной, С. Д. Сазонов тем не менее сделал еще одну попытку оказать давление на венский кабинет и телеграфировал об этом нашему послу в Вене.

Эта последняя попытка окончилась, однако, неудачей, как видно из полученного С. Д. Сазоновым ответа от 15 (28) июля от нашего посла в Вене:

«Сегодня объяснился в самой дружественной форме с Берхтольдом, в смысле Вашей телеграммы № 1508. Я указал ему при этом на желательность для самой Австрии такого разрешения вопроса, которое улучшило бы отношения ее с Россией и дало бы ей серьезные гарантии для будущих отношений монархии с Сербией. Я обратил при этом также внимание Берхтольда на предстоящую опасность, угрожающую европейскому миру в случае вооруженного столкновения между Австрией и Сербией. Министр иностранных дел ответил мне, что он вполне сознает серьезность положения и все преимущества откровенного объяснения с нами по этому поводу, но что австро-венгерское правительство, весьма неохотно решившееся на столь резкие шаги по отношению к Сербии, в настоящий момент не может отступить и вступить в обсуждение текста своей ноты. Кризис настолько обострился, возбуждение общественного мнения внутри страны достигло таких размеров, что правительство если бы и хотело, то не могло бы на это пойти, тем более что ответ Сербии служит доказательством неискренности ее заверений для будущего»[II].

Наше желание найти мирное разрешение конфликта, несмотря на препятствия, возникающие со всех сторон, подтверждается следующей депешей французского посла в Санкт-Петербурге г-на Палеолога своему правительству от 16 (29) июля:

[I] Начало войны 1914 г. Поденная запись... С. 51.

[II] См.: Международные отношения в эпоху империализма... Т. 1. С. 485.

«Я уже могу заверить Ваше превосходительство, что русское правительство согласно принять любое предложение, которое Франция и Великобритания могут предложить для охранения мира. Мой британский коллега телеграфирует в Лондон в этом же смысле».

Сазонов также продолжал держать немецкого посла в курсе положения и сообщил ему условия, которые позволили бы России приостановить военные приготовления.

Он сообщил сэру Джорджу Бьюкенену и г-ну Палеологу, а также нашему послу в Берлине о следующей телеграмме от 17 (30) июля:

«Только что посетивший меня германский посол спросил, не можем ли мы удовлетвориться обещанием Австрии не нарушать целостности Сербского королевства. Я ответил, что этого заявления недостаточно. На убедительную просьбу посла указать, на каких условиях мы еще согласились бы приостановить наши вооружения, я продиктовал ему для срочной передачи в Берлин заявление, заключающееся в телеграмме № 2:

"Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос приобрел европейский характер, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления".

Благоволите спешно телеграфировать, как отнесется германское правительство к этому новому доказательству нашей готовности сделать возможное для миролюбивого разрешения вопроса, так как мы не можем допустить, чтобы подобные переговоры могли бы служить лишь для выигрыша времени в пользу Австрии и Германии»[I].

Эти условия были исправлены следующим образом на другой день, 18 (31) июля, по совету, полученному от Великобритании:

«Если Австрия согласится приостановить движение своих войск на сербской территории и если она, признав,

[I] См.: Там же. С. 501–502.

что австро-сербский конфликт приобрел характер европейского вопроса, допустит, чтобы великие державы обсудили способ удовлетворения, которое Сербия, не допуская нарушения своих прав суверенного государства и своей независимости, могла бы дать Австрии, — Россия обязуется сохранить выжидательную позицию»[1].

[1] См.: Там же. С. 516.

ГЛАВА VIII[I]

В пятницу, 18 (31) июля, император председательствовал на заседании Совета министров в Петергофе[II]. Дипломатическая переписка за последнее время показала с возрастающей наглядностью, что Сазонов был прав, когда он говорил на прошлой неделе Кабинету министров, что всемирная война неизбежна. Несмотря на это, он все же ищет выхода и надеется, что Великобритания сможет помочь разрешению кризиса, если дело было бы передано на рассмотрение международной конференции. Сазонов настаивал на желательности, чтобы такая конференция состоялась в Лондоне, что поможет

[I] В «Возрождении» этой главе было предпослано ее содержание: «Совет министров под председательством Государя императора в Петергофе, 18 (31) июля. — Обсуждение вопроса о верховном командовании русской армии в случае войны. — Обмен телеграммами между императором России и германским императором. — Немецкий ультиматум России. — Манифест Государя императора от 20 июля (2 августа) 1914 г. — Государь император в Зимнем дворце. — Великий князь Николай Николаевич назначен Верховным главнокомандующим».

[II] Подразумевая Фермерский дворец в петергофском парке «Александрия», Николай II записал 18 июля 1914 г.: «В 11 час. на Ферме состоялось заседание Совета министров. Вернулся домой к часу» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 47).

Австрии пойти на компромисс. Он подтвердил это в телеграмме Бенкендорфу от 18 (31) июля следующего содержания:

«Я просил великобританского посла передать Грею выражение самой искренней признательности за дружественный и твердый тон, усвоенный им в переговорах с Германией и Австрией, благодаря коему не утрачена еще надежда на мирный выход из нынешнего положения.

Я просил его также передать английскому министру, что я полагаю, что только в Лондоне переговоры имеют шансы на какой-либо успех, облегчая Австрии необходимость компромисса»[1].

Государь император выступал лично, телеграфируя несколько раз императору Вильгельму. Сазонов прочел нам телеграммы, которыми обменивались оба монарха.

Государь просил кабинет обсудить последнюю телеграмму императора Вильгельма и составить ответ на нее.

В это время постучали в дверь, и дежурный флигель-адъютант сообщил, что немецкий посол, граф Пурталес, хочет говорить по телефону с министром иностранных дел. Его величество разрешил Сазонову покинуть залу, и заседание было прервано. Мы все ожидали плохих новостей и чувствовали, что объявление войны неизбежно. Все же наши опасения подтвердились только на следующий день, — на этот раз Сазонов вернулся с текстом новой телеграммы от императора Вильгельма, которая пока не оправдывала наших предчувствий.

На этом же заседании Сазонов, по приглашению Государя императора, сделал обстоятельный доклад о политическом положении Румынии и высказал свое предположение о том, что Румыния, в случае вооруженного столкновения между Центральными державами и державами Согласия, останется, вероятно, нейтральной.

В конце заседания Государь император заговорил о главном командовании, в случае если война станет неизбежной.

[1] См.: Международные отношения в эпоху империализма... Т. 1. С. 516.

Он нам сказал, что после печальной Японской войны его постоянно мучила мысль, будто он не исполнил своего долга Верховного вождя армии и флота. Когда военное положение наше на Дальнем Востоке сделалось критическим, на его обязанности лежало стать во главе армии. Верховный вождь должен переносить вместе со своими воинами все испытания судьбы, и он до сих пор не может себе простить того, что не отправился в действующую армию, когда ее стали преследовать неудачи. Поэтому он решил, в случае если Промыслу Божьему угодно ниспослать нам новые тяжкие военные испытания, не медлить ни одного дня и сейчас же стать во главе войск.

Слова Государя, сказанные им в обычном спокойном, но совершенно определенном тоне, вызвали в нас глубокое смущение и особенно поразили тех, кто, как я, не были подготовлены к такому заявлению.

Как мне потом передавали, председателю Совета министров и министрам военному и морскому было уже известно о принятом Государем решении, по-видимому, и министр земледелия А. В. Кривошеин, а может быть, и министр иностранных дел были также несколько подготовлены к этому, — все же остальные были застигнуты врасплох.

Однако руководящие начала для правильного суждения были тотчас даны председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным и говорящим вслед за ним А. В. Кривошеиным. И. Л. Горемыкин с полной откровенностью высказался против принятого Государем решения. В верноподданнических, но полных достоинства выражениях, И. Л. Горемыкин, как всегда, очень кратко, высказал свои соображения, которые сводились к тому, что в случае европейской войны не только фронт потребует верховного руководства, но и задачи внутреннего управления чрезвычайно осложнятся. Многие вопросы будут нуждаться в немедленной санкции Государя, — отсутствие его из столицы может задержать разрешение таких неотложных дел, заминка в коих повлияет на взаимоотношения между фронтом и тылом, правильный ход всего государственного механизма может силь-

но пострадать в ущерб тому же военному делу. Кроме того, вполне возможно, что в начале кампании военное счастье не будет нам улыбаться, а в таком случае народная молва будет связывать военные неудачи с именем монарха, что необходимо предотвратить во что бы то ни стало. И. Л. Горемыкин закончил свои объяснения просьбой повременить с принятым решением в начале военных действий, остановить свой выбор на другом лице в качестве Верховного главнокомандующего и осуществить намерение Государя лишь с дальнейшим развитием военных операций.

А. В. Кривошеин подробно остановился на мотивах, приведенных И. Л. Горемыкиным, ярко осветил их в своей убедительной и страстной речи и, не стесняясь, с полной искренностью прибавил другие соображения, из коих наиболее существенными являлись ссылки на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Он говорил, что, когда император Александр II находился в действующей армии, зачастую принятие решительных военных мероприятий затруднялось штабом, находившимся при Государе. Многочисленные лица, окружающие Государя, вносили большие прения среди командного состава, и, в конце концов, присутствие Государя служило поводом к тому, что ответственность за некоторые неудачи приписывалась штабу Государя, и, таким образом, освобождались от ответственности непосредственно распоряжавшиеся, которые получали возможность покрываться именем Государя в тех именно случаях, когда личность монарха должна была находиться вне досягаемости какой бы то ни было критики.

Все министры один за другим согласились с мнениями Горемыкина и Кривошеина, даже министры военный и морской, несмотря на то, что они были поставлены в деликатное положение: Государь император являлся Верховным вождем армии и флота. И даже престарелый министр Императорского двора, граф Фредерикс, присоединил свой голос к мнению всех членов Кабинета министров.

Государь, по-видимому, был очень поражен и недоволен таким единодушным суждением всего состава Совета министров, однако его решение было сильно поколеблено, и, хотя он нам в заседании ничего не сказал об окончательной своей воле, все же мы остались под впечатлением, что наши горячие слова не останутся без результата.

В течение этих трагических дней Государь император Всероссийский и император Германии обменялись следующими телеграммами:

№ 1. 15 (28) июля 1914 г. — Телеграмма императора Вильгельма императору Николаю II

«С глубочайшим сожалением я узнал о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии. Недобросовестная агитация, которая велась в Сербии в продолжение многих лет, завершилась гнусным преступлением, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Состояние умов, приведшее сербов к убийству их собственного короля и его жены, все еще господствует в стране.

Без сомнения, ты согласишься со мною, что наши общие интересы, всех монархов, требуют, чтобы все лица, нравственно ответственные за это убийство, понесли заслуженное наказание. В данном случае политика не играет никакой роли. С другой стороны, я вполне понимаю, как трудно тебе и твоему правительству противостоять силе общественного мнения. Поэтому, принимая во внимание сердечную и нежную дружбу, издавна связывающую нас крепкими узами, я употребляю все свое влияние, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямотой для достижения удовлетворительного соглашения с тобой. Я твердо надеюсь, что ты придешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые могут еще возникнуть.

Твой искренний и преданный друг и кузен

Вилли»[1].

[1] Ср.: Начало войны 1914 г. Поденная запись... // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 18–19.

№ 2. 15 (28) июля 1914 г. — Телеграмма Николая II императору Вильгельму

«Рад твоему возвращению. В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко.

Ники»[I].

№ 3. 16 (29) июля 1914 г. — Телеграмма Николая II императору Вильгельму

«Благодарю за примирительную и дружескую телеграмму. Однако официальное сообщение, сделанное сегодня твоим послом моему министру, было составлено в совершенно иных тонах. Прошу тебя объяснить это противоречие. Было бы правильно передать Гаагской конференции австро-сербский вопрос, чтобы предотвратить кровопролитие. Полагаюсь на твою мудрость и дружбу.

Ники»[II].

№ 4. 16 (29) июля 1914 г. — Телеграмма императора Вильгельма императору Николаю II

«Я получил твою телеграмму и разделяю желание сохранить мир, но, как я уже говорил тебе в своей первой телеграмме, я не могу рассматривать выступление Австрии против Сербии как "гнусную войну". Австрия по опыту знает, что совершенно нельзя полагаться на

[I] Ср.: Там же. С. 19.

[II] Ср.: Там же. С. 24.

сербские обещания на бумаге. По моему мнению, действия Австрии должны рассматриваться как последующие цели добиться полной гарантии, что сербское обещание претворится в реальные факты. Это мое мнение основывается на заявлении австрийского кабинета, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счет Сербии. Поэтому я считаю вполне возможным для России остаться зрителем австро-сербского конфликта, не вовлекая Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть. Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веной возможно и желательно и, как уже телеграфировал тебе, мое правительство продолжает прилагать усилие, чтобы достигнуть этого. Конечно, военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией как угроза, ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем, и повредили бы моей позиции посредника, которую я, в ответ на твое обращение к моей дружбе и помощи, охотно взял на себя.

Вилли»[I].

№ 5. 17 (30) июля 1914 г. — Телеграмма Николая II императору Вильгельму

«Сердечно благодарю тебя за твой скорый ответ. Посылаю сегодня вечером Татищева с инструкциями. Военные мероприятия, вступившие теперь в силу, были решены пять дней тому назад, как мера защиты ввиду приготовлений Австрии. От всей души надеюсь, что эти мероприятия ни в какой степени не помешают посредничеству, которое я высоко ценю. Необходимо сильное давление с твоей стороны на Австрию, чтобы она пришла к соглашению с нами.

Ники»[II].

[I] Ср.: Там же. С. 24–25.

[II] Ср.: Там же. С. 25.

№ 6. 17 (30) июля 1914 г. — Телеграмма императора Вильгельма императору Николаю II

«Очень благодарю за телеграмму. Не может быть и речи о том, чтобы слова моего посла могли быть в противоречии с содержанием моей телеграммы. Графу Пурталесу было предписано обратить внимание Твоего правительства на опасность и серьезные последствия, вытекающие из мобилизации. То же самое я сказал тебе в моей телеграмме. Австрия мобилизовала только против Сербии и только часть своей армии. Если теперь, как видно из сообщения твоего и твоего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя роль посредника, которую ты мне любезно доверил и которую я принял на себя по твоей специальной просьбе, подвергается опасности, если не станет совершенно невозможной. Вся тяжесть решения ложится теперь исключительно на тебя, и ты несешь ответственность за мир или войну.

Вилли»[I].

№ 7. 18 (31) июля 1914 г. — Телеграмма Николая II императору Вильгельму

«Сердечно благодарю тебя за твое посредничество, которое начинает все же подавать надежду на мирный исход кризиса. По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления, которые были для нас неизбежны, ввиду мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Я торжественно даю тебе в этом мое слово. Я уповаю на милость Божию и надеюсь на успех Твоего посредничества в Вене, на пользу наших государств и европейского мира.

Ники»[II].

[I] Ср.: Там же. С. 32.
[II] Ср.: Там же. С. 36.

№ 8. 18 (31) июля 1914 г. — Телеграмма императора Вильгельма императору Николаю II

«В ответ на твое обращение к моей дружбе и на твою просьбу о содействии, я приступил к посредническим действиям между твоим и австро-венгерским правительствами.

В то время как эти действия еще продолжались, твои войска были мобилизованы против Австро-Венгрии, моей союзницы, благодаря чему, как я уже тебе указал, мое посредничество почти потеряло значение. Тем не менее я продолжал действовать; сейчас я получил достоверные известия о серьезных военных приготовлениях на моей восточной границе. Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предупредительные меры защиты. В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до крайних пределов. Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти избежать катастрофу. Никто не угрожает могуществу и чести России, и она свободно может выждать результатов моего посредничества. Моя дружба к тебе и твоему государству, завещанная мне моим дедом на смертном одре, всегда была для меня священна, и я не раз честно поддерживал Россию в моменты серьезных для нее затруднений, в особенности во время последней войны. Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии.

Вилли»[I].

№ 9. 19 июля (1 августа) июля 1914 г. — Телеграмма Николая II императору Вильгельму[II]

«Получил твою телеграмму. Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей сторо-

[I] Ср.: Там же. С. 36–37.
[II] Немецкий посол, который был немедленно вызван, был того мнения, что эта телеграмма была послана до объявления войны. (*Примеч. авт.*)

ны такие же гарантии, какие я дал тебе, то есть что эти мероприятия не означают войны, и что мы будем продолжать переговоры на благо наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас. Наша долгая испытанная дружба сумеет с Божьей помощью предотвратить кровопролитие. С нетерпением и надеждой жду твоего ответа

Ники»[I].

№ 10. Телеграмма императора Вильгельма императору Николаю II, полученная министром иностранных дел в ночь с 19 на 20 июля 1914 г.

Послана из Берлина в 10.45 вечера.
Получена в 1.15 ночи.

«Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то что я требовал ответа сегодня к полудню, я до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был вынужден мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и недвусмысленный ответ твоего правительства — единственный путь, которым можно избежать неисчислимых бедствий. Пока я не получу этого ответа, я, увы, не могу обсуждать твоей телеграммы по существу. Во всяком случае, я должен просить тебя немедленно отдать приказ своим войскам, безусловно, воздерживаться от малейшего нарушения наших границ.

Вилли»[II].

Эти телеграммы ясно свидетельствуют, что император Николай II желал мира, что разделялось и его правительством, — и совершенно непонятно, как император Вильгельм мог утверждать впоследствии, будто император

[I] Ср.: Там же. С. 41–42.
[II] Ср.: Там же. С. 42–43.

Николай II хотел войны и что его письма и телеграммы не были искренними.

На следующий день[I] германский посол граф Пурталес передал Сазонову ноту, требуя, чтобы Россия отменила свою мобилизацию, дав минимальный срок для ответа. В ноте говорилось: если мобилизация не будет отменена в этот срок, то Германия будет считать себя в состоянии войны с Россией.

Граф Пурталес сказал Сазонову, что он передает эту ноту своего правительства «la mort dans l'âme»[II]. Он был взволнован и едва не упал в обморок, — стоило больших усилий, чтобы его успокоить. Он чувствовал, что обе страны находятся накануне ужасной катастрофы. Его волнение было искренним. Вероятнее всего, что в своих донесениях граф Пурталес высказывал уверенность в неизменной уступчивости России и сам был поражен, когда угрозы Германии не оказали действия.

Английский король предложил вмешаться лично в переговоры, надеясь добиться возобновления дипломатических переговоров. Русский император ответил (20 июля (2 августа)) чрез посредство сэра Джорджа Бьюкенена:

«Я с радостью принял бы твое дружеское предложение, если бы германский посол не вручил сегодня[III] после полудня моему правительству **ноту с объявлением войны**. С самого момента вручения ультиматума в Белграде Россия приложила все свои усилия на поиски какого-либо мирного разрешения вопроса, созданного выступлением Австрии. Целью этого выступления было разгромить Сербию и сделать ее вассалом Австрии. Последствием этого явилось бы нарушение равновесия сил на Балканах, представляющего столь жизненный интерес как для моей Империи, так и для держав, стремящихся поддержать равновесие сил в Европе. Все выдвигавшиеся предложения, в том числе и предложение твоего правительства, отвергались Германией и Австри-

[I] В полночь 18 июля 1914 г.
[II] С тяжелым сердцем *(фр.)*.
[III] Т. е. 19 июля 1914 г.

ей, и Германия проявила только тогда некоторую склонность к посредничеству, когда благоприятный момент для давления на Австрию прошел. Но и тогда она не выдвинула какого-либо определенного предложения.

Объявление Австрией войны Сербии заставило меня отдать приказ о частичной мобилизации, хотя ввиду угрожающего положения и ввиду быстроты, с которой Германия может сравнительно с Россией мобилизоваться, мои военные советники настойчиво рекомендовали общую мобилизацию. Вследствие завершения австрийской мобилизации, бомбардировки Белграда, концентрации австрийских войск в Галиции и тайных военных приготовлений Германии я был, в конце концов, вынужден принять эту линию поведения. Что я имел основание так поступить — доказывается внезапным объявлением войны Германией, совершенно для меня неожиданным, так как я дал императору Вильгельму самые категорические заверения, что мои войска не двинутся до тех пор, пока продолжаются переговоры о посредничестве.

В этот торжественный час я хочу еще раз заверить тебя, что я сделал все, что было в моих силах, чтобы предотвратить войну.

Теперь, когда мне ее навязали, я верю, что твоя страна не откажет поддержать Францию и Россию в борьбе за сохранение равновесия сил в Европе.

Бог да благословит и хранит тебя.

Ники»[1].

Сэр Джордж Бьюкенен дополнил эту телеграмму следующим:

«Император сказал, что не имеет возражений для опубликования этой депеши с другими документами.

В течение разговора со мною Его величество изволил заметить, что мобилизация не обязательно приводит к войне и что бывали частые случаи в истории, когда следовала за этим не война, а демобилизация.

[1] См.: Международные отношения в эпоху империализма... Т. 1. С. 535–536.

Германский император знал прекрасно, что Россия хочет мира и что ее мобилизация не может быть закончена ранее двух недель по крайней мере, но он объявил войну с такой поспешностью, дабы сделать дальнейшие переговоры невозможными, и это служит доказательством немецкой честности.

Кроме того, немецкие заявления совершенно неправильно передают события, с явным намерением убедить правительство Великобритании в том, что ответственность за войну лежит на России — в надежде побудить его остаться нейтральным.

Я решаюсь высказать со всею почтительностью свое мнение, что, если мы не ответим на призыв Его величества императора России о нашей поддержке, мы останемся в конце войны, как бы она ни кончилась, без друзей в Европе, с другой стороны, и наша Индийская империя не будет обеспечена от атаки со стороны России.

Также мы не можем ради нашей собственной безопасности допустить, чтобы Германия разбила Францию; мы будем, без сомнения, принуждены принять участие в войне раньше или позже; чем дольше мы будем откладывать наше вмешательство, тем дороже оно будет нам стоить».

Сазонов уведомил русских послов в Лондоне и Париже относительно положения вещей следующей телеграммой 20 июля (2 августа):

«Германия явно стремится переложить на нас ответственность за разрыв. Наша общая мобилизация была вызвана громадной ответственностью, которая создалась бы для нас, если бы мы не приняли всех мер предосторожности в то время, как Австрия, ограничиваясь переговорами, носившими характер проволочки, бомбардировала Белград.

Государь император своим словом обязался перед германским императором, что не предпримет никаких вызывающих действий, пока продолжаются переговоры с Австрией. После такого ручательства и после всех доказательств миролюбия России Германия не имела права и не могла сомневаться в нашем утверждении, что

примем с радостью всякий мирный выход, совместный с достоинством и независимостью Сербии. Иной исход был бы совершенно несовместимым с нашим собственным достоинством и, конечно, поколебал бы равновесие Европы, утвердив гегемонию Германии. Этот европейский мировой характер конфликта бесконечно важнее повода, его создавшего»[I].

Известие о том, что Германия объявила войну, распространилось с необычайной быстротой. Когда я пришел пообедать в ресторан «Донон», который находился напротив Министерства финансов, в нем царило волнение[II]. Внимание всех привлекали присутствовавшие там офицеры. Лица, не знавшие друг друга, стояли группами и обменивались замечаниями о событиях. Я спешно пообедал, так как Совет министров был созван в тот же вечер на Елагином острове. Председатель Совета министров просил меня высказать свое мнение насчет проекта Манифеста, который должен был быть обнародован на следующий день. Он сказал: хотя это будет воскресный день, император прибудет в Санкт-Петербург в Зимний дворец.

Совет министров также обсуждал вопрос о созыве Думы и Государственного совета, несмотря на то, что палаты распущены на лето. По закону империи Государь император имел право объявить войну и также заключить мир, но никто из нас не сомневался, ни одной минуты, что ввиду такого кризиса большие решения будут сообщены народным представителям. Дата, которая позволит депутатам, живущим в отдаленных провинциях России, прибыть в Санкт-Петербург, — будет 26 июля (8 августа), и проект указа был заготовлен к этому дню[III].

[I] Начало войны 1914 г. Поденная запись... С. 56–57.

[II] Имеется в виду 19 июля 1914 г.

[III] Чрезвычайную однодневную сессию законодательных учреждений И. Л. Горемыкин наметил по совету лидера думской Фракции националистов П. Н. Балашева, который телеграфировал И. Л. Горемыкину через киевского, волынского и подольского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова, что «всякое яркое и определенно выраженное единение Государя с народом является крайне желательным как для внутреннего положения страны, так и для впечатления за рубежом». Исходя из этого, П. Н. Балашев советовал «после принятия решения вооруженною силою разрубить создавшееся положение собрать Государственную думу хотя бы на один день для того, чтобы подчеркнуть полную солидарность всех слоев населения в минуту испытания и готовность их всеми силами служить престолу и родине» (Ф. Ф. Трепов — И. Л. Горемыкину. 14 июля 1914 г. // РГИА. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 10. Д. 7. Л. 1). В соответствующем Указе созыв палат Николай II мотивировал своим желанием «быть в полном единении с народом» (Именной высочайший указ Правительствующему сенату 20 июля 1914 г. «О созыве Государственного совета и Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 1. С. 8).

Самое главное в Манифесте было намечено на заседании, а окончательная его обработка поручена министру земледелия Кривошеину и государственному контролеру Харитонову. Окончательный текст манифеста был следующий:

«Манифест 20 июля (2 августа) 1914 г.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную, родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение»[I].

В это воскресенье Зимний дворец являл собой замечательное зрелище.

Внутри — члены Императорской фамилии, высшие сановники Империи, представители армии и флота были собраны в ожидании прибытия императора; снаружи на площади перед дворцом громадная толпа. Император прибыл с императрицей и августейшими детьми. Был отслужен торжественный молебен, пел чудный хор, придающий такую красоту православному богослужению. По окончании молебна император обратился к присутствующим со следующими словами:

«Со спокойствием и достоинством встретила Наша Великая Матушка Русь известие об объявлении нам войны.

Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей, и к вам, собранным здесь, представителям дорогих Мне войск гвардии и Петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крепкой, как стена гранитная, армии Моей и благословляю ее на труд ратный»[II].

[I] См.: Летопись войны. 1914. № 1. С. 4.

[II] См.: Там же. С. 23.

Император благословил ставшего перед ним на колени только что назначенного Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, и по призыву великого князя громадный дворцовый зал огласился мощным единодушным «ура». Все присутствующие запели «Боже, царя храни», а потом «Спаси, Господи, люди Твоя». Это было высшее напряжение патриотического чувства, связанное с готовностью пожертвовать жизнью за своего любимого монарха. Многие плакали, молодежь, можно сказать, рвалась в бой.

Государь был глубоко взволнован. Он медленно продвигался сквозь окружавшую его толпу.

Затем Государь с семьей вышел на балкон, выходящий на Дворцовую площадь, и вся бесчисленная толпа с криками «ура» и пением гимна опустилась на колени. Это было настоящее единение царя с народом.

За всю многовековую историю России, быть может, только одна Отечественная война, только 1812 год равняется по своему значению с предстоящими событиями. Поверьте мне, господа, правительство ничуть не ослеплено самонадеянностью, оно ясно отдает себе отчет в том, что эта война потребует крайнего напряжения сил, многих жертв и мужественной готовности к испытующим ударам судьбы. Но правительство непоколебимо верит в конечный успех, ибо оно беспредельно верит в великое историческое призвание России. *(Рукоплескания.)*

По объявлении нам войны правительство не могло не остановиться на вопросе о средствах для покрытия военных издержек. Война застает нас в финансовом положении, которое не внушает опасений правительству. Министр финансов сообщит вам о мероприятиях, намеченных в первую очередь. Необходимость этих мероприятий была одной из причин созыва законодательных учреждений. Но это внешняя и не самая важная причина. Созыв Государственного совета и Государственной думы внушен был более глубокой мыслью, ясно раскрытою в словах Высочайшего указа: "Ввиду ниспосланных Отечеству Нашему тяжких испытаний, желая быть в полном единении с народом, признали Мы за благо созвать Государственный совет и Государственную думу". *(Рукоплескания и голоса:* браво.*)*

Законодательные учреждения должны знать, что и впредь они будут досрочно созываемы, если по чрезвычайным обстоятельствам это будет признано необходимым. *(Рукоплескания.)*

На нашу долю, господа, выпала великая и ответственная задача быть выразителями народных дум и народного чувства. Правительство исполняло и исполнит свой долг до конца; теперь ваш черед, господа члены Государственной думы. В эту торжественную историческую минуту я, от имени правительства, призываю вас всех, без различия партий и направлений, проникнуться заветами Царского манифеста: да будут забыты внутренние распри *(Рукоплескания и голоса:* браво.*)*, и сплотиться вместе с нами вокруг единого знамени, на котором начертаны величайшие для всех нас слова: *"Государь и Россия". (Рукоплескания.)*»[1].

Дума провожает Горемыкина шумными аплодисментами.

Затем министр иностранных дел Сазонов выступил со следующими словами:

«Господа члены Государственной думы! В трудные минуты ответственных решений правительство почерпало силы в сознании полного единомыслия своего с народной совестью. *(Голоса:* браво.*)*.

Когда наступит время для истории произнести свой беспристрастный суд, ее решение, я твердо верю в это, не будет иным, как то, которым мы руководились: Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть великой Россией. *(Бурные рукоплескания.)*

Наши враги стремятся перенести на нас ответственность за бедствия, которые они навлекли на Европу, но их лживые наветы не могут ввести в заблуждение никого, кто добросовестно следит за политикой России за последние годы и за последние дни.

В сознании необъятных задач, связанных с ее внутренним развитием и преуспеянием, Россия не со вчерашнего дня дала многочисленные доказательства своего искреннего миролюбия; только благодаря этому миролюбию в Европе был предотвращен пожар, готовый разгореться, когда в 1912–1913 гг. возникла борьба на Балканах. Не в ней, не в русской политике заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россия никогда не полагала в тщеславном бряцании оружием, в попрании чужого самолюбия, в пренебрежении к правам слабых. Спокойная, мирная мощь России не давала покоя ее врагам. Нужно ли напоминать вам о всех попытках Австро-Венгрии подорвать историческое положение России на Балканах? Пришел час, ко-

[1] См.: Там же. С. 15.

гда я могу здесь не обинуясь сказать, что ее стараниями удалось посеять братоубийственную рознь между Болгарией и ее союзниками. Но подвергшееся тяжелым испытаниям дело единения православных народов Балканского полуострова, Бог даст, не погибнет.

Вы знаете повод войны. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрия решила выйти из них каким-нибудь смелым шагом, который создал бы впечатление ее силы, нанеся в то же время России унижение. Для этой цели была выбрана Сербия, с которой нас связывают узы истории, происхождения и веры. Вам известны условия, при которых Сербии был предъявлен ультиматум. Согласившись на него, Сербия стала бы вассалом Австрии. Было явно, что для нас не вступиться в дело значило бы не только отказаться от вековой роли России как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиною Германии для Европы есть закон.

На это не могли согласиться ни мы, ни Франция, ни Англия.

Не менее нас наши доблестные союзники прилагали свои усилия к укреплению мира в Европе. Наши враги ошиблись, приняв эти усилия за проявления слабости, и после вызова, брошенного Австрией, Россия не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести к мирному разрешению конфликта. В этом направлении были честно до конца исчерпаны все усилия наши и наших союзников. Вы убедитесь в этом из документов, которые будут обнародованы и которые излагают последовательный ход переговоров. Мы твердо стояли на одном условии: готовые принять всякий компромисс, способный без умаления ее достоинства быть принятым Австрией, мы исключали все, что могло задеть самостоятельность и независимость Сербии.

С самого начала мы не скрывали нашей точки зрения; несомненно, что, если бы берлинский кабинет захотел, он мог бы еще вовремя одним властным словом остановить свою союзницу так же, как он сделал это во время Балканского кризиса. Между тем Германия, кото-

рая за самые последние дни не переставала высказывать на словах свою готовность воздействовать на Вену, отвергла одно за другим делавшиеся ей предложения и со своей стороны выступала с пустыми заверениями. Время шло, переговоры не подвигались. Австрия подвергла Белград ожесточенной бомбардировке. Это был организованный правительством погром — естественное продолжение погрома беззащитного сербского населения Сараева после известного злодеяния 15 июня[1]. Явная цель всего этого было выиграть переговорами время, поставить нас и Европу перед совершившимся фактом унижения Сербии. При таких условиях мы не могли не принять естественных мер предосторожности, тем более что Австрия уже мобилизировала половину своей армии.

Когда в России была объявлена мобилизация армии и флота, Государю императору благоугодно было Своим Царственным словом поручиться перед германским императором, что Россия не приступит к применению силы, пока есть надежда на мирный исход переговоров на тех, полных умеренности, началах, о которых я упомянул. Этот голос не был услышан. Германия объявила войну сначала нам, потом нашей союзнице. Потеряв всякое самообладание, она стала попирать общепризнанные права государств, нейтралитет коих обеспечен торжественной подписью ее самой, наравне с другими государствами. Нельзя не преклониться перед героизмом бельгийского народа, борющегося против огромной германской армии. *(Бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса бельгийскому посланнику графу Конраду де-Буиссерэ-Стеенбеке-де-Бларениен.)*

Образ действий Германии не мог не вызвать глубокого негодования всего цивилизованного мира *(Бурные рукоплескания.)*, и прежде всего благородной Франции, которая вместе с нами стала на защиту попранного права и справедливости. *(Бурные рукоплескания находя-*

[1] Подразумевается убийство Франца-Фердинанда и его жены.

щемуся в ложе дипломатического корпуса французскому послу Морису Палеологу.)

Нужно ли говорить, что те же чувства одухотворили Англию... *(Бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса великобританскому послу Джорджу Бьюкенену.)* Англию, которая, как один человек, сплотилась в общем чувстве — необходимости дать отпор Германии в ее стремлении наложить на Европу тяжелую руку своей гегемонии.

Теперь тот повод, из-за которого возникла война, отступает перед значением, которое она приобретает для каждого из нас и наших союзников. Германия нам объявила войну 19 июля, а через пять дней после нее и Австрия, мотивировавшая свое решение нашим вмешательством в свой спор с Сербией, а также тем, что мы открыли враждебные действия против Германии. Этим будто бы и вызвана война последней против нас. Неприятельские войска вступили на русскую землю. Мы боремся за нашу Родину, мы боремся за свое достоинство и положение великой державы. Владычества Германии и ее союзницы в Европе мы допустить не можем. Те же побуждения руководят нашими союзниками. Мы не предавались пустому тщеславию. Мы знаем, что на нашем пути могут быть тяжелые испытания; они уже учитываются нашими врагами. Не зная России и презрев ее историю, они рассчитывают на возможность малодушия с нашей стороны. Но Бог, не оставивший Россию в самые тяжелые годины ее истории, не покинет и теперь нашу Родину, которая вся сплотилась вокруг своего Царя в общем чувстве любви и самопожертвования. *(В центре, справа и слева продолжительные рукоплескания и голоса:* браво, верно.*)*

Со смиренным упованием на помощь Божию, с непоколебимой верой в Россию, правительство с горячим доверием обращается к вам, народным избранникам *(Голоса:* браво.*)*, убежденное, что в вашем лице отражается образ нашей великой Родины, над которой да не посмеются наши враги! *(Члены Государственной думы стоя приветствуют министра иностранных дел продолжительными и бурными рукоплесканиями; голоса:* браво; *голоса справа:* молодчина, вот это здорово.*)*»[1].

Сазонов говорил очень искренне и с большим воодушевлением. Он завоевал полную симпатию Думы, и его поразительный успех был заслуженной наградой за необычайные усилия, приложенные им для сохранения мира в течение последних недель, когда он не имел ни минуты отдыха. Дума не могла достаточно следить за разворачивающимися событиями, которые показывали, что Россия войны не хотела, что император и правительство были миролюбивы и делали все, что было возможно, чтобы избегнуть войны. Объяснить эту политику было задачей Сазонова. Его выступление показало без тени сомнения, что не были откинуты никакие усилия и шаги, чтобы привести к мирному разрешению кризиса. Горячие овации, которые Дума устроила Сазонову, показывали, что палата одобряет политику Государя и правительства и ценит то, что было сделано для предотвращения войны.

Государственный совет собрался в тот же вечер в Мариинском дворце. Заседание было торжественным, но атмосфера была спокойнее, чем в Думе. Государственный совет всегда был более сдержанным, чем нижняя палата, все же патриотические чувства были высказаны в течение этого исторического заседания, но более спокойно, и эта спокойная атмосфера ощущалась и теми, кто выступал от имени правительства. Их речи были менее горячими, а задача была более трудной, так как они должны были повторять то, что они уже говорили в Думе утром того же дня.

Финансовый проект был одобрен Государственным советом без всяких прений, и законы, проведенные в этот день, дали возможность министру финансов располагать фондами для расходов, вызванных войной.

На следующий день, в воскресенье 27 июля (9 августа), кабинет был приглашен в Петергоф для встречи вдовствующей императрицы Марии Феодоров-

[1] См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 15–17.

ны[I]. Ее поезд беспрепятственно прошел через Швецию и Финляндию по направлению к России. Вся Императорская фамилия, некоторые высшие чины Двора, члены Кабинета министров и почетный караул от Гвардейского экипажа (шефом которого была императрица Мария Феодоровна) ожидали прибытия государыни. Поезд пришел без минуты запоздания. Государь со всей семьей вошел в вагон императрицы-матери, через несколько минут вышел оттуда и сопровождал вдовствующую императрицу при обходе собравшихся. Государыня останавливалась и с чарующей приветливостью обращалась ко многим из встречавших, затем, обойдя почетный караул, вошла с Государем и всей Императорской семьей в приемную комнату, где собрались придворные дамы, статс-дамы и фрейлины.

Когда Императорская семья уехала в петергофскую резиденцию Государя «Александрию», члены Совета министров вернулись в Петербург поездом и по дороге обсуждали и решили несколько срочных вопросов.

В следующую пятницу (1 (14) августа), как обычно, в 11 часов утра, я делал свой доклад Государю[II]. Я доложил императору, что кроме финансовых законов, уже одобренных законодательными учреждениями, мне представляется необходимым приготовить, без замедления, целую серию законов для проведения новых налогов. Естественно, что от этих новых налогов не будет немедленных результатов, но постепенно они дадут поступления, нужные для оплаты процентов и постепенного погашения будущих военных займов. Я сказал Государю, что с роспуском палат правительство имеет право вводить экстренные меры, но добавил, что было бы, как мне кажется, лучше обсудить экстренные законы в различных специальных комиссиях. Эти органы могли бы

[I] Под 27 июля 1914 г. Николай II записал: «В 10½ была обедня вследствие приезда дорогой Мама́ в 12.36 сюда в Петергоф. Встречало все семейство, министры и свита» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 49).

[II] «В 11 час., — отметил император 1 августа 1914 г., — у меня был [великий князь] Сергей [Михайлович], затем Барк» (Там же. С. 50).

привлечь отдельных членов Государственного совета и Государственной думы, а также экспертов по экономическим и финансовым вопросам. Такого рода процедура позволит мне слышать возражения компетентных и авторитетных лиц. И, кроме того, я получу поддержку членов Государственной думы и Государственного совета, привлеченных к участию в этих комиссиях, что облегчит проведение этих законов впоследствии в законодательных учреждениях.

Государь дал свое согласие[I]. По окончании моего доклада я спросил, доволен ли Государь тем, как проходит мобилизация. Он ответил, что вполне доволен не только работой военных властей, но также мерами, принятыми Министерством путей сообщения. Министром путей сообщения был в это время Рухлов — очень сведущий и энергичный человек. Государь добавил, что закрытие питейных заведений во время мобилизации было очень важной и удачной мерой. С небольшими и пустяшными исключениями мобилизация прошла повсюду с большой точностью и порядком, и Его величество приписывает это удачное проведение сложного дела мобилизации тому факту, что молодые люди, которые должны были являться в свои части, нигде не могли доставать спиртных напитков.

[I] После этого П. Л. Барк стал председательствовать в Межведомственном совещании при Министерстве финансов, с участием членов законодательных учреждений и торгово-промышленных организаций, для рассмотрения выработанных министерством предположений о повышении, в связи с чрезвычайными обстоятельствами военного времени, ставок существующих видов обложения и о введении некоторых новых налогов. П. Л. Барк являлся также председателем Межведомственного совещания при Министерстве финансов, с участием представителей законодательных палат, торговли, промышленности и науки, для обсуждения предположений министерства о преобразовании действующей налоговой системы.

ГЛАВА X

В результате решения Государя закрыть питейные заведения министру финансов пришлось взяться немедленно за работу для замены доходов от продажи алкоголя другими налогами.

Мне посчастливилось получить поддержку и сотрудничество графа С. Ю. Витте в этом деле. Граф Витте был министром финансов с 1892 до 1903 г. и председателем Совета министров с 1905 по 1906 г.

Он проводил лето по обыкновению за границей, и война застала его в Биаррице, где он проживал с семьей своей приемной дочери, вышедшей замуж за Нарышкина. Несмотря на всю трудность возвращения в Россию, представлявшего особенно большие неприятности для графа, не переносившего морских путешествий, он не убоялся утомительного для него пути по Средиземному и Черному морям и, покинув Францию в Марселе, вернулся в Россию через Босфор и Одессу. По приезде в Петроград он зашел ко мне и долго излагал мне свои взгляды на развернувшуюся европейскую трагедию. Он был глубоко убежден, что Россия не в состоянии будет бороться с Германией, говорил, что эта вой-

на грозит России неисчислимыми бедствиями и полным разорением, и не возлагал никаких надежд на наших союзников. Когда я ему указал на блестящие наши военные успехи в Галиции, а также на наше победоносное вторжение в Пруссию[1], он мне возражал, что это успехи мимолетные, что мы не будем в силах удержать за собой отвоеванные территории, и говорил, что единственное наше спасение может состоять в том, чтобы, воспользовавшись нынешними кратковременными успехами, заключить мир с Германией и Австро-Венгрией. Он не сомневался в том, что Германия охотно пойдет навстречу нашим пожеланиям и сделает серьезные уступки, чтобы иметь один только фронт для дальнейшего натиска на главных своих врагов — Великобританию и Францию. По его убеждению, Германия заинтересована в сохранении добрососедских отношений с нами; германский народ никогда не питал недружелюбных чувств к своему восточному соседу, искони жил с ним в мире и теперь не поднял бы на нас меча, если бы не был вынужден к сему агрессивными действиями с нашей стороны. Я был совершенно удивлен такой аргументацией и напомнил графу, что не мы объявили войну Германии, а, наоборот, Германия объявила нам войну. На это граф С. Ю. Витте возразил, что Германия была поставлена нашей мобилизацией в положение человека, на которого замахнулись палкой. Что же должен был сделать человек, над головой которого занесен удар, если он дорожит своим существованием, — ожидать этого удара или же, для самозащиты, ударить первому, чтобы предупредить нападение? Я не мог согласиться с такой аргументацией, но не продолжал спора, так как с самого начала войны находил совершенно излишним словопрения о том, кто из народов несет ответственность за возникновение мирового пожара. Эта народная трагедия подготовлялась долгие годы, причины ее коренились очень глубоко, исторические законы, несомненно, привели бы рано или поздно к этому ожесточенному столкновению,

[1] Имеются в виду Галицийская битва 5 августа — 8 сентября и Восточно-Прусская операция 4 августа — 1 сентября 1914 г.

и диагноз повода, из-за коего возгорелась давно назревавшая война, по моему мнению, не имел никакого реального значения. Необходимо было считаться с фактами и с их возможными последствиями, прилагать все меры к тому, чтобы оградить нашу родину от великих потрясений. Вследствие этого, избегая полемики с графом Витте, я вместе с тем внимательно прислушивался к его словам, веря в его государственный опыт, прозорливость и чуткость ко всем жизненным явлениям. Прежняя его государственная деятельность позволила ему находиться в центре мировых событий, заключение торгового договора с Германией и с другими странами[1], заключение Портсмутского мира и знакомство с выдающимися иностранными государственными деятелями открывали ему возможность правильной оценки международного положения, а нахождение его в течение нескольких лет вдали от активной политики, за коей он продолжал следить со свойственной ему вдумчивостью и большим вниманием, позволяло ему оценивать события в надлежащей перспективе, не впадая в ошибки, вполне свойственные лицам, погруженным в свое текущее дело и лишенным возможности составить себе беспристрастное суждение.

По мнению графа С. Ю. Витте, нынешняя война — это единоборство Великобритании и Германии за мировую гегемонию; давно уже Германия напрягает все силы, чтобы лихорадочной постройкой военных и торговых судов догнать английский флот и уничтожить превосходство Англии на морях, что же касается других областей, то огромные успехи, достигнутые германской торговлей и промышленностью, позволили немцам не только конкурировать с Англией на мировых рынках, но вытеснять с них английские продукты и даже наводнять своими саму Великобританию. Все же владычество Англии остается крепким, и Германия не успокоится до тех пор, пока не померится с нею вооруженными силами, блестящая же военная организация Германии дает ей надежду

[1] Подразумеваются, прежде всего, русско-германские торговые договоры 1894 и 1904 гг.

выйти победительницей из этой исполинской борьбы. Остальным державам суждено играть роль статистов в этой схватке, но, к сожалению, не простых очевидцев, а втянутых в бойню, «ad majorem Dei glorian»[I]. Граф Витте с иронией заметил, что Великобритания, конечно, не прочь биться до последней капли крови русского солдата, но едва ли нам приличествует идти на ее поводу, и мы обязаны вовремя остановиться, чтобы не подвергнуть гибели все благосостояние и бытие нашей родины[II].

Когда я заметил графу, что недавним соглашением с Англией и Францией союзники обязались между собой не начинать независимых переговоров о мире и действовать вполне солидарно в течение всей войны[III], он очень заволновался, сказав, что прочитал об этом в газетах, но не хотел верить, что Россия приняла на себя такое обязательство, и спросил меня, была ли выговорена

[I] К вящей славе Божией *(лат.)*.

[II] Ср. с аргументами, приведенными С. Ю. Витте в письме к великому князю Константину Константиновичу от 13 октября 1914 г.: «Живя в кровавой и воспаленной атмосфере совершающейся великой бойни культурных народов, люди страдают не только тем, что творится, но и тем, что им приходит на ум. Вот и меня не оставляет мучительная мысль: не проливает ли Россия потоки крови и не бросает ли свое достояние в пламя войны и ее последствий преимущественно для блага коварного Альбиона, еще так недавно натравившего на нас Японию? Не ведет ли Англия нас на поводе и не приведет ли в такое положение, которое затем потребует от нашего потомства массы жертв, чтобы избавиться от нового друга? Ведь история ее отношений к Испании и Франции ради уничтожения их конкуренции на морях служит некоторой иллюстрацией ее отношений к современной Германии, с которой английские деятели поклялись вести войну, по выражению одного русского дипломата, до последней капли русской крови. Эти мучительные вопросы меня тревожат» (*Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте // Собр. соч.: в 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 277).

[III] Имеется в виду соглашение России, Англии и Франции о незаключении сепаратного мира, подписанное в Лондоне 23 августа (5 сентября) 1914 г. английским министром иностранных дел Э. Греем, российским послом графом А. К. Бенкендорфом и французским послом П. Камбоном. «Российское, английское и французское правительства, — гласил этот договор, — взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны. Три правительства соглашаются в том, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 425).

при этом надлежащая финансовая и техническая поддержка России со стороны союзников. Мне пришлось ответить, что о последовавшем соглашении я узнал так же, как и граф Витте, только из газет, ибо, как графу самому хорошо известно, международная политика изъята из компетенции Совета министров; министр иностранных дел ведет все переговоры и заключает соглашения по непосредственным указаниям Государя и в данном случае не уклонился от обычного порядка. Мне также неизвестно, обещана ли России какая-нибудь военно-техническая помощь со стороны ее союзников, но я уверен, что о финансовой помощи не было речи, так как для ее выяснения был бы предварительно запрошен министр финансов, между тем со мной никаких письменных сношений не было и даже словесно С. Д. Сазонов меня не предупреждал о готовившемся соглашении. Граф С. Ю. Витте обрушился с ожесточенной критикой на действия С. Д. Сазонова, говорил мне, что никогда не сочувствовал его политике сближения России с Англией в ущерб нашим дружеским отношениям с Германией, и находил непростительным, что министр иностранных дел, во время такой небывалой войны, делает Государя ответственным за принятие важнейших решений по капитальным вопросам и не докладывает таковые предварительно Совету министров. В чрезвычайных обстоятельствах единственным ответственным органом должно быть все правительство; и отдельные министры, способные легко ошибаться, не имеют права вести независимую политику, прикрываясь именем монарха. Граф Витте долго говорил мне об узкой эгоистической политике наших обоих союзников, Англии и Франции, доказывал, что нам придется на своих плечах вынести главную тяжесть кампании, и настаивал, несмотря на заключенное нами соглашение, на необходимости для нас без замедлений нащупывать почву для восстановления добрососедских отношений с Германией. Дипломаты найдут, наверно, какой-нибудь способ для облечения таких действий в правовую форму, что же касается честного маклера, то таковым может стать

Италия, которая с самого начала войны заняла независимое от Германии положение и едва ли захочет воевать бок о бок с Австро-Венгрией. Граф С. Ю. Витте все возвращался к этой теме и в заключение сказал, что если государственные люди не послушаются его предостерегающего голоса и не предпримут немедленных шагов для приостановления кровопролития, хотя бы на нашем фронте, то всем державам, вовлеченным в эту трагедию, грозят неисчислимые бедствия, для России же она завершится катастрофой, и война, которая начата правительствами, будет закончена народами.

Я несколько отвлекся в сторону, чтобы отметить настроение графа С. Ю. Витте в самом начале кампании и привести его слова, коим суждено было стать пророческими. Потом я не раз вспоминал этот разговор с графом Витте, и хотя мы в Совете министров, при первом докладе С. Д. Сазонова 11 июля 1914 г., обрисовавшего нам всю международную обстановку, вполне сознавали, что неудачная война означает гибель великодержавной России и вероятную у нас революцию, но первый удачный для нас военный период в значительной степени повлиял на наше настроение. Неожиданное вовлечение Англии в нашу орбиту, необычайно быстро и хорошо выполненная мобилизация, наконец, блестящие успехи русского оружия в Галиции и вторжение русских войск в Восточную Пруссию заставляли замолкнуть даже пессимистов и возбуждали в нас надежду на дальнейшее благополучное развитие событий.

Переходя к интересовавшей меня теме о трезвенности и связанных с ней начинаниях, я встретил у своего собеседника полную готовность помочь мне своим знанием и опытом. Мои предположения о том, чтобы проекты налогов, которые должны были заменить в нашем бюджете доходы казенной винной монополии, были рассмотрены в совещании с участием членов законодательных палат, нашли его полное одобрение. Он изъявил также согласие участвовать в предварительной разработке проектов, которые я намеревался подвергнуть обсуждению в немногочисленной коллегии компетент-

их критику в многоголовом совещании о налогах. Затем я хотел воспользоваться первым возобновлением законодательной сессии, чтобы провести подоходный налог, и только после проведения подоходного налога, который, по моему мнению, должен был служить краеугольным камнем новой налоговой системы, можно было бы заняться разработкой целого плана, осуществление которого растянулось бы на много лет. Вводить подоходный налог по ст. 87 я не считал целесообразным, так как он имел ожесточенных противников как в Государственной думе, так и в Государственном совете, и при дальнейшем рассмотрении в этих учреждениях закона, проведенного по ст. 87, таковой наверно был бы отклонен[1]. Я отдавал себе, конечно, ясный отчет в том, что моя тактика вызовет жестокие нападки в думских кругах, но я преследовал совершенно определенные конкретные цели. Я хотел, чтобы во время управлению мною Министерством финансов в законодательные учреждения был впервые внесен «трезвый бюджет» на смену «пьяного бюджета», который должен был отойти в область преданий, и засим я хотел, чтобы, также во время управлению мною Министерством финансов, [был] внесен подоходный налог. Стремясь достигнуть этих практических задач, я готов был за них пострадать. Я нисколько не обольщал себя надеждой, будто я многие годы могу оставаться на своем посту; скорее рано, чем поздно, мог наступить для меня момент, когда те или иные причины побудили бы Государя призвать другое лицо для заведывания русскими финансами, к чему я относился совершенно спокойно и, думая об этом моменте, предпочитал оставить после себя проведенные в жизнь капитальные две реформы, которые должны были иметь огромное значение для всего народного благосостояния, а не передать моему преемнику идеально разработанный план новой налоговой системы, который оставался бы только на бумаге.

[1] О позиции П. Л. Барка по этому вопросу имеется и информация противоположного рода. «Барк проектирует систему подоходного налога, весьма высокого по своим ставкам, — сообщал, в свою очередь, 30 октября 1914 г. Г. В. Немирович-Данченко М. К. Якимову. — При этом налоги — поземельный, квартирный и т. п. — не только не будут отменены или поглощены подоходным налогом, но будут увеличены. Вся эта мера, которая едва покроет четвертую часть пьяного дефицита, вызывает уже большие толки в обществе и в помещичьей среде, по-видимому, будет проведена в порядке 87 ст.» (Г. В. Немирович-Данченко — М. К. Якимову. 30 октября 1914 г. // Первая мировая война в оценке современников... Т. 1. С. 147).

Эту мысль я вполне откровенно высказал Государю, когда докладывал ему о ходе работ многоголового совещания о налогах. Я ходатайствовал об утверждении налоговых мероприятий, проводимых мною через Совет министров, по ст. 87 Основных законов, несмотря на все возражения, высказывавшиеся в совещании о налогах; я говорил о своем намерении провести с возможной скоростью подоходный налог, но предупреждал Государя, что своими действиями министр финансов, несомненно, вызовет бурю негодования, и, вероятно, в скором времени с разных сторон будут сделаны попытки убедить Государя в том, что Барк далеко не на высоте, не справляется со своим делом и что ему необходимо найти заместителя. Государь посмотрел на меня своим ласковым чарующим взором и серьезным тоном ответил: «Если кто-нибудь заговорит со мной на эту тему, я покажу ему на дверь», — и указал рукой на дверь своего кабинета, выходившую в приемную.

Время подтвердило мои предположения. Со всех сторон посыпались на меня нападки за проведенные мною налоги. Нигде, конечно, ни в одном государстве не наблюдалось, чтобы плательщики налогов с радостью производили причитающиеся с них платежи. Платить никто не любит, в особенности же в России, где так мало развито чувство долга. Критика же моих действий облегчалась еще тем, что я решился принять срочные меры в порядке ст. 87, не ожидая возобновления сессии законодательных учреждений. Все было признано плохим и особенно неприемлемым железнодорожный налог. Между тем именно этот налог оказался наиболее продуктивным, он давал ежемесячно казне не менее 10–12 млн рублей, а общий сбор с пассажиров и грузов давал казначейству около четверти миллиарда рублей в год. Понятно, что

я очень дорожил этими поступлениями, и впоследствии срок этого обложения, истекавший 1 января 1916 г., был продлен до 1 января 1918 г.[1]

Интересно отметить, что Государственная дума, за все время войны, не удосужилась рассмотреть ни одного из моих налоговых мероприятий, проведенных в порядке ст. 87 Основных законов, несмотря на то, что я по возобновлении законодательной сессии, в июле 1915 г., внес немедленно в Думу все соответственные законопроекты[1]. Я полагаю, что представители оппозиции в душе были очень довольны моей независимостью; она давала им лишний повод громить правительство за то, будто оно игнорирует Государственную думу, по существу же члены Думы понимали необходимость и целесообразность принятых мною мер, а раз таковые были уже проведены в жизнь, то это избавляло их от надобности тратить время на обсуждение финансовых вопросов, и это время оставалось свободным для политической борьбы с правительством. Таким образом, при всяком удобном и неудобном случае, с трибуны Государственной думы раздавались упреки по адресу министра финансов,

[1] Введение железнодорожного налога было предрешено на заседании Совета министров 2 сентября 1914 г., чей Особый журнал Николай II утвердил 4 октября. На заседании 6 сентября правительство постановило, согласно статье 87 Основных законов 1906 г., ввести временный военный налог с пассажиров всех четырех классов, проезжающих по открытым как для правильного, так и для временного движения железным дорогам и рельсовым подъездным путям, а также с перевозимых по этим дорогам и путям пассажирского багажа и грузов, следующих по багажным квитанциям, в размере 25% от соответствующей тарифной платы, включая в таковую уже существовавший 15-процентный государственный сбор. Особый журнал Совета министров на данную тему Николай II утвердил 27 сентября (Особый журнал Совета министров 6 сентября 1914 г. «О временном налоге с проезжающих по железным дорогам пассажиров, с пассажирского багажа и с перевозимых по багажным квитанциям грузов» // Особые журналы Совета министров... 1914 год. С. 352–353). На заседании 14 октября 1914 г., когда П. Л. Барк поднял вопрос «о железнодорожном налоге ввиду ходатайств», правительство решило: «1) Предоставить Совету министров, если налоги велики, понижать. 2) Способ взимания налога — установить инструкционным путем». На заседании 2 декабря П. Л. Барк сообщил: «Железнодорожный налог вызывает недоразумения. На коротких расстояниях слишком обременительно. Совету предоставлено изменять. Образовать Особое совещание постоянное, предоставив ему приводить в исполнение без Совета [министров]». Однако И. Л. Горемыкин заметил: «У правительства нет права уполномочивать совещание» (Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 84, 106). В результате кабинет решил образовать при Министерстве финансов, для предварительного соображения вопросов, связанных с изменением ставок временного железнодорожного налога, Особый комитет под председательством директора Департамента железнодорожных дел этого министерства Н. Е. Гиацинтова из представителей ведомств и грузоотправителей. Заключения комитета подлежали внесению министром финансов непосредственно в Совет министров «для беззамедлительного их, по возможности в тот же день, рассмотрения». Решение правительства Николай II утвердил 16 декабря 1914 г. См.: Особый журнал Совета министров 2 декабря 1914 г. «Об изменении некоторых ставок временного с перевозимых по железным дорогам грузов налога» // Особые журналы Совета министров... 1914 год. С. 562–563.

[1] С июля 1914 по октябрь 1916 г. по инициативе П. Л. Барка правительство провело в порядке статьи 87 Основных законов следующие меры: А) в области прямых налогов — 1) о введении временного налога на прирост прибыли предприятий и лиц, доходы которых возросли, 2) о повышении поземельного налога, 3) о повышении налога на городские недвижимости, 4) о повышении промыслового налога, 5) о повышении квартирного налога, 6) о повышении сбора со специальных текущих счетов, 7) о введении сбора с денежных капиталов, обеспеченных в качестве долгов, лежащих на недвижимых имуществах, 8) о повышении оброчной подати, 9) о повышении кибиточной подати, 10) о введении военного налога; Б) в области косвенных налогов — 1) о введении акциза на виноградные вина, 2) о повышении акциза на фруктово-виноградный спирт, 3) о повышении налога на пиво- и медоварение, 4) о повышении (дважды) налога на табак, 5) повышении (дважды) акциза на сахар, 6) о повышении (дважды) акциза на спички, 7) о повышении (дважды) акциза на нефтяные продукты, 8) о повышении таможенной пошлины, 8) о введении акциза на чай, 9) о повышении акциза с прессованных дрожжей, 10) о введении налога на хлопок русского происхождения, перевозимый по железным дорогам; В) в области пошлин и сборов — 1) о введении временного налога на увеселения и зрелища, 2) о введении временного налога на тотализатор, 3) о повышении страховых пошлин, 4) о повышении судебных пошлин, 5) о повышении гербовых сборов, 6) о повышении портовых сборов, 7) о введении новой повышенной оценки земли для исчисления наследственных пошлин; Г) в почтово-телеграфной и телефонной сферах — 1) о повышении почтового тарифа, 2) о повышении телеграфного тарифа, 3) о введении государственного налога на телефоны; Д) в сфере железнодорожных доходов — о введении временного налога на перевозку пассажиров и грузов и повышении грузового тарифа (Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 60–69). Законопроекты, соответствующие перечисленным мерам, Совет министров неизменно вносил в IV Государственную думу, которая не рассматривала их вплоть до Февральской революции 1917 г.

что он ввел совершенно недопустимый железнодорожный налог, обременяющий будто бы донельзя товарный оборот, но никому из критиковавших не приходило в голову предложить Думе немедленно рассмотреть представленный ей министром финансов соответственный законопроект и опровергнуть его. Конечно, каждый из членов Думы, выступавший с критикой, прекрасно понимал, что если бы этот законопроект был подвергнут рассмотрению в Думе, то он не только не был бы отвергнут, а, весьма вероятно, ставки налога, определенные министром финансов, были бы признаны слишком скромными и подверглись бы сильному повышению.

Даже к рассмотрению законопроекта о подоходном налоге, на срочном обсуждении коего я энергично настаивал в своем выступлении летом 1915 г., как только возобновилась сессия[I], Государственная дума приступила крайне неохотно и так тянула с этим делом, которое лежало в Думе с 1907 г., было рассмотрено в бесконечном количестве комиссий и могло быть проведено в несколько дней, что законопроект не был своевременно передан в Государственный совет и был рассмотрен им только весной 1916 г.[II] Вследствие такой потери времени Министерство финансов лишилось этого дохода в 1916 г. и могло внести свои первые исчисления подоходного налога лишь в бюджет 1917 г.

Несмотря на все ожесточенные нападки, я продолжал идти по намеченному пути и приступил к разработке подробного плана новой налоговой системы лишь после того, как часть налогов была проведена по ст. 87 Основных законов, а подоходный налог был, наконец, принят Думой в течение летней сессии 1915 г. Для обсуждения же этого пресловутого плана мною выдвинут был опять громоздкий аппарат многоголового совещания с некоторыми членами Думы; было устроено так, что пожелание о созыве такого совещания было высказано самой Думой, а я принял на себя обязательство это пожелание исполнить. Для меня это не представляло никакого труда, так как достаточно было несколько обновить совещание, созванное министром финансов осенью 1914 г., но для большей торжественности было решено пополнить его большим количеством представителей науки, а также несколькими представителями общественных организаций. Я был глубоко убежден, что весь этот аппарат окажется совершенно неработоспособным, но считал себя вынужденным сделать эту уступку общественному настроению. Первые заседания этого многоголового совещания, прошедшие под моим председательством, были очень многолюдны и дали возможность многим его участникам говорить длинные речи не столько по финансовым вопросам, сколько на общие политические темы. Для большей продуктивности работы я предложил образовать три секции по специальностям, для обсуждения в одной секции предположений о прямых налогах, в другой о косвенных налогах и в третьей о монополиях. Заседания секции посещались уже гораздо менее ретиво, весьма скоро они даже стали откладываться, так как приходили лишь чиновники, представители разных ведомств, наконец, пришлось совсем отказаться от назначения заседаний, и вся дальнейшая работа производилась исключительно в подлежащих департаментах Министерства финансов. Этот абсентеизм представителей общественного элемента при разработке требовавшегося ими плана новой налоговой системы меня мало беспокоил, я знал, что это дело долгого времени и что главный труд все равно упадет на Министерство финансов. Практические же цели, которые я себе поставил, были достигнуты; уже на 1916 г. я мог представить бюджет, в коем питейный доход занимал весьма скромное место, составляя менее 50 млн рублей, бюджет же на 1917 г. поистине можно было назвать «трезвым бюджетом». «Пьяный бюджет» канул

[I] После возобновления занятий IV Государственной думы 19 июля 1915 г. ее Общее собрание приступило к обсуждению доклада Финансовой комиссии о введении подоходного налога почти через месяц, лишь 11 августа, утвердив его только 28 августа 1915 г. Прения в связи с этим, в том числе выступление П. Л. Барка, см.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 556–1005.

[II] Точнее — в феврале 1916 г.

в вечность. А кроме того, в бюджете на 1917 г. впервые были исчислены поступления от подоходного налога, который становился краеугольным камнем нашей налоговой системы. Прочный фундамент для благоустроенных финансов был заложен взамен гнилых пьяных подпорок, были созданы прочные устои равномерного, справедливого подоходного обложения. Обязательство, принятое мною перед Государем при моем назначении на пост министра финансов, было выполнено — пьяный доход был устранен из бюджета. Но я не переставал заботиться о том, чтобы принятые правительством запретительные меры по изготовлению и продаже крепких напитков были закреплены законом. Однако подвинуть правительство на рассмотрение законопроекта, коим окончательно утверждались бы эти запретительные нормы, было делом очень нелегким.

Когда я представил Государю императору в октябре 1916 г. смету бюджета на 1917 г.[1], я сопроводил ее следующими пояснениями:

«Составленный на изъясненных основаниях проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 г., — третий годичный план финансового хозяйства, вырабатываемый в течение войны, — по необходимости носит на себе, подобно росписям 1915 и 1916 гг., печать переживаемых исключительных обстоятельств.

Но в то время как росписи предшествующих лет отражали на себе в заметной степени тяжелые последствия военных обстоятельств, проект росписи на 1917 г., опирающийся в своих предположениях на данные о состоянии в настоящее время хозяйственных сил страны, свидетельствует об огромной экономической мощи нашей родины.

Неизбежное неблагоприятное влияние условий военного времени на платежеспособность населения, временное занятие части государственной территории не-

[1] На этом всеподданнейшем докладе П. Л. Барка Николай II написал 21 октября 1916 г., будучи в Царском Селе: «Отрадная картина» (Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 53).

приятелем и, наконец, осуществленные в начале войны меры по водворению в населении трезвости вызвали в 1914 г. крупное сокращение обыкновенных доходных поступлений казны, составившее по сравнению с предыдущим годом свыше 500 млн руб. В следующем 1915 г. государственные доходы претерпели дальнейшее, хотя и не очень значительное, уменьшение. Однако уже в текущем году обнаружился заметный прирост доходных поступлений, давший за первые 8 месяцев года превышение около 750 млн руб. над суммою доходов за соответствующий промежуток времени 1915 г. Сообразно с этим и поступления по обыкновенному отделу доходной части росписи могли быть повышены до огромной цифры, близкой к 4 миллиардам руб., превосходящей на 581 миллион руб. наиболее крупную доселе в истории русского финансового хозяйства сумму обыкновенных поступлений в казну за 1913 г.

Итоги эти, о коих я счастлив представить милостивому вниманию Вашего Императорского Величества, знаменуют собою крупный успех на пути к разрешению вставшей перед финансовым управлением с самого начала войны задачи по замене огромного питейного дохода, служившего ранее одним из главных устоев русского бюджета, иными, более здоровыми источниками государственных доходов, а также по восполнению того ущерба, который претерпели государственные финансы вследствие неблагоприятного влияния переживаемой военной страды.

Главным орудием, содействовавшим усиленному притоку средств в Государственное казначейство, явились последовательно, с самого возникновения военных событий, осуществлявшиеся у нас меры по усилению ставок действовавших ранее налогов и введению некоторых новых видов обложения. Финансовые результаты этих мер, исчислявшиеся по росписи на 1915 год в сумме несколько более 500 млн руб., в текущем году должны предположительно составить 725 млн руб., а согласно проекту росписи на 1917 г. они ожидаются в сумме 1075 млн руб., значительно превышая, таким образом,

поступления по казенной винной операции в годы наибольшего ее развития.

Являясь новым мощным источником питания средствами Государственной казны, означенные меры служили также способом возможного усовершенствования нашего податного строя на началах уравнительности и справедливости в распределении налогового бремени. Наибольшее в сем отношении значение принадлежит, бесспорно, введению государственного подоходного налога, согласно высочайше утвержденному Вашим Императорским Величеством в 6-й день апреля 1916 г. закону. <...>

Тогда как до войны налоговые источники занимали сравнительно второстепенное место в составе государственных доходов, дав в 1913 г. около 35% обыкновенных доходных поступлений, ныне, согласно проекту росписи на 1917 г., от них ожидается более половины (52,7%) общего итога государственных доходов. При этом в наибольшей мере возросло значение прямых налогов, поступления коих в отношении к общему итогу обыкновенных доходов поднялись с 7,9% в 1913 г. до 14,2% по проекту росписи, в то время как общая сумма косвенных налогов повысилась с 20,7% до 27,5%. <...>

Достигнутое у нас значительное приращение доходных поступлений дало возможность более широкого удовлетворения потребностей государственной и народной жизни. Особенно примечательным является при этом предусматриваемое проектом росписи на 1917 г. увеличение ассигнований на культурные и производительные цели. Кредиты на удовлетворение духовных нужд народа, — церковь и просвещение, — на охранение народного здравия, на развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, на почтово-телеграфное дело, а равно на поддержание деятельности и сооружение новых путей сообщения достигают по обыкновенному и чрезвычайному отделам проекта росписи 1875,8 млн руб. Цифра эта не только превышает размеры однородных ассигнований последнего перед войною 1913 г., когда она выразилась суммою в 1233,4 млн

руб., но составляют и большую по отношению к общему итогу расходной росписи часть, увеличившись за время с 1913 г. с 37,9% до 46,0%. <...>

Необходимо, однако, отметить, что возрастающие военные расходы, составившие на 1 октября около 20 млрд руб., требуют для их покрытия особого напряжения финансовых средств путем постоянной реализации займов различного типа, из коих краткосрочные обязательства Государственного казначейства выпускаются в виде векселей и проценты по ним, уплачиваемые вперед при учете, относятся на выручку при реализации, не требуя особых ассигнований по росписи. Между тем при консолидации в будущем этих краткосрочных долгов, составляющих ныне 8,4 млрд руб., придется соответственно увеличить ассигнования по росписи на уплату по ним процентов и погашения, и посему приходится предвидеть дефицит по росписи в течение ряда лет после войны. Но я непоколебимо убежден, что затруднения Государственного казначейства будут только временными и что, при правильном ведении финансово-экономической политики, в неиссякаемых источниках естественных богатств России и производительного труда русского народа найдены будут верные и прочные способы для закрепления и вящего развития новых начал, положенных ныне, во исполнение высочайших Вашего Императорского Величества предуказаний, в основу управления русскими государственными финансами»[1].

[1] Там же. С. 56–59. Полный текст доклада см. в Приложении 29.

и Францией. Рибо стал категорически против этого протестовать, указывая на чрезвычайно затруднительное положение и французской казны, и Французского банка, а также на то, что едва ли Франция будет в состоянии снабдить Россию предметами военного снаряжения в крупных размерах. Ясно, что платежи России в пределах Франции будут невелики, главная часть расходов придется на Англию, Соединенные Штаты и другие нейтральные страны, то есть в такие места, где французское казначейство не располагает свободной наличностью.

Ллойд Джордж решительно опровергал доводы Рибо, возвращаясь постоянно к своему основному тезису о необходимости объединения всех финансовых ресурсов союзников. Он доказывал, что они обязаны в одинаковой мере брать на себя денежную ответственность. Производство платежей за границей представляет большие технические препятствия не только для России и для Франции, но также и для Англии, и если по русским военным заказам придется расплачиваться в Северо-Американских Соединенных Штатах, то английский канцлер казначейства может быть поставлен в не меньшие затруднения, чем Рибо, в изыскании соответственных платежных средств; тем не менее Ллойд Джордж понимает, что способы для таких расплат найти необходимо, и потому он с полной готовностью пойдет на открытие нужного для России кредита, но при непременном условии, что в таком кредите Франция примет участие в равной сумме. После долгих препирательств Рибо, наконец, уступил и согласился участвовать наравне с Англией в открытии кредита России. По вопросу о поддержке русского разменного курса Рибо после некоторых прений был вынужден примкнуть к точке зрения Ллойд Джорджа, который вскоре согласился с моими доводами и признал необходимым указать в протоколе на серьезность этого вопроса и на необходимость принятия реальных мер для предупреждения обесценения русской валюты. Первый шаг в этом направлении должен был состояться путем сепаратного соглашения с Французским банком, переговоры с коим успешно продвигались вперед благодаря умной настойчивости агента Министерства финансов в Париже Рафаловича.

Я был чрезвычайно доволен ходом работ нашей конференции и, по правде сказать, даже не ожидал такого благоприятного решения по всем выставленным мною требованиям. Все мои основные положения оказались принятыми: 1) кредит в 1 млрд рублей обеспечен, 2) открытие кредита не обусловлено высылкой золота, 3) признана необходимость поддержания русского разменного курса и должно было последовать особое соглашение по этому предмету с Французским банком. Что же касается до поддержки в трудную минуту Английского банка за счет золотого резерва Французского и нашего Государственного банка, то и в этом вопросе русские интересы оказались вполне ограждены благодаря принятию моей формулы, в силу коей золото должно было быть отдано Английскому банку не в собственность взамен иностранной валюты, а лишь в ссуду, взамен векселей английского казначейства с обязательством возвратить полученный звонкий металл по принадлежности в определенные сроки. Эти результаты были достигнуты благодаря двум факторам, оказавшим огромное влияние на ход переговоров. Прежде всего, имел значение авторитет России, стоявший в начале 1915 г. очень высоко в союзных странах. Не следует забывать, что мы в то время овладели Галицией, заняли Львов, взяли Перемышль[1], были на Карпатах и готовы были спуститься в Венгерскую долину. Вторжение в Восточную Пруссию, сопровождавшееся, правда, чрезмерными для нас жертвами, позволило французам собраться с силами и в блестящем сражении на Марне остановить победное шествие германцев на Париж. Французское правительство, покинувшее было столицу, только что вернулось из Бордо и не успело еще вполне соразмерить имевшиеся в его распоряжении средства с изменившимися к лучшему обстоятельствами. В Англии только начинали сознавать

[1] Австро-венгерская крепость Перемышль капитулировала 9 марта 1915 г. после многомесячной осады, проводившейся русскими войсками.

необходимость формирования большой сухопутной армии и планы Китченера о спешном образовании войска в три миллиона штыков казались чуть ли не фантастичными, в лучшем случае трудно осуществимыми. По сравнению с обеими союзницами мощь России казалась неисчерпаемой, многие во Франции продолжали строить все свои надежды на том, что победоносное русское войско будет скоро в Берлине, а в Англии давнее недоверие и даже недоброжелательство к России начинало уступать место удивлению и симпатии. Обаятельная личность Ллойд Джорджа, коему принадлежала инициатива по созыву финансовой конференции, также много способствовала быстрому и успешному разрешению возникших на конференции вопросов. По счастливому стечению обстоятельств интересы России и Англии на конференции не оказались противоположными, очень скоро найден был между Ллойд Джорджем и мною компромиссный путь для улажения некоторых разноречий, и на моей стороне оказался такой блестящий союзник, как английский канцлер казначейства, против нападения коего совместно со мной опытному в парламентских дебатах Рибо трудно было устоять.

Таким образом, на финансовой конференции образовалась благоприятная атмосфера, которая дала мне возможность достигнуть тех целей, о коих я докладывал Государю на прощальной аудиенции. Правда, вопрос о золоте не получил окончательного разрешения, должно было еще последовать его обсуждение в совете Banque de France, но с тех пор как Ллойд Джордж заручился поддержкой барона Эдуарда Ротшильда, я был убежден, что успех в этом деле обеспечен, в чем я не ошибся, несмотря на осторожные суждения, которые мы уже слышали и которые нам предстояло еще выслушать от президента Пуанкаре и членов правительства.

На утреннем заседании в четверг должны были по существу закончиться все наши прения; после заседания нам предстоял завтрак, устроенный в нашу честь президентом Республики в Елисейском дворце, вечером Рибо обещал нам прислать проект протокола наших

заседаний, а на следующий день, в пятницу, в 10 часов утра, мы должны были собраться в кабинете Рибо, на заключительное заседание, для окончательного редактирования протокола и его подписания.

На этом завтраке я впервые имел случай быть представленным госпоже Пуанкаре и убедился, насколько в Елисейском дворце тяжело ощущались все испытания, выпавшие на долю Франции. Мне довольно долго пришлось беседовать с супругой президента Республики, и она мне подробно, в ярких красках передавала переживания французов во время стремительного наступления германцев на Париж. Мне казалось, что она своим рассказом хотела объяснить, почему президент уступил настояниям правительства и согласился переехать в Бордо, и она как бы оправдывалась за стремительность такого переезда, который был похож на бегство. Успех французского оружия на Марне изменил всю обстановку, и дальнейшие события показали, что правительство слишком поторопились, однако до этого поворотного момента первой стадии войны трудно было, конечно, с точностью предвидеть ход военных действий. «Раймон», как называла г-жа Пуанкаре своего мужа, считал себя обязанным прислушиваться к благоразумному голосу некоторых членов правительства, которые настаивали на отъезде. На решениях Совета министров отражалось и настроение тех его членов, которые еще живо помнили осаду и взятие Парижа в 1870 г.[1] В их глазах опасность вражеского нашествия принимала вполне осязательную форму, их воображению представлялись картины прошлой войны, и в видах принятия своевременных мер предосторожности они особенно торопили с отъездом. Мне было слегка неловко выслушивать оправдания г-жи Пуанкаре по поводу принятого правительством поспешного решения об эвакуации столицы, и я ответил, что у нас эта мера была истолкована как благоразумный шаг, сделанный заблаговременно, для

[1] Взятие Парижа последовало в результате победы, одержанной германскими государствами во главе с Пруссией над Францией в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг.

ГЛАВА XIII

Когда Государственная дума была созвана по случаю объявления нам войны Германией, объяснения правительства и выступления представителей отдельных фракций Думы показали, что существовало полное единение между правительством и народными представителями, за исключением крайнего левого крыла. Не было ни одного диссонанса, вся политика и отдельные мероприятия правительства нашли полное одобрение Думы. То же было и в Государственном совете. Первоначальные успехи на фронте поддерживали это единение. Однако недочеты последующего времени произвели перемену в этом настроении, и когда Государственная дума была созвана в начале 1915 г. для утверждения бюджета[1], стал опять обозначаться пустивший глубокие корни в русскую жизнь антагонизм между правительством и так называемой общественностью, то есть главным образом интеллигенцией, к коей принадлежало большинство членов Государственной думы.

[1] Имеется в виду сессия, длившаяся с 27 по 29 января 1915 г.

Устранение этого антагонизма стало главной проблемой русской государственности, и правительством в разные периоды принимались решительные меры для удовлетворения политических пожеланий интеллигенции и постепенного привлечения ее представителей к власти и сотрудничеству.

Со времени Петра Великого Россия управлялась бюрократией. Чиновники сменили бояр и служилых людей. Петр Великий со свойственным ему размахом и необычной энергией провел глубокую демократическую реформу. Устранив от власти бояр, принадлежавших по рождению к правящим классам, он открыл доступ к власти каждому, кто по своим способностям выдвинулся и мог претендовать на первенствующее положение. Он создал Табель о рангах, административную лестницу, которая была открыта каждому и по коей можно было подняться до высшей ступени государственного канцлера независимо от происхождения. С отдельными ступенями лестницы были связаны различные привилегии, высшие ступени давали чин превосходительства и права потомственного дворянства[1]. С течением времени большинство ответственных должностей государственного аппарата, включая должности министров, стали заниматься чиновниками. Школой для подготовки администраторов была и армия, в особенности по Министерству внутренних дел административные посты часто занимались бывшими военными. Некоторые же должности, как, например, генерал-губернатора, преимущественно занимались лицами из военной среды. Между представителями власти встречались, конечно, и титулованные лица, но они занимали свои посты не потому, что принадлежали к аристократии, а только потому, что

[1] Табель о рангах 1722 г. — иерархия чинов и должностей военной, гражданской и придворной службы, состоявшая из 14 классов (или рангов), начиная с 14-го, низшего, и заканчивая 1-м, высшим. Подразумевала, что получение более высокого ранга возможно только при обладании более низким рангом. К февралю 1917 г. права потомственного дворянства давал чин 5-го класса — полковника (на военной службе) и чин 4-го класса — действительного статского советника (на гражданской). Упразднена в 1917 г.

входили также в состав бюрократии и имели определенный чин, помимо своего титула. Аристократия как таковая, со времени Петра Великого, не могла претендовать на власть, отдельные ее члены могли принимать участие в управлении государством лишь постольку, поскольку входили в состав бюрократической машины. Среди министров титулованные лица были, сравнительно, редкостью. Благодаря тому что с государственной службой были связаны известные привилегии и почести, бюрократия с течением времени стала привилегированным классом.

Екатерина Великая укрепила систему Петра Великого — она реорганизовала провинциальную администрацию и расширила власть и обязанности бюрократии. Император Александр I по советам Сперанского организовал бюрократическую систему на солидных основаниях. Императорским указом 1 января 1810 г. был учрежден Государственный совет — это было законодательное учреждение, и в обязанности его входила не только выработка законов, но и контроль над исполнительными органами[I]. Все проекты законов и установлений должны были представляться на рассмотрение Государственного совета и затем, по одобрении высшей власти, скрепляться императорским указом.

[I] Государственный совет (старый, дореформенный) — высшее законосовещательное учреждение Российской империи, созданное 1 января 1810 г. В ведении Государственного совета находились все вопросы, требовавшие издания нового закона, устава или учреждения; отмены, ограничения, дополнения или пояснения прежних узаконений; общие распоряжения по исполнению существовавших законов, уставов и учреждений; принятие внутриполитических мер в случае чрезвычайных обстоятельств, объявление войны и другие важнейшие внешнеполитические акты. Государственный совет возглавлялся председателем, назначавшимся императором, который также назначал и его членов. Состоял из Общего собрания, Департамента законов, Департамента гражданских и духовных дел, Департамента государственной экономии, Департамента промышленности, наук и торговли (с 1900 г.) и Особого присутствия для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Правительствующего Сената (с 1890). В Государственном совете дела рассматривались первоначально в одном из департаментов или в соединенном собрании двух департаментов (законов и экономии), затем поступали в Общее собрание, куда дела могли вноситься и непосредственно. Делопроизводством Государственного совета и его структурных частей ведала Государственная канцелярия. Преобразован в верхнюю палату российского парламента 20 февраля 1906 г.

Есть еще другой важный предмет в акте 1810 г., согласно которому государственный бюджет должен ежегодно представляться на утверждение Государственного совета. Интересно отметить, что такой выдающийся бюрократ, как Сперанский, первый имел предположение о конституции для России еще в начале XIX столетия: он предполагал создать законодательное учреждение для выборных земельных собственников в городах и в деревне (помещиков). План Сперанского основывался на принципах Монтескье: разделение власти законодательной, исполнительной и юридической. Но он не был полностью применен. Не было выборных представителей в Государственном совете — члены его назначались императорским указом из бюрократии. Вторая часть реформ Сперанского состояла в организации министерств. Двумя последовательными актами от 25 июля 1810 г. и 25 июня 1811 г. центральная административная система была реорганизована на основе классификации различных департаментов и их подчинения главам ведомств[I]. Это дало русской бюрократии стройную организацию. Сперанский не имел времени закончить свои преобразования организацией судебной реформы.

В царствование Николая I Сперанским была произведена громадная работа — все существующие законы, сохранившие силу и значение, начиная со Свода 1649 г. и до января 1832 г. со всеми изменениями и поправками за этот 183-летний период, были систематически согласованы и соединены в одно целое — «Свод законов Российской империи»[II].

[I] П. Л. Барк не вполне точен. По плану реформ М. М. Сперанского 17 августа 1810 г. Александр I утвердил закон «О разделении государственных дел по министерствам», а 25 июня 1811 г. — «Общее учреждение министерств», ставшее законодательной основой для регламентации внутреннего устройства и порядка деятельности министерств.

[II] Здесь П. Л. Барк также допускает ошибку. Изданный в 1832 г. 15-томный «Свод законов Российской империи» включал в себя все действовавшие на данный момент законы, которые были расположены тема-

По мнению профессора барона Нольде, это явление можно считать единственным в истории мирового законодательства. Для него, как юриста и историка, империя государей самодержцев предстала с этих пор как окончательно организованная в современном духе на основе законности.

За отсутствием в России до 1906 г. парламента, бюрократии в лице ее администраторов, судей и членов Государственного совета принадлежала вся полнота государственной власти, исполнительной, судебной и законодательной. В строгом смысле слова Государственный совет был только законосовещательным органом, так как Государь мог не согласиться с его постановлением и принять собственное решение. Однако в действительности такие случаи были очень редки.

Понятно, что с течением времени среди интеллигенции росло, развивалось и укреплялось стремление разделить с бюрократией ответственность за управление государством, и мало-помалу оно в известных кругах привело к определенному лозунгу «борьба за власть».

Естественно, задача бюрократии, являвшейся исполнительницей велений верховной власти, заключалась в том, чтобы путем последовательных реформ устранить антагонизм, образовавшийся между ней и интеллигенцией, подготовить последнюю к задачам государственного управления и привлечь ее представителей к власти. В России, где монарх был самодержцем, где 90% населения состояло из крестьян, в большинстве неграмотных, и где интеллигенция составляла очень тонкий слой населения, эта задача представляла особые трудности. Естественно, что элементы, стремившиеся к власти, были нетерпеливы, хотели добиться в возможно короткий срок всей ее полноты. С другой стороны, бюрократия, ответственная за государственное управление, проявляла осторожность и шла медленно на постепенные уступки. Царствование императора Александра II было особенно светлой страницей в истории либеральных реформ, дарованных верховной властью. Из них самыми крупными были освобождение крестьян[I] и преобразование судебных учреждений[II]. Наиболее просвещенные, лучшие люди были сотрудниками Государя, который положил много труда для усовершенствования всего государственного аппарата. В царствование Николая I была написана Гоголем его знаменитая комедия «Ревизор», дающая яркую картину подкупности провинциальной администрации. После реформ Александра II явления, описанные Гоголем, отошли в область преданий. Особенно высоко были подняты судебные установления, где воцарилась полная неподкупность и беспристрастие судей. Были учреждены привилегированные учебные заведения, с университетскими курсами, для подготовки молодых людей к государственной службе — Императорский Лицей в царствование Александра I[III] и Императорское Училище правоведения в царствование Николая I[IV] — последнее подготовляло молодых людей специально для судебной деятельности. Был открыт ряд университетов, и установились традиции привлекать на государственную службу преимущественно лиц с высшим образованием. Эти традиции со временем окрепли, и когда я проходил государственную службу, я встречал на ответственных должностях исключительно лиц с высшим образованием. Среди моих коллег по кабинету все обладали дипломами высших учебных заведений.

тически, по томам. В отличие от «Свода законов Российской империи» изданное в 1830 г. 45-томное «Полное собрание законов Российской империи» вобрало в себя все законы, начиная с Соборного уложения 1649 г. по 3 декабря 1825 г., причем не все из них являлись к этому времени действующими.

[I] Имеется в виду состоявшееся в 1861 г. освобождение крепостных крестьян.

[II] В 1864 г.

[III] Александровский лицей — высшее привилегированное учебное заведение, учрежденное в 1810 г. для подготовки будущих чиновников руководящего звена различных ведомств, преимущественно — МИД. Упразднен в 1917 г.

[IV] Училище правоведения — высшее привилегированное юридическое учебное заведение, основанное по инициативе принца П. Г. Ольденбургского в 1835 г. Готовило квалифицированных специалистов, прежде всего — для Министерства юстиции.

Император Александр II, наиболее либеральный из русских самодержцев, поручивший своему министру внутренних дел графу Лорис-Меликову разработать проект конституции, накануне дарования ее своему народу пал жертвою террористов 1 марта 1881 г.[1] Две бомбы, брошенные в него, разорвали несчастного императора на части.

Император Александр III, принимавший в качестве наследника престола ближайшее участие в разработке конституции и относившийся очень сочувственно к ее дарованию, по восшествии на престол созвал министров для обсуждения приготовленного проекта. Трудно упрекать Александра III за то, что он склонился к доводам К. П. Победоносцева, категорически восставшего против дарования конституции после зверского убийства императора Александра II. Победоносцев доказывал, что либеральные реформы были проведены слишком быстрым темпом, революционными элементами они истолковывались как поражение власти, и дарование конституции после убийства императора Александра II будет понято ими как полная капитуляция, а капитуляция самодержавия в момент революционного брожения явится гибелью России.

Убийство Александра II не могло не возмутить его сына и не произвести в нем глубокий переворот. Бомбы, брошенные 1 марта 1881 г., имели трагические последствия для страны. Вполне понятно, что это событие должно было повести к реакции. Постепенно ближайшие сотрудники императора Александра II, проводившие в жизнь его либеральные реформы, отходили от активной деятельности. Стали привлекаться новые люди, а из прежних советников наибольшим влиянием продолжал

[1] В действительности по поручению Александра II граф М. Т. Лорис-Меликов разработал проект не конституции, а создания при Государственном совете Особого совещания из представителей населения, которое, перед внесением в Государственный совет, должно было рассмотреть подготовленные МВД законопроекты, нацеленные на решение вопросов местного значения. Хотя создание подобного совещания явилось бы шагом на пути к установлению конституции, что признавал и Александр II.

пользоваться Победоносцев, определенный поборник реакции. Произошло естественное в политической жизни явление — маятник качнулся в обратную сторону.

Александр III даже не захотел оставаться в столице, а перенес свою постоянную резиденцию в Гатчину, откуда только изредка приезжал в Санкт-Петербург. В этом затворничестве он твердой рукой управлял государством и вел совершенно определенную политику, как внешнюю, так и внутреннюю. За время его царствования спокойная решимость во внешних сношениях высоко подняла авторитет и престиж России за границей. Внутри страны финансы упрочились и экономическое развитие пошло быстрыми шагами. Однако внутренняя политика, задержав дальнейший, естественный ход либеральных реформ Александра II, которые конечной целью имели переход к участию народного представительства в законодательстве и в управлении, вновь усилила антагонизм между властью и управляемыми. Многие либеральные элементы, которые были лояльными подданными, оказались разочарованными и стали примыкать к оппозиции. Их стремления остались неудовлетворенными, и глухое недовольство накапливалось за тринадцать лет царствования Александра III. Эта эпоха с большой художественностью была изображена скульптором князем Павлом Трубецким, коему было поручено сооружение памятника императору. Он изобразил монарха на грузном коне, которого Государь сдерживает мощной рукой. Конь не только остановлен, но видно, что он чувствует тяжелую руку всадника и готов пятиться назад[1]. После кончины Александра III общественные круги надеялись, что период реакции кончился и что молодой император Николай II возобновит во внутреннем управлении либеральную политику своего деда. Однако,

[1] Имеется в виду конный памятник Александру III, отлитый по модели русско-итальянского скульптора Паоло Трубецкого и открытый в 1909 г. в С.-Петербурге, на Знаменской площади, перед Московским вокзалом, откуда начинается Великий Сибирский железнодорожный путь. В 1937 г. этот памятник был демонтирован. Ныне находится во дворе Мраморного дворца в Петербурге.

принимая в начале своего царствования земских деятелей, кои в своем верноподданническом адресе упомянули о желательности внутренних преобразований, Государь категорически заявил, что он будет следовать заветам своего отца, и назвал либеральные стремления земцев «бессмысленными мечтаниями»[I].

Оппозиционные стремления стали усиливаться и достигли высшего напряжения после неудачной войны с Японией. Революционные вспышки распространились в провинции, а в Москве было организовано вооруженное восстание[II]. Благодаря тому что армия оставалась верна режиму, эти революционные выступления успеха не имели. Ближайшие советники Государя убедили его, что время для глубоких реформ настало, и, в особенности благодаря настояниям графа С. Ю. Витте, был объявлен Манифест 17 октября 1905 г., коим возвещалось, что населению будет дарован представительный образ правления[III]. Государственная дума должна была собраться через несколько месяцев, а тем временем графу Витте было поручено образовать новый кабинет, в состав коего он хотел привлечь несколько видных общественных деятелей. Назывались тогда имена Шипова, Гучкова, Милюкова. Переговоры Витте не привели ни к каким по-

[I] Выступая 17 января 1895 г. перед представителями местного и сословного самоуправления, Николай II назвал «бессмысленными мечтаниями» пожелания земцев-радикалов, содержавшиеся, прежде всего, в адресе Тверского губернского земства, об их участии «в делах внутреннего управления» (Николай II. Полное собрание речей. 1894–1906. СПб., 1906. С. 7). Тем самым император отверг идею парламентаризма, т. е. ограничения власти монарха в управлении, как это имело место в Англии. Между тем большинство тогдашних монархических конституций также отрицали указанную идею, проводя начала не парламентарной, а конституционно-дуалистической монархии, учрежденной в России Основными государственными законами 23 апреля 1906 г.

[II] Подразумевается вооруженное восстание, происходившее в Москве в декабре 1905 г.

[III] Манифест 17 октября 1905 г. Николай II издал вопреки мнению С. Ю. Витте, который предлагал императору ограничиться лишь изданием всеподданнейшего доклада графа, содержавшего программу либеральных реформ. См.: *Куликов С. В.* Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения — 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX в. СПб., 2008. С. 37–38.

ложительным результатам. Общественные деятели отказались работать совместно с бюрократами — они требовали, чтобы власть была передана полностью в их руки. Граф Витте не имел основания пойти на эти требования, и, таким образом, была упущена возможность привлечения к власти элементов, находившихся вне бюрократии, и устранения антагонизма между властью и общественностью[I]. Государственная дума, основанная в 1906 г., по

[I] Речь идет о предпринятой во второй половине октября 1905 г. председателем Совета министров графом С. Ю. Витте попытке образовать так называемое министерство общественного доверия, которое бы состояло из общественных и бюрократических деятелей, пользующихся авторитетом у либеральной оппозиции. Вопрос об этом С. Ю. Витте поднял перед Николаем II еще до получения премьерства, в записке, представленной 9 октября 1905 г. Согласие на образование министерства доверия царь дал 18 октября. Кандидатами С. Ю. Витте были: А. И. Гучков (министр торговли и промышленности), А. Ф. Кони (министр юстиции), А. С. Посников (товарищ министра народного просвещения), М. А. Стахович (главноуправляющий землеустройством и земледелием), Н. С. Таганцев (министр народного просвещения), князь Е. Н. Трубецкой (министр народного просвещения), князь С. Д. Урусов (министр внутренних дел), Д. Н. Шипов (государственный контролер). Переговоры С. Ю. Витте с общественными деятелями (А. И. Гучков, М. А. Стахович, Е. Н. Трубецкой, С. Д. Урусов и Д. Н. Шипов) о вхождении их в правительство происходили с 19 октября в Петербурге при посредничестве обер-прокурора Синода князя А. Д. Оболенского. Д. Н. Шипов, выражая мнение своей группы, настаивал на включении в кабинет более левых политиков — членов Бюро заседавшего в Москве Съезда земских и городских деятелей, а именно — С. А. Муромцева (министр юстиции), И. И. Петрункевича (министр внутренних дел) и князя Г. Е. Львова (главноуправляющий землеустройством и земледелием). Состоявшиеся 21 октября переговоры С. Ю. Витте с делегацией Бюро, в которую входили его председатель Ф. А. Головин, Ф. Ф. Кокошкин и Г. Е. Львов, ни к чему не привели. Разногласия между С. Ю. Витте и группой Д. Н. Шипова породил вопрос о главе МВД. Общественные деятели предлагали этот пост премьеру, он же выставил кандидатуры П. Н. Дурново и Д. Ф. Трепова, вызвавшие протест со стороны шиповцев. Тогда С. Ю. Витте согласился сделать министром внутренних дел С. Д. Урусова, а П. Н. Дурново — его товарищем, на что последовало согласие собеседников премьера. Однако 26 октября С. Ю. Витте заявил А. И. Гучкову и Д. Н. Шипову, что министром будет П. Н. Дурново, а товарищем — С. Д. Урусов, чем возмутил общественных деятелей. Тогда же в качестве альтернативной кандидатуры в руководители МВД А. Д. Оболенский предложил П. А. Столыпина, против которого высказался Д. Н. Шипов. В результате — управляющим МВД стал П. Н. Дурново, план же образования министерства общественного доверия провалился. Подробнее об этом см.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия

своим стремлениям оказалась революционной и в своей программе выдвинула такие лозунги, которые не могли быть приняты правительством. Конфликт между кабинетом и Думой дошел до высшей точки. Один из видных представителей оппозиции, партии Конституционно-демократической (к. д.), Набоков, сын министра юстиции императора Александра II и сам просвещенный юрист, провозгласил с трибуны Государственной думы лозунг: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной»[I]. Эти слова вызвали бурные рукоплескания и стали весьма популярны среди либеральных кругов. Однако подобные выступления доказывали, насколько Государственная дума первого созыва была далека от желания работать совместно с исполнительной властью. Она восприняла лозунг «борьба за власть», хотела Учредительного собрания, коренного изменения всего установленного порядка, экспроприации без вознаграждения крупной земельной собственности и других социальных экспериментов. Когда правительство было вынуждено испросить высочайшего повеления о роспуске Думы, оппозиционные ее элементы отправились в Финляндию, в Выборг, и там подписали манифест, призывавший население не платить налогов, не поставлять новобранцев для армии и всячески оказывать сопротивление властям[II]. После этого видные представители оппозиции во главе с П. Н. Милюковым отправились за гра-

и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 8–31; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 234–236.

[I] Свою речь В. Д. Набоков произнес 13 мая 1906 г. Ее текст см.: Ораторы России в Государственной думе (1906–1917): в 2 т. СПб., 2004. Т. 1: 1906–1907 гг. С. 101–107. В. Д. Набоков упустил из виду, что царь, наряду с Думой и Государственным советом, согласно Основным законам 1906 г., также являлся органом законодательной власти, между тем кабинет и так подчинялся самодержцу (*Маклаков В. А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 125).

[II] Имеется в виду Выборгское воззвание, подписанное после роспуска I Государственной думы 9 июля 1906 г. в Выборге приехавшими туда депутатами оппозиционного думского большинства, состоявшего преимущественно из членов Конституционно-демократической партии.

ницу и пытались убедить иностранные правительства и финансовые круги в том, что всякие займы, реализованные Россией за границей без санкции Государственной думы, незаконны. Эта пропаганда успеха не имела.

Перед верховной властью встала дилемма — отказаться от мысли установить в России законодательные учреждения с системой двух палат, Государственной думы и Государственного совета, или же возобновить попытку либеральных реформ. Государственный совет был преобразован в том смысле, что половина его членов — 90 человек — состояла из лиц, назначенных Государем, и другая половина — 90 человек — из лиц, избранных различными организациями, университетами, городскими управлениями, земствами, дворянскими собраниями и т. п.[I] После новой попытки установить работу со Второй Государственной думой, не приведшей к положительным результатам, таковая была также распущена[II] и была избрана Третья Дума, после того, как избирательный закон был несколько видоизменен, чтобы обеспечить выбор более устойчивых элементов. В этой Думе центр, более умеренный, образовался из Партии октябристов, принявших это имя от Манифеста 17 октября 1905 г., во главе с А. И. Гучковым, представителем Москвы, который был избран председателем Думы[III]. В правительстве за это время произошли серьезные перемены. Перед созывом Первой Думы кабинет графа Витте был заменен кабинетом Горемыкина[IV]. Послед-

[I] Государственный совет (новый, реформированный) — верхняя палата народного представительства Российской империи в 1906–1917 гг. Реформа прежнего Государственного совета произошла 20 февраля 1906 г., когда Николай II подписал Манифест о преобразовании Государственного совета и новое «Учреждение Государственного совета». В отличие от большинства верхних палат в монархиях начала XX в., где их члены являлись наследственными либо полностью назначенными сувереном, Государственный совет был выборным наполовину. Его вторую половину назначал император.

[II] Роспуск II Государственной думы последовал 3 июня 1907 г.

[III] Председателем III Государственной думы А. И. Гучков являлся не весь период ее легислатуры, но только с 8 февраля 1910 по 14 марта 1911 г.

[IV] Замена кабинета С. Ю. Витте кабинетом И. Л. Горемыкина произошла 22 апреля 1906 г.

ний недолго оставался во главе правительства, и председателем Совета министров был назначен молодой министр внутренних дел П. А. Столыпин[I]. Он прошел хорошую административную школу в провинции, служил по выборам в качестве предводителя дворянства и затем был губернатором в Саратове[II]. Этот выдающийся государственный деятель в короткое время освоился с необычайно трудным положением, проявил все признаки твердой власти и одновременно сумел установить нормальные и вполне дружественные отношения с законодательными учреждениями. Он был в постоянном контакте с Гучковым, и благодаря этим двум лицам казалось, что наладится совместная работа между правительством и Государственной думой. Курс, взятый Столыпиным, вызвал ожесточенную оппозицию в двух крайних лагерях — реакции, сильно представленной в правом крыле Государственного совета, и среди революционных элементов Государственной думы, которые во что бы то ни стало добивались коренной ломки существующего строя насильственным путем и не могли примириться с мыслью, что крупные либеральные реформы могли быть осуществлены эволюционным путем, при нормальном функционировании вновь созданных законодательных учреждений. На жизнь Столыпина было устроено несколько покушений. Бомба, брошенная в его летнее помещение, искалечил его сына и дочь, но он остался невредимым[III]. Все же он не избежал руки убийцы и в сентябре 1911 г. погиб в Киеве после тя-

[I] П. А. Столыпин был назначен председателем Совета министров 8 июля 1906 г., с сохранением должности министра внутренних дел. Занимал оба поста до 5 сентября 1911 г., т. е. до своей кончины.

[II] П. А. Столыпин являлся ковенским уездным предводителем дворянства по назначению от правительства с 1889 по 1899 г., когда был назначен ковенским губернским предводителем дворянства. С 1902-го исправлял должность гродненского губернатора, с 1903 г. занимал пост саратовского губернатора. Находясь на этом посту, 26 апреля 1906 г. получил портфель министра внутренних дел.

[III] Во время осуществленного 12 августа 1906 г. эсерами-максималистами взрыва служебной дачи П. А. Столыпина на Аптекарском острове в С.-Петербурге он остался жив, его дочь получила тяжелые, сын — легкие ранения.

желого ранения в театре, в присутствии Государя с членами Императорской семьи[I].

Его кончина была страшным ударом для всей страны и была незаменимой утратой. Это было трагедией русской истории, что жертвами террористов становились не только рядовые представители власти, но и такие просвещенные деятели, коим Россия обязана была либеральным прогрессом. Бомбы не только лишали этих людей жизни, но приостанавливали плодотворную государственную работу.

По предложению Столыпина я принял должность товарища министра торговли и промышленности, каковая должна была служить стажем для поста министра финансов. Со Столыпиным я имел только раз короткую беседу; он был убит вскоре после моего назначения. Я был большим поклонником его деятельности и вполне разделял его программу. Столыпин был того мнения, что либеральные реформы должны быть проводимы руками консерваторов. Он был сторонником прогресса, но такого, который основывался на традициях, он стремился к совершенствованию существующего порядка, но был против насильственной ломки установившегося строя. Столыпин отличался необычайными качествами государственного деятеля, а также особыми свойствами народного трибуна. Без лишних громких фраз он своей искренностью, лояльностью и врожденным дарованием захватывал аудиторию, и его выступления в Государственной думе производили всегда глубокое впечатление даже на оппозицию. Главной его реформой, проведенной им при ближайшем сотрудничестве его друга и единомышленника, министра земледелия Кривошеина, был закон 1906 г., который предоставлял крестьянам право выходить из общины и приобретать землю в личную собственность[II]. Этим актом завершалось

[I] Бывший анархист Д. Г. Богров стрелял в П. А. Столыпина 1 сентября 1911 г.

[II] Подразумевается изданный по статье 87 Основных законов 1906 г. Указ 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землеполь-

раскрепощение крестьян, которые после своего освобождения от зависимости помещиков в 1861 г. оставались фактически в зависимости от «мира», коему принадлежала их земельная собственность.

Интересно отметить, что Партия к[а]д[етов] в Государственной думе проявила сильнейшую оппозицию проекту этого закона, который был, безусловно, либеральным актом, направленным в пользу громадного большинства населения Империи. Давнишняя жажда земли и естественное стремление крестьян стать независимыми земельными собственниками удовлетворялись, и постепенно должно было образоваться большое количество мелких земельных собственников, которые представляют собою обычно самый консервативный и устойчивый элемент в стране. Понятно, что проведение такой реформы не могло нравиться политическим деятелям, заинтересованным в том, чтобы власть оставалась непопулярной, чтобы недовольство в стране поддерживалось, пока оппозиция сама не заменит существовавшего бюрократического строя. Благодаря настойчивости и энергии Столыпина эта реформа была проведена, несмотря на ожесточенное сопротивление, проявленное Партией кадетов в Думе.

Стремясь устранить антагонизм между властью и обществом, Столыпин вместе с тем не стеснялся открыто нападать на приемы оппозиции, если он находил таковые пагубными для страны. Особенно крылатыми оказались его слова, обращенные к оппозиции: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия»[1]. Эти

зования». После внесения этого указа в законодательные учреждения и его одобрения ими и утверждения соответствующих законопроектов Николаем II постановления указа вошли в Законы 14 июня 1910 г. «Об изменениях и дополнениях некоторых постановлений о крестьянском землевладении» и 29 мая 1911 г. «О землеустройстве».

[1] Более точно знаменитая фраза П. А. Столыпина звучала так: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия». Эта фраза заканчивала состоявшееся 10 мая 1907 г. и посвященное аграрному вопросу выступление премьера в Общем собрании II Государственной думы. Текст выступления см.: *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 86–96.

слова оказались пророческими, и бедная Россия стала жертвой этих великих потрясений.

«Мы и они». В этих словах заключалась вся трагедия русской государственной жизни. Просвещенные государственные деятели понимали всю серьезность этой трагедии, и все их помыслы и вся их деятельность были направлены к изысканию правильных путей для разрешения этой проблемы. Министр земледелия Кривошеин, открывая однажды сельскохозяйственную выставку в Киеве, обратился к присутствовавшим с приветствием, где он коснулся этой проблемы. Он призывал представителей разных общественных организаций забыть формулу «мы и они» и приглашал их к дружной, совместной работе с властью на благо страны. Тогда эта речь произвела глубокое впечатление. Печать ее подхватила, комментируя слова популярного министра на разные лады, в зависимости от направления газеты[1].

За время нахождения Столыпина у власти многое было сделано для сближения власти с обществом, и существовавшая пропасть стала уменьшаться. Его преждевременная смерть, к несчастью, замедлила есте-

[1] При открытии 7 июля 1913 г. Всероссийской сельскохозяйственной выставки А. В. Кривошеин выступил со следующей речью: «Шесть лет тому назад, вступая в управление ведомством, я изложил Его величеству свою точку зрения на руководство им. В таком огромном государстве, как Россия, нельзя всем управлять из одного центра, необходимо призвать на помощь местные общественные органы и силы, в распоряжение которых нужно предоставить материальные средства. Эта точка зрения удостоилась одобрения Его величества и сделалась руководящим лозунгом всей моей деятельности. Я всегда старался привлечь к работе возможно больше общественных местных сил. В земстве мои стремления нашли живой отклик, и я радуюсь, что земства всегда шли со своими нуждами в мое ведомство. Я уверен, что недалек тот час, когда настанет тесное сближение земств и моего ведомства. Этому мне нужно только радоваться, ибо в этом залог жизненности моих воззрений и убеждений. Я считаю, что отечество наше лишь в том случае может достигнуть благоденствия, если не будет больше разделения на пагубное "мы и они", разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные стороны, и когда будут говорить просто "мы", разумея под этим правительство и общество вместе» (*Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 148).

ственный ход этой эволюции. И при нем зачастую происходили трения и недоразумения между правительством и юными законодательными палатами. После его смерти такие инциденты, к сожалению, участились, принимая иногда комичный оттенок. Естественно, что с возникновением в России новых законодательных учреждений, где в Думе все члены, а в Государственном совете половина, были выборными, отношения между ними и старой бюрократией, прежде чем установиться и стать нормальными, должны были пройти через период детских болезней. С одной стороны, появлялось нетерпеливое стремление к расширению своей компетенции и к проявлению молодого задора, с другой — сугубая осторожность в отказе от прежних привилегий и большая сдержанность. Старые бюрократы, с хорошим служебным прошлым, не имели никакого опыта в публичных выступлениях. Редкие из них обладали ораторским искусством, и для большинства из них выступления с трибуны Государственной думы были настоящим испытанием. Привыкшие к чинной атмосфере старого Государственного совета, где присутствующие на заседаниях были в мундирах и где прения велись при соблюдении всех правил вежливости, министры, сидя на скамьях правительства в Государственной думе, зачастую чувствовали себя совершенно потерянными.

При открытии Первой Государственной думы, когда некоторые крайние элементы чуть ли не с площадной бранью обратились к министрам, престарелый министр Императорского двора барон (впоследствии граф[I]) Фредерикс не мог скрыть своего смущения и вполголоса выразил сидевшему рядом с ним председателю Совета министров свое удивление, почему председатель Думы не призывает ораторов к порядку. На это Горемыкин ответил ему философски: «Mon cher Baron, Il n'y a rien à faire, nous devons nous encanailler maintenant»[II].

[I] Графский титул барон В. Б. Фредерикс получил 21 февраля 1913 г.

[II] Мой дорогой барон, уже ничего не поделаешь, мы совсем скатились *(фр.)*.

Когда кабинет Столыпина был у власти, кадет Родичев употребил оскорбительное выражение по адресу председателя Совета министров, сказав, что репрессивные меры в стране зачастую ведут к виселицам, и назвал казни «столыпинским галстуком»[I]. Столыпин, не присутствовавший на этом заседании, счел себя лично оскорбленным и вызвал Родичева на дуэль, послав к нему секундантов. Инцидент был улажен, и дуэли не состоялось.

Когда Коковцов был премьером, произошел еще более серьезный конфликт: член правого крыла Государственной думы отозвался очень непочтительно о деятельности бюрократии; весь кабинет счел себя оскорбленным, и было решено, что министры не будут показываться в Государственной думе, а будут посылать своих товарищей для дачи надлежащих объяснений по законопроектам и запросам. Создалось совершенно невозможное и комическое положение. Кое-как этот конфликт был улажен, и министры снова стали появляться в Думе[II]. В старых парламентах такие инциденты были

[I] Выступая в Общем собрании III Государственной думы 17 ноября 1907 г., Ф. И. Родичев заявил: «Да, господа, я вам скажу более, в то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели, один палладиум в том, что господин Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстухом». Слова депутата вызвали «оглушительный и продолжительный шум» и «возгласы: Довольно, довольно, долой, вон». После объявленного председателем Думы Н. А. Хомяковым обусловленного регламентом часового перерыва нижняя палата большинством голосов решила исключить Ф. И. Родичева на 15 заседаний, сам же он, давая объяснения, сказал: «Я беру свои слова назад. Я не имел намерения оскорбить ни Государственную думу, ни депутата Пуришкевича, ни тем более председателя Совета министров. Я принес свое личное извинение председателю Совета министров...» (Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). Т. 2: 1907–1917 гг. С. 295).

[II] В Общем собрании IV Государственной думы 27 мая 1913 г. лидер Фракции правых Н. Е. Марков 2-й, безосновательно обвиняя председателя Совета министров в казнокрадстве, заявил: «Министр совершил чудо, господа, он объединил Четвертую Государственную думу в одном порыве, и этот порыв, господа, он гласит два слова: красть нельзя». Далее последовало трогательное единение лидера черносотенцев и... председателя Фракции социал-демократов Н. С. Чхеидзе, крикнувшего своему политическому противнику: «Позвольте вашу руку» (см.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1.

бы невозможны. Но для установления традиции нужно время, и долгое время. Там же, где отношения были новыми, где нужно было создавать прецеденты, трения были неизбежны. Я должен, однако, оговориться, что, несмотря на то, что зачастую страсти разгорались и доходили до высокого напряжения, в нашей Думе никогда не доходило до драки, и таких сцен, которые иногда происходили в парламентах на Западе, — мне никогда не приходилось видеть.

Вспоминая период замечательной деятельности Столыпина, нельзя не упомянуть о тех мерах, которые были приняты правительством для облегчения перехода крестьян на единоличные хозяйства. Правительство мобилизовало целую армию землемеров в распоряжение крестьян, желающих выйти из общины и стать самостоятельными собственниками, согласно закону 1906 г., — таковых в первые годы с утверждения закона оказалось уже несколько миллионов. Намеченная программа помощи крестьянам проводилась на практике: их опекали сведущие агрономы, заведены были станции, где крестьяне могли нанимать тракторы, выработаны меры для улучшения зерновых продуктов и также касающиеся животноводства. Были устроены образцовые фермы, долженствующие служить примером для ведения хозяйства. Для покупок земли были сделаны большие облегчения через посредство Крестьянского банка[1], состоявшего в ведении Министерства финансов. Этот банк открывал крестьянам кредиты путем закладки земли на льготных основаниях и действовал как посредник между продавцами и покупателями земельных участков. Кроме того, сам банк покупал зе́мли, улучшал качество земли́ посредством обработки и удобрения самыми новейшими способами, делил эти зе́мли на участки и продавал крестьянам.

Земельная площадь, принадлежащая крестьянским общинам и также частным землевладельцам (главным образом помещикам из дворян), составляла, грубо говоря, 200 млн десятин, из коих 160 млн были общинными владениями и 40 млн частновладельческими. Интересно отметить, что из этих 40 млн десятин 20 были под лесом, а 20 под полевыми культурами. И вот только эти 20 млн десятин давали 55% зерна для экспорта, тогда как 160 млн десятин, принадлежавших крестьянским общинам, давали всего лишь 45%.

Не было бы мировой войны 1914 г., столыпинская аграрная реформа привела бы к блестящим результатам для нашего земельного хозяйства. Крестьяне поступали бы в аграрные школы, научились бы правильно вести хозяйство и их психология изменилась бы коренным образом. Долгие годы рабства и затем, после 1861 г., общинного режима имели плохие последствия и привели к неправильному пониманию гражданственности у значительного большинства крестьянского населения. Русский народ имел слабое представление о собственности и не чувствовал разницы между своим и чужим. Народные восстания, которые бывали в России, как в старые времена, так и в ближайшие, не были основаны на политических идеях или принципах, а объяснялись стихийным желанием пограбить состоятельные классы. Таковым было восстание Стеньки Разина в XVII столетии[1] и Пугачевский бунт в XVIII сто-

---

СПб., 1913. Ч. 3. Стб. 65–66). Хотя Н. Е. Марков не пользовался симпатиями большинства нижней палаты, она, прежде всего — в лице ее председателя М. В. Родзянко, отказалась извиниться перед В. Н. Коковцовым за оскорбительную выходку собственного депутата. В ответ на заседании кабинета 30 мая министры единогласно решили в знак протеста против отказа Думы не посещать заседания не только ее Общего собрания, но и комиссий. Только после того, как на заседании нижней палаты 1 ноября 1913 г. Н. Е. Марков извинился перед премьером, инцидент между правительством и Думой оказался исчерпанным и «забастовка министров» прекратилась. Подробнее см.: *Куликов С. В.* Николай II и парламентаризм (1906–1917) // Таврические чтения — 2008. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. СПб., 2009. С. 52–55.

[1] Крестьянский поземельный банк — созданный в 1882 г. государственный банк, который специализировался преимущественно на выдаче ссуд крестьянам для покупки ими частновладельческих земель. С 1906 г. являлся одним из главных инструментов так называемой столыпинской аграрной реформы. Упразднен в 1917 г.

[1] Восстание под руководством С. Т. Разина происходило в 1670–1671 гг.

летии[1]. К таким же явлениям надо отнести и крестьянские беспорядки в 1905–1906 гг. и, наконец, во время революции 1917 г. События 1905 г. полностью показали, каким образом крестьяне были готовы применять социалистические принципы в их грубой, беспорядочной и примитивной форме.

[1] Имеется в виду восстание под руководством Е. И. Пугачева, происходившее в 1773–1775 гг.

ГЛАВА XIV

Когда в начале 1914 г. Государь вновь призвал к власти престарелого, умудренного опытом Горемыкина и поручил мне портфель министра финансов, им были даны указания правительству принять все меры к укреплению нормальных отношений с Государственной думой[1]. Председателем Думы состоял Родзян-

[1] Депутат IV Государственной думы граф В. В. Мусин-Пушкин сообщал 19 февраля 1914 г. тестю, кавказскому наместнику графу И. И. Воронцову-Дашкову, подразумевая И. Л. Горемыкина: «С места пустили такой анекдот: будто, принимая министров, он сказал так: "У меня, господа, никакой личной политики не будет; следовательно, все, что я вам буду говорить, будет говорено со слов его величества, и, следовательно, вы должны будете этому беспрекословно подчиняться". Si non e vero, e ben trovato, так как в том же, говорят, духе было и заседание в Зимнем дворце, где, говорят, им было внушено больше не ссориться и не травить и не дразнить Думу, а также успокоиться насчет разных пересмотров Основных законов. По бешеной злобе Мещерского можно думать, что они не совсем того ожидали. Мы так мало избалованы, что несколько слухов и вежливых слов Горемыкина всех подбодрили так, что в Думе все живее завертелось, и все повеселели. Но вчерашнее, чисто хулиганское по тону, выступление Щегловитова с реформой Сената опять показало, что или правительство не объединилось, или словам Горемыкина грош цена, или же, что мне тут же пришло в голову, что они начали ломать шею уже и Горемыкину и сводить на нет его консти-

ко, принадлежавший к партии октябристов, наиболее многочисленной в палате. Он в молодости служил в Кавалергардском полку, был помещиком Екатеринославской губернии и губернским предводителем дворянства[I]. Горемыкин также был помещиком, но всю свою жизнь провел в рядах бюрократии. Он окончил Императорское Училище правоведения, в котором кроме гимназического курса существовало три старших университетских курса, программа коих близко подходила к программе университетских юридических факультетов.

Горемыкин принадлежал к правому крылу Государственного совета, в работах коего принимал участие в течение многих лет[II]. Он служил по ведомствам юстиции и внутренних дел, хорошо знал провинцию и местную жизнь, был товарищем министров внутренних дел и министром[III] и был избран Государем, чтобы открыть

туционные (!?) любезности, пока еще более видимые в potenti`и, чем в действительности. Главная сила Горемыкина — его опыт, мудрость старца, которая предохранит его от авантюр вправо, и полное равнодушие к своему месту, с которого он уйдет так же легко, как и пришел. Это теперь ценится публикой и учитывается царем, который, говорят, уже ни в чью отставку не верит, разве что он сам прогонит, и даже рассмеялся и махнул рукой, когда ему кто-то в свое время сказал о возможности выхода в отставку самого покойного Столыпина» (Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 132–133). Упоминаемое В. В. Мусиным-Пушкиным заседание Совета министров в Зимнем дворце произошло 10 февраля 1914 г. под председательством Николая II, который записал в тот день: «Уехал в 12½ весьма довольный в Зимний дворец, где у меня состоялось краткое заседание Совета министров» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 10).

[I] М. В. Родзянко в 1886–1891 гг. являлся новомосковским уездным предводителем дворянства (Екатеринославская губерния), в 1901–1906 гг. — председателем Екатеринославской губернской земской управы.

[II] И. Л. Горемыкин входил в состав дореформенного Государственного совета с 1895-го по должности министра внутренних дел и был назначен в него после отставки с поста министра в 1899 г. С 1906 г. в реформированном Государственном совете числился в Группе правых.

[III] И. Л. Горемыкин начал службу в 1860 г. в канцелярии 1-го департамента Правительствующего Сената. С 1863 г. служил в канцелярии новгородского губернского прокурора, с 1864-го — членом и комиссаром Калишской комиссии по крестьянским делам, с 1865-го — товарищем председателя Седлецкой комиссии по крестьянским делам. Затем — плоцкий (1866–1867) и келецкий (1869–1873) вице-губернатор, член

Первую Государственную думу в 1906 г. Он принадлежал к той же школе просвещенных государственных деятелей, как и Столыпин, и так же считал, что либеральные реформы должны даваться сверху и проводиться в жизнь руками консерваторов. Бесконечно преданный родине и Государю, он пользовался его полным доверием, и Государь охотно советовался с ним. Горемыкин не был оратором и редко выступал в Государственной думе. Он ограничивался обыкновенно прочтением с трибуны Думы или Государственного совета декларации правительства и, сам не ведая ни одним из специальных портфелей, предоставлял отдельным министрам выступать в законодательных учреждениях по делам своих ведомств. Однако это не мешало ему установить с Думой вполне нормальные отношения, и он их поддерживал постоянным личным общением с председателем Думы и с ее более влиятельными членами. Перед серьезными дебатами у него на квартире происходили частные совещания, на коих улаживались многие недоразумения. Одно такое совещание осталось особенно для меня памятным, потому что я оказался виновником происшедшего в Думе инцидента.

Рассматривалась в Военной[I] и в Бюджетной комиссиях Большая военная программа. В Военной комиссии работы были закончены благополучно, и требовалась санкция Бюджетной комиссии перед перенесением законопроекта в Общее собрание Государственной думы. В Бюджетной комиссии особенное значение придавалось объяснениям министра финансов, и докладчик ожидал с моей стороны решительной поддержки всех

Временной комиссии при МВД по крестьянским делам губерний Царства Польского (1873–1882), член консультации, учрежденной при Министерстве юстиции (1882–1883), обер-прокурор 1-го (1883–1884) и 2-го (1884–1891) департаментов Сената, товарищ министра юстиции (1891–1894), сенатор (1894–1917), товарищ министра внутренних дел (1895).

[I] Комиссия по военным и морским делам IV Государственной думы функционировала в 1912–1917 гг. Ее председателем являлся националист П. Н. Балашев (1912–1915), затем — кадет А. И. Шингарев. Насчитывала 66 депутатов.

ассигнований, которые испрашивались Военным министерством в течение ряда лет. Само собой разумеется, что эта поддержка с моей стороны, как члена правительства, была обеспечена. Однако члены оппозиции стали допытывать меня вопросами, как такие ассигнования отразятся на бюджетах последующих лет и не рискуем ли мы очутиться с дефицитом, если не будем увеличивать налогов. В качестве министра финансов, ответственного за государственные ресурсы, я не мог дать своей гарантии, что военная программа не вызовет необходимости увеличить налоговое бремя. Моими сотрудниками были составлены примерные расчеты на ряд последующих лет, и присутствовавший в заседании директор Департамента Государственного казначейства[I] имел неосторожность по просьбе председателя комиссии огласить эти расчеты. Его объяснения вызвали некоторое смятение в среде комиссии, и заседание вскоре было закончено с назначением следующего через несколько дней[II]. На другой же день председатель

[I] Имеется в виду В. В. Кузьминский, являвшийся директором Департамента Государственного казначейства до 19 мая 1914 г., когда был назначен товарищем министра финансов. Однако, скорее всего, его замещал вице-директор департамента Г. Д. Дементьев, давний сотрудник В. Н. Коковцова, находившийся в оппозиции к П. Л. Барку. После назначения последнего Г. Д. Дементьев заявил В. Н. Коковцову, что «составил 26 росписей и, прослужив свою жизнь при министрах, которые понимали государственное счетоводство и изучили его, он не может оставаться под начальством нового человека, не подготовленного к тому делу, которым он призван руководить». По просьбе В. Н. Коковцова Г. Д. Дементьев остался на своей должности до проведения бюджета в Государственной думе и в Государственном совете, однако в июне 1914 г. сказал бывшему шефу: «За 5 месяцев после вашего ухода я устал больше, чем за все годы службы в Департаменте Казначейства. Совместная работа с новым министром мне не под силу. У него нет времени изучить новое для него дело, да мне кажется, что и общие условия теперь совершенно не благоприятствуют этому» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 238–239). Департамент Государственного казначейства — структурное подразделение Министерства финансов, ведавшее приемом, хранением и выдачей казенных денежных средств, а также всей сметной частью и составлением государственной росписи доходов и расходов. Функционировал в 1821–1917 гг.

[II] «На это заседание, — вспоминал докладчик по законопроекту о "Большой военной программе" октябрист Н. В. Савич, — прибыли, кроме представителей Военного ведомства, министр финансов Барк и чин

Думы Родзянко вместе с докладчиком законопроекта Савичем отправился к председателю Совета министров. Оба были очень взволнованы и объяснили, что им стоило больших трудов договориться с лидерами о проведении законопроекта через Государственную думу, однако министр финансов своим пессимизмом произвел такое неблагоприятное впечатление на членов оппозиции, что они отказывают ныне в поддержке законопроекта. Оказалось, что, не будучи посвящен во все закулисные переговоры между политическими партиями, я, по неопытности, своей откровенностью скомпрометировал достигнутое между ними соглашение. Горемыкин со свойственной ему мудростью успокоил взволнованных Родзянко и Савича и пригласил их на совещание с моим

этого министерства, слывший в то время за величайшего знатока по составлению бюджета. Появление Барка сперва меня удивило, но скоро все стало ясно. Законопроект требовал громадных единовременных расходов — около 800 млн руб. сверх уже отпущенных ведомству кредитов на Малую программу. Кроме того, предвиделось ежегодное увеличение бюджета Военного министерства на 200 с лишком млн руб.; естественно, у министра финансов явилась мысль, нельзя ли под предлогом финансирования законопроекта провести ряд новых налогов. Поэтому при начале обсуждения законопроекта и вызываемых им расходов он дал слово своему помощнику — специалисту по бюджету. Тот представил схему будущего возрастания расходов и доходов, причем сделал маленькую передержку, именно расходы он исчислил на ряд ближайших лет в геометрической прогрессии, а доходы в арифметической. Получалось так, что при принятии законопроекта без новых налогов мы не только не закончим выполнения законопроекта, но просто обанкротимся в самом близком будущем. Эффект получился потрясающий. Военные были подавлены, пришиблены, они поняли, что все пропало. Среди членов комиссий, принадлежавших к правым и центральным фракциям Государственной думы, царила полная растерянность, зато левые пришли в полный восторг. Особенно блестяще использовал оплошность Барка депутат Шингарев. С присущим ему талантом и красноречием он обрушился на проект, доказывая, что вообще о нем больше разговаривать не стоит, он нам не по силам. Ведь если выкладки Министерства финансов правильны, а мы не имеем основания в этом сомневаться, то нам и без всякой военной программы грозит банкротство в самом близком будущем, следовательно, законопроект надо отклонить и вообще приостановиться в расходовании средств на военные надобности. Я выступил с опровержением выкладок Министерства финансов, указал, что нельзя применять двух мерок при исчислении расходов и доходов. Затем последовал перерыв заседания на несколько дней» (*Савич Н. В.* Воспоминания. С. 132–133).

участием. Предварительно он переговорил со мной, и мы с ним условились, что представленные в комиссии данные были примерными подсчетами, чрезвычайно осторожными и не принимавшими во внимание естественного роста государственных доходов. Я обещал представить дополнительный статистический материал, показывавший рост доходов за истекшие годы и занимавший более оптимистическую картину на будущее. В частном совещании на квартире Горемыкина последовал обмен мнений с Родзянко и Савичем, которые сочли себя удовлетворенными и взяли на себя возобновление переговоров с членами оппозиции[I]. Состоялись дальнейшие заседания Бюджетной комиссии, которая одобрила законопроект, и через короткое время он был принят обеими палатами и получил высочайшую санкцию[II].

[I] Все же, после приведенного эпизода, авторитет П. Л. Барка среди думцев заметно поколебался. «Судя по выступлениям Барка, — сообщал В. Н. Маевский М. М. Алексеенко 1 июня 1914 г., — проку от него в бюджетном деле... ждать нельзя, и, по-моему, от него и сейчас уже ничего не осталось, так он задавлен прочими ведомствами» (В. Н. Маевский — М. М. Алексеенко. 1 июня 1914 г. // Представительные учреждения Российской империи... С. 402–403).

[II] Подразумевая свое, совместно с председателем IV Государственной думы М. В. Родзянко, посещение И. Л. Горемыкина, Н. В. Савич писал: «Я изложил премьеру все, что произошло в комиссиях, указал, что неудачное выступление Барка и передержки его сотрудника поставили под угрозу весь законопроект, прохождение которого и так не обеспечено, но станет совершенно невозможным, если сами члены правительства будут его проваливать своими несогласованными выступлениями. К моему удивлению, Горемыкин отнесся к делу очень спокойно. Он стал меня успокаивать и сказал, что вызовет Барка, который-де к будущему заседанию комиссии представит другую схему, где все будет сбалансировано, итоги которой докажут, что средств у нас хватит и на Большую программу, и на множество иных надобностей государства. Словом, он считал возможной эту недостойную игру в жонглирование цифрами. Мы возмутились и просто просили предложить Барку воздержаться от дальнейшего участия в рассмотрении законопроекта, так как представление новых схем только подорвет окончательно престиж правительства. Скоро прибыл вызванный Горемыкиным министр финансов, очень спокойный и не понимавший, что он вставил палки в колеса законопроекту. Он так был уверен в том, что прохождение обеспечено, что не считал опасным попутно протиснуть налоги. Узнав, как обстоит дело, он выразил готовность исправить произведенное им впечатление. На следующем заседании председатель Бюджетной комиссии внес поправки к исчислениям финансового ведомства, представленным на предыдущем заседании, Барк подтвердил правильность заключений профессора Алексеенко. После этого перешли к обсуждению вопроса по существу. Провести законопроект было очень трудно, но, в конце концов, удалось этого достигнуть, он был принят без изменений» (*Савич Н. В.* Воспоминания. С. 133). Николай II утвердил «Большую военную программу» 24 июня 1914 г.

В установлении добрых отношений с Государственной думой большое содействие оказывал Горемыкину министр земледелия Кривошеин, в действительности руководивший Советом министров и его председателем[I]. По окончании юридического факультета Московского университета, Кривошеин сначала хотел посвятить себя адвокатуре, но вскоре перешел на государственную службу[II]. Он провел много лет в провинции и приобрел большой опыт по всем вопросам крестьянского быта[III]. Переведенный в столицу, он занял должность начальника Переселенческого управления в Министерстве внутренних дел[IV]. Здесь он ведал делами о переселении

[I] Уехавший в Италию (в двухмесячный отпуск) 28 января 1914 г., перед назначением И. Л. Горемыкина и П. Л. Барка, А. В. Кривошеин оставался и там бесспорно главной фигурой нового кабинета в первые недели его существования. Характерно, что П. Л. Барк подробно информировал А. В. Кривошеина о происходящем в Совете министров, причем письма министра финансов «выглядели отчетами перед главой правительства» (*Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм... С. 179). См. Приложения 1–5.

[II] Первоначально А. В. Кривошеин учился на физико-математическом факультете С.-Петербургского университета, затем перешел на его юридический факультет, который и окончил со степенью кандидата прав. После этого он служил юрисконсультом Северо-Донецкой железной дороги, а на государственную службу, в Министерство юстиции, поступил только в 1884 г., хотя уже в следующем году уволился «по домашним обстоятельствам». В 1887 г. А. В. Кривошеин вновь поступил на государственную службу по МВД с откомандированием для занятий в Земском отделе. В 1888–1891 гг. он являлся комиссаром по крестьянским делам Ленчицкого уезда Калишской губернии, в 1891–1896 гг. — делопроизводителем Земского отдела.

[III] За период с 1888 по 1896 г. А. В. Кривошеин по делам службы посетил Владивосток и Южно-Уссурийский край, Владимирскую, Екатеринбургскую, Екатеринославскую, Казанскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Пермскую, Саратовскую, Симбирскую, Смоленскую и Тульскую губернии.

[IV] С 1896 г. А. В. Кривошеин являлся помощником начальника Переселенческого управления МВД, начав исправлять должность его начальника в 1902 г. В 1904 он был утвержден в этой должности.

крестьян из губернии, где крестьянские наделы оказывались уже недостаточными из-за роста населения, в восточные области, богатые свободными землями. Эта деятельность была сопряжена с частыми поездками по всей стране, и Кривошеин был одним из немногих государственных деятелей, который знал свою родину не только по описаниям, но по собственным наблюдениям на местах. Впоследствии он перешел в Министерство финансов, где управлял Крестьянским и Дворянским земельными банками. Вскоре он был назначен товарищем министра земледелия и, наконец, министром земледелия[I]. Как многие сановники, он был «self made-man», своей карьерой обязанный исключительно своему труду и выдающимся способностям. Он был женат на дочери крупного московского фабриканта[II] и поддерживал наилучшие отношения с московским купечеством, имевшим большое влияние на внутреннюю политику страны. В Государственной думе он был очень популярен и имел много личных друзей в разных фракциях. Он был также близок ко многим лицам при Дворе. Собственно говоря, он был наиболее подходящим кандидатом для занятия должности председателя Совета министров, когда Государь в начале 1914 г. заменил графа Коковцова Горемыкиным, и при его желании Государь несомненно остановил бы свой выбор на нем. Однако Кривошеин не хотел быть премьером, и когда впоследствии Государь два раза предлагал ему этот пост, он отказывался[III].

[I] В 1905 г. А. В. Кривошеин получил пост товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием, в 1906-м — товарища министра финансов, непосредственно заведующего Крестьянским и Дворянским банками, в 1908-м стал главноуправляющим землеустройством и земледелием.

[II] А. В. Кривошеин был женат на Елене Геннадьевне, урожденной Карповой, чей отец, Г. Ф. Карпов, являлся профессором истории Московского университета, однако ее мать, Анна Тимофеевна, урожденная Морозова, действительно принадлежала к знаменитой династии московских фабрикантов.

[III] Николай II предлагал премьерство А. В. Кривошеину в январе 1914 и в августе 1915 г. Даже в конце мая 1914 г. П. Л. Барк уверял депутата IV Государственной думы, октябриста И. С. Клюжева, что в поисках премьера «пока все останавливаются на Кривошеине», видя в нем человека, способного объединить общество и правительство, а если тот по болезни откажется, царь, конечно же, выберет в премьеры ближайшего сотрудника А. В. Кривошеина, товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием графа П. Н. Игнатьева, как «энергичного и популярного руководителя» (*Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм... С. 196).

Я думаю, что главной причиной этого была одна особенность его характера, с коей он не мог совладать. Хотя он прекрасно владел словом и его выступления в Совете министров обычно имели большой вес, он совсем не мог говорить в законодательных учреждениях[I]. Он только один раз выступил в Государственной думе вскоре после своего назначения министром[II], а впоследствии всегда предоставлял своим двум товарищам министра давать объяснения по вопросам своего ведомства и никогда более не поднимался на трибуну Государственной думы и Государственного совета. Вероятно, он считал, что нужен был прирожденный талант Столыпина, чтобы держать в руках такую недружелюбную аудиторию, коей зачастую оказывалась Государственная дума, и потому не хотел ставить себя в невыгодное положение.

Понятно, что среди бюрократии ораторы были гораздо реже, чем среди общественных деятелей. Последние привыкли часто выступать в многолюдных собраниях, тогда как этого опыта не было у бюрократов. В этом отношении члены Государственной думы имели большое преимущество перед министрами, и их речи производили большой эффект. Однако отсутствие ораторского таланта не мешало Кривошеину быть в постоянных личных сношениях с представителями разных партий в законодательных учреждениях и поддерживать связь между Думой и правительством. Из всех членов кабине-

[I] В письме П. А. Столыпину от 16 мая 1908 г. А. В. Кривошеин, отказываясь от предложенного ему премьером поста главноуправляющего землеустройством и земледелием, как на одну из главных причин своего отказа указывал на то, что «не привык говорить с кафедры, и посему наладить отношения с Думой со всеми их издевательскими вопросами к Главному управлению мне, — признавался он, — будет не под силу» (*Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин... С. 118).

[II] Единственный раз за министерскую карьеру А. В. Кривошеин выступил в Общем собрании III Государственной думы 17 марта 1909 г. См.: Там же. С. 127.

та он всегда был наиболее осведомленным о различных течениях в Думе и своим советом и влиянием очень помогал Горемыкину, с назначением коего премьером отношения между Думой и правительством значительно улучшились.

Когда война обрушилась на нашу родину, казалось, что весь народ в полном единодушии сплотился около трона и что это единение позволит стране выйти победоносно из всех испытаний. Государственная дума одобрила все действия правительства за время трагичных дней, истекших между австрийским ультиматумом Сербии и объявлением войны Германией. Назначение великого князя Николая Николаевича было встречено сочувственно общественным мнением и военными кругами. Запрещение продажи водки было принято с энтузиазмом. Со всех концов России Государь получал приветствия с выражением верноподданнических чувств, и денежные пожертвования стали притекать с разных сторон на нужды войны.

Интересно отметить обращение к правительству председателей Общеземского союза, князя Львова, и Общегородского союза, Челнокова. Оба эти союз образовались во время Японской войны для оказания помощи раненым, и их госпиталя, оборудованные на частные пожертвования, оказывали большую помощь госпиталям военным и Красного Креста, работавшим на фронте[I]. Эти две организации приобрели известный опыт,

[1] В конце февраля 1904 г., с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг., граф И. И. Воронцов-Дашков, как председатель Исполнительной комиссии Главного управления Российского общества Красного Креста, официально обратился к земствам и городским думам, приглашая их помочь Красному Кресту. В начале марта представители 19 земств, в основном тех, где заметную роль играли оппозиционные элементы, подали в Исполнительную комиссию заявление о своем согласии участвовать в создании санитарных отрядов, но при условии «объединенной работы в Общеземской организации». И. И. Воронцов-Дашков пошел навстречу земцам, содействуя тем самым объединению оппозиционных сил в рамках легальной организации. Так возникла Общеземская организация помощи больным и раненым воинам во главе с князем Г. Е. Львовым, в которую, вопреки ее названию, входили только 13 губернских земств. Поддерживая земцев, И. И. Воронцов-Дашков действовал вопреки министру внутренних дел В. К. Плеве, являвшемуся противником объединения земств в особую организацию. Противостояние между ними разрешилось в пользу И. И. Воронцова-Дашкова, на сторону которого встал Николай II. В. К. Плеве принял Г. Е. Львова «грубо», а царь — «замечательно любезно» (*Святополк-Мирская Е. А.* Дневник // Исторические записки. 1966. Т. 77. С. 250). Во время аудиенции, состоявшейся 27 апреля 1904 г., Николай II «был тронут. Он обнял князя, перекрестил его, поцеловал и заговорил о полном сочувствии своем предпринятому земствами делу». Царь попросил Г. Е. Львова передать персоналу санитарных отрядов Общеземской организации «напутственное благословение и пожелание всяческого успеха» в «святом деле человеколюбия» (*Полнер Т. И.* Жизненный путь князя Г. Е. Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С. 90–129). Никакая Общегородская организация во время Русско-японской войны не функционировала. Кроме того, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам не являлся правопреемником Общеземской организации.

и по окончании Японской войны у них сохранились некоторые средства, а также кадры врачей и сестер милосердия[I]. Князь Львов и Челноков хотели теперь возобновить прежнюю деятельность и поставить дело на широких основаниях, но на это средств недоставало. Приехав в Петербург, они обратились к министру внутренних дел с предложением использовать их опыт и оборудовать ряд госпиталей и санитарных поездов для больных и раненых, при условии, если правительством будут ассигнованы на это нужные суммы[II]. Когда

[I] Общеземская организация во время Русско-японской войны, по свидетельству кадета князя В. А. Оболенского, получала «крупные» казенные ассигнования (*Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 261). Между тем, отмечал директор канцелярии министра путей сообщения Н. И. Туган-Барановский в январе 1915 г., «вполне обоснованной отчетности по выданным общественным управлениям суммам по эвакуации и лечению раненых не представлено ими даже за Японскую войну» (*Куликов С. В.* Записки Н. И. Туган-Барановского по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. Источники, исследования, историография. С. 153). Более того, с 1905 г. за Общеземской организацией числился долг в 800 000 руб. (Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима... М.; Л., 1925. Т. 4. С. 114).

[II] Впервые вопрос о субсидировании казной Земского и Городского союзов был поднят на заседании правительства, состоявшемся 3 августа 1914 г., что видно, в частности, из соответствующей записи А. Н. Яхонтова: «Князь Георгий Евгеньевич Львов у Горемыкина — Союз земской и городской

Мне неудобно было настаивать на своем мнении ввиду атмосферы, создавшейся в Совете министров, тем более что я также склонялся к мысли, что в исключительных условиях военного времени бюрократический аппарат должен проявить гибкость и не препятствовать живым начинаниям мертвым формализмом[I]. Никто из министров, и я в том числе, тогда не отдавал себе отчета, что в этом своем заседании правительство предоставило революционным элементам способы и средства организовать в грандиозном масштабе революционную пропаганду в рядах армии и осуществить государственный переворот в 1917 г. Это была ирония судьбы. Правительство собственными руками снабдило своих политических противников средствами для свержения существовавшего строя. Впоследствии я не раз вспоминал древнее наречие: «Jupiter quos vult perdere prius dementat» — «Юпитер, кого хочет погубить, сперва лишает разума».

В начале войны, когда, казалось, существовало полное единение между народом, монархом и его правительством, трудно было предположить, что через несколько месяцев положение совершенно изменится и руководители Общеземского и Общегородского союзов используют свои организации, дабы совместно

ного интендантского управлений Военного министерства, министерств морского, внутренних дел, финансов и путей сообщения, Государственного контроля и Главного управления Российского общества Красного Креста. В компетенцию Особого совещания входили рассмотрение ходатайств и смет и распределение средств из Государственного казначейства между благотворительными организациями (Российское общество Красного Креста, Земский и Городской союзы и др.), занимавшимися во время Первой мировой войны санитарным обеспечением армии, эвакуацией и организацией помощи больным и раненым воинам. Особое совещание подверглось реорганизации 5 августа 1917 и 15 февраля 1918 г.

[I] Ср. с записями А. Н. Яхонтова конца августа 1914 г.

25 августа: «**Барк.** — Телеграмма Брянского. [В] Москву [доставлена] масса раненых, а денег нет. Просил 3 млн руб. Я дал аванс. Утвердить».

29 августа: «**Барк.** — Львов телеграммой просит 3 млн руб. Я перевел тотчас же.

Оповестить о Комитете, куда и должны обращаться. Впредь от Министерства финансов прямо не получить» (Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 54, 58).

с крайними левыми элементами энергично подготовить и произвести революцию. Крайние элементы, конечно, сознавали, что первая попытка вооруженного восстания в Москве после Японской войны, в 1905 г., потерпела неудачу из-за недостатка у революционеров средств и потому что армия оставалась верна режиму. Вследствие этого, с самого начала войны вся их энергия была направлена к тому, чтобы добыть средства и разрушить армию. Организации Общеземского и Общегородского союзов на фронте, снабженные крупными средствами, были для революционных элементов находкой, и они с успехом использовали их[I]. Генерал Данилов[II]

[I] Впервые об антиправительственной деятельности персонала Земского союза доложил на заседании правительства 27 февраля 1915 г. наказной атаман Донского казачьего войска генерал В. И. Покотило, который сообщил: «В одном из лазаретов сестра заявляет, что заведующий ведет агитацию. Солдат из учителей тоже. Ростов — еврейская интеллигенция агитирует... Поговоришь со Львовым — такой хороший, что жаль с ним расстаться. Двуличный фарисей. Каков поп — таков и приход. Одно сплошное фарисейство — весь этот союз. Необходимо, чтобы все назначения в лазареты и комитеты Общеземского союза с моего согласия. Иначе я служить не могу... Власть уходит из рук, идет издевательство над властью». В ходе дальнейших прений П. Л. Барк заявил: «1) Данный человек вреден независимо от места работы — надо выслать и ликвидировать, не слушая Земский союз или Красный Крест, 2) о Союзе в Донской области? Нельзя так отдельно ставить. Надо его во всей совокупности. Изложили факты вообще — доказали — пересмотрим прежний взгляд» (Там же. С. 139, 141).

[II] Положительно характеризуя гуманитарную деятельность Земского и Городского союзов, Ю. Н. Данилов тем не менее признавал: «Но даже на солнце есть пятна. Были они, конечно, и в деятельности названных выше гуманитарных организаций. Я не хотел бы подробно останавливаться на недочетах в этой деятельности, но все же не могу пройти мимо, не указав на тот вред, который наносился общему делу слишком широким освобождением личного персонала от службы на фронте, в рядах войск. Среди служивших в многочисленных учреждениях названных выше организаций было немало "уклонявшихся", которых окрестили нелестной кличкой "земгусаров". Работа этих людей всегда вызывала в войсках чувство предубеждения, и от наличия этой категории служащих страдала репутация учреждений, их приютивших. Не делая никаких выводов и обобщений, но лишь в интересах исторической правды, должно также отметить, что из лиц, служивших в гуманитарных общественных организациях, вышел не один деятель, "успешно" поработавший в период революционного угара над разложением нашей усталой и обескровленной армии» (*Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 118).

и генерал Брусилов[I] в своих мемуарах оба свидетельствуют об этом.

Как я упомянул выше, уже в зимние месяцы[II] единение, которое было установлено между Думой и правительством в начале войны, уступило место прежнему недоверию и взаимному непониманию. Совершенно искренние порывы у одних заподозривались другими, и создавалась опять атмосфера двух враждебных лагерей: «мы и они».

После возвращения министра юстиции и моего из Ставки Верховного главнокомандующего я имел неоднократные частные беседы с министром земледелия Кривошеиным о трагическом положении армий, которые были обречены в ближайшем будущем на отступление, и о тех мерах, которые правительство могло бы принять для объединения всех живых сил страны, чтобы опять в полном согласии между народом, монархом и его правительством встретить новые тяжкие испытания.

Мысли, которые созревали в более либеральной группе министров, нашли себе выражение после частной беседы, которую я имел с министром иностранных дел Сазоновым. Я не был так близок с ним, как с Кривошеиным, но в заседаниях Совета министров наши места были рядом, и это давало нам случай обмениваться частными замечаниями. Однажды он мне сказал, что хотел бы побеседовать со мной наедине о серьезных вопросах, которые его чрезвычайно волнуют, и после заседания я зашел к нему в министерство. Он был чрезвычайно озабочен и пояснил, что ввиду надвигавшихся грозных событий правительство должно представить Государю ходатайство о немедленном созыве Государственной думы и Государственного совета для принятия совместно с законодательными учреждениями экстренных мер по обороне страны. Правительство не имеет права оставлять эти учреждения в неведении о настоящем положении вещей. Время слишком грозное, и если правительство будет принимать все экстренные меры самостоятельно, только в порядке декретов, утвержденных Государем, мы всю ответственность, в конце концов, оставляем на личности монарха. На это правительство не имеет никакого права. Я вполне согласился с мнением Сазонова, но заметил ему, что последняя встреча Думы с правительством не была особенно счастливой и что подобная же встреча, при нынешних гораздо менее благоприятных условиях, едва ли может обещать нам хорошие результаты. Сазонов возразил, что он вполне отдает себе отчет в большой сложности положения, но что во власти правительства произвести соответственные перемены в составе кабинета, которые позволили бы нам встретить Думу с серьезной надеждой на успех предстоящей совместной работы. Мы решили устроить немедленно частное совещание более либеральной группы наших единомышленников в Совете министров и на следующий день собрались у Сазонова: министр земледелия Кривошеин, государственный контролер Харитонов, министр путей сообщения Рухлов, министр народного просвещения граф Игнатьев, морской министр адмирал Григорович, министр торговли и промышленности князь Шаховской и я.

После краткого обмена мнений все присутствующие присоединились к основной мысли Сазонова о необходимости немедленного созыва законодательных учреждений. Вместе с тем все были одного убеждения, что плодотворная работа с Государственной думой не-

[I] Наоборот, А. А. Брусилов в своих воспоминаниях отзывался о Земском и Городском союзах исключительно положительно. Ср.: «Всероссийский земский союз оказал нам прямо-таки неизмеримую пользу. Ни от каких задач союз этот не отказывался, и его деятели клали, в полном смысле этого слова, душу свою для того, чтобы возможно быстрее и основательнее выполнять то или другое задание. И Союз городов принес большую пользу, но, по крайней мере, у меня в VIII армии Земский союз был более деятелен, и считаю долгом совести засвидетельствовать, что благодаря его работе никогда никакие инфекционные болезни не принимали обширных размеров; при появлении какой-либо заразной болезни мы быстро справлялись с инфекцией, и войска от болезней страдали мало, в особенности по сравнению с санитарным состоянием войск в прежних войнах» (*Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 158).

[II] Т. е. в январе 1915 г.

возможна, если в составе кабинета остаются министры, к коим Дума относится с недоверием. Таких было четверо. Трое из них принадлежали к крайнему правому крылу: министр юстиции Щегловитов, министр внутренних дел Маклаков и обер-прокурор Святейшего Синода Саблер; четвертый — военный министр Сухомлинов, собственно говоря, не принадлежал к крайней правой, но не сумел установить нормальные отношения с Государственной думой. Он редко показывался в законодательных учреждениях, предоставляя товарищу министра, генералу Поливанову, давать объяснения по своему ведомству в различных комиссиях, а также защищать законопроекты в общих собраниях[I]. Депутаты не находили его достаточно серьезным и не видели, чтобы он мог быть на высоте в особенно трудное время грозной войны. Щегловитов был талантливым юристом и хорошим оратором. В студенческие годы он увлекался социалистическими доктринами, но с годами совершенно отошел от этих взглядов и вдался в другую крайность, резкого консерватизма. Его взгляды разделялись министром внутренних дел, Маклаковым; и оба не скрывали своих убеждений, не только крайне консервативных, но даже реакционных. Они находили, что Манифест 17 октября 1905 г. и учреждение Государственной думы были большой ошибкой со стороны верховной власти, и полагали Россию настолько отсталой страной, что к ней применимо только самодержавие. Падение самодержавия, по их мнению, должно было привести нашу родину к неминуемой катастрофе. Саблер был менее ярким выразителем таких крайних взглядов, но по своим убеждениям примыкал к Щегловитову и Маклакову. Понятно, что эти министры, относившиеся отрицательно к Государственной думе, не могли встречать среди депутатов благоприятного отношения. По этим причинам мы решили представить через председателя Совета ми-

[I] Помощником (на правах товарища) военного министра А. А. Поливанов являлся в 1906–1912 гг. и мог замещать В. А. Сухомлинова в III Государственной думе только три года, поскольку последний стал министром в 1909 г.

нистров ходатайство Государю о немедленном созыве Государственной думы и Государственного совета, с назначением новых министров взамен Сухомлинова, Щегловитова, Маклакова и Саблера. В случае же несогласия Государя с нашим мнением мы решили ходатайствовать перед Его величеством о принятии наших прошений об отставке.

Мы обсудили также вопрос о желательных кандидатах. Мы полагали, что необходимо освежить состав кабинета привлечением элементов, не принадлежавших к служилой бюрократии. Кривошеин выдвинул кандидатуру Самарина на должность обер-прокурора Св. Синода, князя Щербатова на должность министра внутренних дел и члена Государственного совета генерала Поливанова на должность военного министра. Последняя кандидатура не встретила никаких возражений. Поливанов долгие годы занимал должность помощника военного министра, в молодости участвовал в войне против Турции в 1876–1877 гг.[I], где был контужен. Он окончил Академию Генерального штаба[II], занимал различные ответственные должности по Военному ведомству[III], был очень большим работником и знал превосходно все детали своего ведомства. В Государственной думе он пользовался большой популярностью, и мы не сомневались, что его назначение будет приветствовано Думой. Поливанов зачастую заменял Сухомлинова в заседаниях Совета министров[IV], и мы хорошо его знали.

[I] Правильнее — 1877–1878 гг.

[II] А. А. Поливанов в 1880 г. окончил Николаевскую инженерную академию по 1-му разряду и в 1888 г. — Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду и первым по наукам.

[III] К числу «ответственных должностей», которые А. А. Поливанов занимал по Военному ведомству, можно отнести должности постоянного члена и управляющего делами Главного крепостного комитета при Военном министерстве (1904–1905), 2-го генерал-квартирмейстера (1905) и начальника (1905) Главного штаба. С последней должности он и был назначен в 1906 г. помощником военного министра. Ранее он являлся помощником главного редактора и главным редактором журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид» (1899–1904).

[IV] А. А. Поливанов иногда заменял В. А. Сухомлинова в заседаниях Совета министров в 1909–1912 гг.

Самарин был нам хорошо известен по своей репутации; он был предводителем дворянства Московской губернии, жил в Москве и был большим знатоком церковных вопросов[I]. Хотя он принадлежал к консерваторам по своим убеждениям, но пользовался большим уважением и среди либеральных кругов. Общественное мнение неоднократно называло его желательным кандидатом на пост обер-прокурора Св. Синода. Эта кандидатура также встретила полное одобрение со стороны присутствовавших министров. Кандидатура князя Щербатова была более сомнительной. Его мало кто из присутствовавших знал, и хотя мы его встречали в заседаниях Государственного совета, где он был выборным членом от дворянства одной из провинциальных губерний[II], мы совершенно не были знакомы с его предшествовавшей деятельностью[III]. Хотя Кривошеин рекомендовал его довольно сдержанно и предлагал нам назвать других более подходящих кандидатов, он вместе с тем подчеркивал преимущество кандидатуры князя Щербатова как выборного члена Государственного совета, не принадлежащего к бюрократии: несомненно, что Самарин и Щербатов, как свежие элементы, найдут хороший прием в Государственной думе и Государственном совете, а князь Щербатов, как член верхней палаты, будет пользоваться там особым вниманием.

Ввиду серьезного значения, которое мы придавали должности министра внутренних дел, мы надолго остановились на разборе целой серии кандидатов на этот

[I] А. Д. Самарин являлся московским губернским предводителем дворянства в 1908–1915 гг.

[II] В 1912–1917 гг. князь Н. Б. Щербатов был выборным членом Государственного совета от дворянства Полтавской губернии. В верхней палате входил в Группу правого центра.

[III] До назначения 5 июня 1915 г. управляющим МВД Н. Б. Щербатов занимал также с 1 января 1913 г. министерский пост управляющего государственным коннозаводством, т. е. начальника Главного управления государственного коннозаводства. Хотя по этому посту Н. Б. Щербатов и не являлся постоянным членом кабинета, однако, принимая участие в его заседаниях по делам своего ведомства, он не мог не быть известен министрам, в том числе и П. Л. Барку, по «предшествовавшей деятельности».

пост[I]. Однако каждое называемое лицо вызывало критику кого-либо из присутствовавших, вследствие чего, а также ввиду огромного авторитета, коим среди нас пользовался Кривошеин, мы согласились на князя Щербатова. Выбор министра юстиции Кривошеин предложил предоставить всецело председателю Совета министров. Этот портфель имел меньше значения, чем другие, в военное время, и Кривошеин полагал более политичным, дабы расположить Горемыкина в пользу нашего плана, дать ему в этом случае «Carte blanche» и возможность назначить на эту должность близкого ему человека. Мы далеко не были уверены, что Горемыкин отнесется сочувственно к нашему выступлению, так как он принадлежал к старому типу государевых слуг, привыкших к тому, что монарх сам выбирает своих министров, по собственному усмотрению, а не становится исполнителем воли своих сотрудников.

Нелегкую задачу беседы с Горемыкиным присутствовавшие министры просили меня привести в исполнение. Они указывали, что я получил назначение министром финансов одновременно с назначением Горемыкина премьером, что он относится ко мне с особенной симпатией и доверием и посему моя беседа с ним может иметь более дружеский, интимный характер.

Я не мог вполне с этим согласиться, ибо знал, что наиболее близким человеком к Горемыкину был Кривошеин, однако я понял, что Кривошеин в данном случае хотел остаться в стороне, чтобы подчеркнуть, что это выступление не возникло по его инициативе и что наш план был вполне солидарным актом всей более либеральной группы Совета министров. Уступая настояниям коллег я немедленно отправился к Горемыкину, предупредив его по телефону о моем посещении. Горемыкин,

[I] В первой половине 1915 г. кандидатами А. В. Кривошеина в министры внутренних дел были, помимо Н. Б. Щербатова, товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, а также бывший товарищ председателя Государственной думы князь В. М. Волконский, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (затем — министр народного просвещения) граф П. Н. Игнатьев и... сам А. В. Кривошеин. См.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 444.

как всегда, принял меня чрезвычайно дружески и внимательно выслушал мой доклад. Он действительно относился ко мне с большой симпатией, с оттенком отеческой покровительственности, и был со мной вполне откровенен. По старой привычке царедворца он в серьезные минуты переходил на французский язык и в данном случае тоже обратился ко мне на этом языке.

— Мой друг, вы прекрасно отдаете себе отчет, что возлагаете на меня чрезвычайно деликатную миссию к Его величеству. Государь сам выбирает своих министров, и я очень опасаюсь, что он примет меня с неудовольствием, если я представлю ему ваш план.

Однако, по существу нашего ходатайства, Горемыкин вполне присоединился к нашему мнению о необходимости созыва законодательных учреждений и о перемене в составе кабинета. Он пошел даже дальше, добавив:

— В сущности, нужно было бы, чтобы более молодой человек заменил меня, я слишком стар для вас всех.

Его смущала лишь необычайность нашего выступления и необходимость представить как бы ультиматум от известной группы министров, которые в конце концов выражали свое категорическое мнение монарху: «Или соглашайся с нами, или мы все уходим».

Горемыкин тотчас же послал Государю записку с ходатайством о назначении ему аудиенции в срочном порядке. На следующий же день он был принят Государем и по возвращении из Царского Села вызвал меня для сообщения результата своего доклада. Он мне сказал, что Государь был возмущен нашим ходатайством о замене четырех министров другими лицами. Государь находил, что совершенно нелояльный поступок со стороны одной группы членов Совета по отношению к четырем коллегам; все наше выступление носило характер возмущения и чрезвычайно ему не понравилось. Однако, по существу, Государь не возражал против немедленного созыва законодательных учреждений. Он также отдавал себе отчет в том, что указанные нами министры были непопулярны в Думе и что при сохранении их в кабинете мало было надежды на успешную работу правительства с Думой[I]. Вследствие сего он готов был склониться к мысли о замене их другими лицами. Однако это не мешало ему быть недовольным нами, и Горемыкин мне добавил, что каждый из нас должен быть готов, при следующем своем докладе у Государя, нести последствия за наше общее выступление. Я поблагодарил Горемыкина за быстрое исполнение нашего ходатайства и подтвердил ему, что мы все готовы нести ответственность за наше выступление и подать прошения об отставке, если бы Государь остался нами недоволен.

Когда я передал своим коллегам ответ, полученный от Горемыкина, наша группа испытала чувство большого удовлетворения: главная наша цель была достигнута. Государь поручил Горемыкину заготовить указ о созыве законодательных учреждений. Перемены в кабинете, по-видимому, также были обеспечены, перспектива же, что некоторые из членов нашей группы могут быть уволены в отставку, нас не смущала.

Мой очередной доклад у Государя состоялся в Царском Селе через несколько дней, как обычно, в пятницу, в 11 часов утра[II]. Государь был необычайно пунктуален. Редко мне приходилось ожидать в приемной несколько минут. На этот раз я приготовился к ожиданию, полагая, что Государь захочет немедленно дать почувствовать свое неудовольствие. Однако я ошибся, я был принят, когда часы били одиннадцать, Государь со мной поздоровался ласково, как всегда, и предложил мне приступить к докладу о текущих делах, который он выслушал с обычным вниманием, одобрив все мои предложения.

[I] Ср. с записью А. Н. Яхонтова: «28/V к И. Л. Горемыкину явились вечером Кривошеин, Барк, Харитонов, Рухлов, Сазонов и возбудили ходатайство или об освобождении их от портфелей, или же об увольнении Маклакова, Саблера, Сухомлинова и Щегловитова. В первую очередь — Маклакова, ввиду полного несоответствия его деятельности современным условиям. Особенно горячо ратовал Барк (Харитонов язвил: окончательно спутал финансы и хочет уйти под благородным предлогом). 30/V И. Л. Горемыкин был в Царском Селе и доложил. Указано на несвоевременность перемен, причем, однако, высказано о возможности скоро уволить Маклакова» (Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 176).

[II] Николай II записал 5 июня 1915 г., что «принял Барка» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2. Ч. 2. С. 134).

Только по окончании доклада Государь коснулся разговора своего с Горемыкиным, пояснив, что он был чрезвычайно неприятно поражен нашим выступлением. Он мне сказал, что не может понять, как мы решились ходатайствовать об увольнении из нашей среды четырех министров, верных слуг своего монарха. Этот поступок нелоялен по отношению к коллегам, и он не может не выразить каждому из нас своего неудовольствия. Государь добавил, что он воспитан в военной дисциплине, привык к военной атмосфере и считает совершенно немыслимым подобный инцидент в полку, где часть офицеров обратилась бы к командиру полка с ходатайством об увольнении некоторых из своих сотоварищей, ни в чем не провинившихся. Государь считал, что во всякой корпорации должна существовать солидарность, дисциплина и что всякое дело развалится, если эти необходимые условия нарушены. Я был чрезвычайно озадачен таким обращением Государя. Я никак не ожидал, что Государь проведет аналогию между Советом министров и полком и приравняет необходимую солидарность среди членов кабинета к корпоративному духу в военной среде. В своем ответе я пояснил, что мы вполне отдавали себе отчет в необычайности нашего выступления и, решившись на этот шаг, готовы были нести за него ответственность; что лично мы все ничего не имеем против четырех своих коллег, но почитаем своим долгом, из чувства лояльности и преданности своему монарху, ввиду серьезности положения, ходатайствовать о созыве законодательных учреждений; вместе с тем мы не считали себя вправе скрыть от Государя, что совместная работа Думы с некоторыми из наших коллег невозможна и потому естественно назревал вопрос о переменах в кабинете; мы все, и я в том числе, сознавали, что можем навлечь на себя неудовольствие Государя, и посему я всеподданнейше ходатайствую об освобождении меня от должности министра финансов.

Государь, посмотрев на меня своими ласковыми глазами, сказал:

— Я выразил вам свое неудовольствие вашим поступком по отношению к четырем коллегам, но это не значит, что я не удовлетворен вашей работой; я вполне вам доверяю и прошу вас остаться на посту министра финансов.

Я был чрезвычайно взволнован и не мог скрыть этого. Когда Государь прощался со мной, он особенно крепко пожал мою руку, я задержал его руку в своей и поцеловал ее. Видимо, Государь сам был растроган. Он обнял меня крепко и расцеловал.

Это был единственный раз за три года моей совместной работы с Государем, что я выслушал порицание с его стороны, и в данном случае его критика касалась не моего ведомства, а моего выступления как одного из членов кабинета. Все же доклады по Министерству финансов находили одобрение Государя, и я ни по одному делу не получал отказа. Между нами существовало полное единомыслие, и мне не приходилось бороться за проведение своих взглядов. Правда, что мое ведомство было скорее техническим и редко мероприятия Министерства финансов были связаны с чисто политическими вопросами. Однако там, где мне приходилось затрагивать таковые, я встречал у Государя полное понимание, как, например, в еврейском вопросе, и он не препятствовал мне проводить либеральные взгляды.

Помню лишь один забавный инцидент по поводу ходатайства издателя оппозиционной газеты «Речь»[1] Гессена, когда мне пришлось потратить несколько времени, чтобы убедить Государя согласиться с моим докладом. Известно, что никто не любит платить налогов, и руководители оппозиционных газет не составляют в этом отношении исключения. Податное присутствие обложило определенным процентным налогом газету «Речь». Издатель Гессен нашел ставку чрезмерной и представил Департаменту окладных сборов ходатайство о пересмотре и понижении налога. Департамент рассмотрел дело и не нашел оснований изменить постановление подат-

[1] «Речь» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в С.-Петербурге — Петрограде в 1906–1917 гг. Являлась официозом Конституционно-демократической партии. И. В. Гессен был ее фактическим руководителем.

ного присутствия. Гессен на этом не успокоился и подал мне жалобу на действия моих подчиненных органов. Директор департамента[I] представил мне свои объяснения, указав, что министру не предоставлено права менять постановления податных присутствий, основанные на точном соблюдении всех правил. Однако, пояснил он, если я, по политическим соображениям, пожелал бы выказать внимание руководителям оппозиционного органа, я мог бы испросить разрешения Государя сложить некоторую часть налога, в порядке высочайшей милости. В Основных законах была сохранена статья 21, в силу коей Государь мог разрешить сложение налогов, если этим не нарушались интересы третьих лиц[II]. Статья эта в довоенное время применялась чрезвычайно редко, и только с развитием военных действий были некоторые, и то единичные, случаи сложения таможенных пошлин с предметов, ввозимых из-за границы благотворительными учреждениями для нужд военных госпиталей.

Ввиду незначительности суммы и желая показать, что у меня нет никакой предвзятости по отношению к оппозиционной газете, выражавшей мнения Партии к[а]д[етов], я взял на себя доложить это дело Государю. Я никак не ожидал, что встречу отрицательное отношение с его стороны. Он не скрыл своего удивления по поводу того, что представитель оппозиции, которая обычно обвиняет правительство в неправомерных действиях, сам не желает подчиняться закону и ожидает особых привилегий для себя. Я высказал Государю, что это общечеловеческая черта, что дело само по себе очень незначительное, что я не решался бы ходатайствовать о каких-либо серьезных льготах, но смотрю на это как на небольшой подарок оппозиционному органу, дабы показать, что правительство готово и по отношению к оппозиции выказать известное внимание. Государь все же не поддавался моим доводам, сказал мне, что он никогда не читал газеты «Речь», и спросил, каков ее тон за последнее время, достаточно ли он корректен. Я ответил, что оппозиция обязана, конечно, критиковать правительство, но критика обыкновенно держится в разумных рамках. Пришлось выслушать еще несколько замечаний со стороны Государя, и лишь после некоторого колебания он одобрил мой доклад[I].

Через две недели после того, как Горемыкин представил Государю ходатайство о созыве законодательных учреждений и о переменах в составе Совета министров, я получил извещение от Горемыкина, что Государь выехал в Ставку Верховного главнокомандующего и указал ему прибыть туда же с несколькими министрами[II]. Я не знал, кто из нас получил это

[I] А. А. Вишняков.

[II] Имеется в виду статья 23 Основных законов 1906 г., которая постановляла: «Государю императору принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождением их от суда и наказания, а также сложение, в путях монаршего милосердия, казенных взысканий и вообще дарование милостей в случаях особых, не подходящих под действие общих законов, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права» (Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 17).

[I] Для оценки отношения П. Л. Барка к оппозиционной «Речи» ср. этот эпизод с обменом мнений, состоявшимся 16 августа 1915 г. на заседании Совета министров относительно обуздания оппозиционных газет. А. А. Хвостов: «Имеется и другой более практический способ достижения цели — просить министра финансов повнушительнее воздействовать на банки, от которых зависит огромное большинство русских независимых газет». П. Л. Барк: «Неоднократно говорил и постоянно напоминаю об этом. Воздействие оказывается, но банкам трудно, у них нет необходимых органов, чтобы изо дня в день влиять на печать». П. А. Харитонов: «Есть еще гораздо более близкий к цели прием — закрыть две или три газеты сразу, чтобы одумались и почувствовали на собственном кармане». П. Л. Барк: «Мне кажется, вся беда в том, что при многовластии неизбежно безвластие. Этим и пользуется печать, стремление и домогательства которой ни для кого не секрет. Прихлопнуть пару газет будет отрезвляющей демонстрацией». П. А. Харитонов: «И прихлопнуть надо газеты разных направлений, слева и справа. "Земщина" и "Русское знамя" вредят не меньше разных "Дней", "Ранних утр" и т. п. органов» (Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Составлено А. Н. Яхонтовым // Архив русской революции. 1926. Т. 18. С. 76). О репрессиях по отношению к «Речи» вопрос даже не поднимался.

[II] «Император, — записал 12 июня 1915 г. французский посол Ж. М. Палеолог, — уехал сегодня в Ставку Верховного главнокомандующего, в Барановичи. Его сопровождают министры ввиду предстоящего важного совещания с великим князем Николаем Николаевичем. Я знаю,

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Куликов. «Непотопляемый Барк»: финансист и политик 5

Воспоминания последнего министра финансов Российского империи. 1914–1917

Н. Д. Семенов-Тян-Шанский. Предисловие 81
Глава I 83
Глава II 123
Глава III 137
Глава IV 151
Глава V 166
Глава VI 192
Глава VII 213
Глава VIII 241
Глава IX 258
Глава X 272
Глава XI 302
Глава XII 409
Глава XIII 432
Глава XIV 453